

ПИСЬМА К ОСТРОВСКОМУ АКТЕРОВ И ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Статья М. Е. Соковина

Публикация Е. С. Мясниковой и Е. В. Филипповой*

Публикуемые здесь письма к Островскому, взятые из архива драматурга, хранящегося в ГЦТМ имени А. А. Бахрушина, и по своему количеству, и по разнообразию корреспондентов, превосходят все предыдущие публикации такого рода.

В основном это письма театральных деятелей, композиторов, литераторов и переводчиков. Шире, чем когда бы то ни было, представлены в настоящей публикации письма маленьких тружеников сцены — малоизвестных провинциальных актеров.

Самое ценное в подобной публикации, на наш взгляд, заключается в том, что она наталкивает на необходимость гораздо глубже осознать органическую связь Островского с театром, чем это было до сих пор. Ведь и сейчас исследователи творчества Островского, нередко пользуясь привычным сопоставлением «писатель — время (жизнь)», пьесы, в которых драматург трактует тему театра, ставят в один ряд с пьесами «о купцах, чиновниках, дворянах» и т. д. А между тем этого недостаточно. Для Островского нужен еще один обязательный член этой формулы — театр.

Актеры и актрисы не только играют в пьесах Островского, не только служат ему, как принято выражаться, прототипами, но часто и вдохновляют его на создание этих пьес. В письме М. Г. Савиной 31 декабря 1879 г. Островский делает важное признание: «Все лучшие произведения мои написаны мною для какого-нибудь таланта и *под влиянием этого таланта*; в настоящее время вдохновляющая меня муза — это вы» (XV, 168). Обойти это признание едва ли возможно. Вернее сказать, без него не обойтись при изучении творчества Островского.

Как правило, Островский вдохновляется не только жизнью различных сословий, но и театром. Вот почему недостаточен и чисто литературный анализ произведений Островского. Творчество его есть часть жизни русской сцены, и абстрагироваться от этого нельзя. Конечно, нельзя сводить эту «жизнь русской сцены» к одним именитым актерам или к актерам — друзьям Островского. Однако до сего времени почти всегда публиковались именно письма к Островскому этих известных лиц. Последнее было бы не только допустимо, но и естественно, если бы имелось достаточное количество мемуарной театроведческой литературы, из которой мы могли бы почерпнуть в достаточном количестве сведения о жизни театральной провинции. Ведь деятельность Островского не ограничивалась Петербургом и Москвой. Его пьесы давались по всей России. Как явствует из писем, нередко драматург принимал участие в их постановках на сценах других городов. Он не только работал с провинциальными актерами в Артистическом кружке, помогал им при переходах из одной труппы в другую и т. д. (письма режиссера Выходцева, актрисы Быстровой), но и был тесно связан с жизнью провинциальной сцены.

Письма провинциальных актеров к Островскому представляют исключительный интерес, ибо раскрывают нам эту связь и провинциальную театральную жизнь того времени, мало освещенную в мемуарах. Много подробностей узнаем мы о жизни харьковской сцены, много сведений дают они и о театральных событиях Воронежа, Киева.

* Е. В. Филипповой подготовлены письма: В. Г. и П. В. Васильевых, Климовского, Левкеевой 1-й, Леонидова, Линской, М. М. Петипа, Сабурова, Сазонова, Самарина, В. В. и Н. В. Самойловых, П. С. Федорова, Федорова-Юрковского, Федотовой и Шуберт. Остальные письма подготовлены Е. С. Мясниковой.

Кровная связь Островского с театральной жизнью России и выделяет созданное им в совершенно особую главу русской литературы вообще и драматической литературы, в частности. Ни до, ни после него ни один драматург России не входил в такие тесные контакты со специфическим миром сцены.

Великим предшественникам Островского в русской драматургии XIX в. иногда даже не удавалось увидеть своих произведений на сцене. Иначе как трагическими их отношения с театром назвать нельзя.

«Горе от ума» в виде небольшого отрывка впервые попадает на сцену только в год смерти автора.

Пушкину судьба предоставила единственную возможность увидеть свое драматическое создание на сцене. Но то, что его сложнейшая, философская трагедия «Моцарт и Сальери» была дана в качестве пьесы «для съезда карет», заставило поэта отказаться от этой возможности. Представление другой его трагедии — «Скупого рыцаря» — совпало с днем, когда в Конюшенной церкви отпевали убитого на дуэли Пушкина. Оно было отменено осторожным театральным начальством.

Многokrатно передельывал, добиваясь цензурного разрешения, свою пьесу «Маскарад» Лермонтов. Но лишь через 11 лет после смерти автора, не в полном виде, пьеса появляется на сцене петербургского театра.

Больше повезло Гоголю. Но и его буквально потрясло то легкомыслие, с которым был поставлен «Ревизор» в Александринском театре, и Гоголь долго не мог оправиться от этой душевной травмы.

И только Островскому удается завязать с театром прочные отношения. Хотя известно, что далеко не сразу принимаются дирекцией императорских театров, да и самими актерами его драматические создания. Цензура решительно запрещает первую пьесу Островского «Банкрот».

Но начиная с 1853 г. его пьесы одна за другой появляются на сценах столичных и провинциальных театров. Драматическая форма делается единственной формой осуществления его художественных замыслов. Жизнь русского театра становится частью его жизни. Театр включается в круг его творчества, подвергается сильнейшему воздействию со стороны Островского, перерождается под этим воздействием, хотя бюрократический аппарат, театральная цензура, Литературно-театральный комитет вместе со всей рутинной театральной шаблонов оказывают отчаянное сопротивление реформаторской деятельности драматурга. Замечательно и то, что пьесы Островского не только ставятся на сцене театра, но и воспроизводят жизнь театра. Кажется, что «зеркало сцены» отражает не только зрителя, глядящегося в него, не только внешнюю для театра жизнь, но действительно становится подчас зеркалом самой сцены, ее таинственной, внутренней жизни.

На этом редчайшем явлении хотелось бы несколько задержаться. Очевидно, проблемы русского театра преследовали Островского постоянно. От них не мог он отвлечься даже в процессе творчества; одни и те же фразы, совпадающие не только по мысли, но даже интонационно, встречаются в его пьесах о театре и в его статьях и официальных бумагах.

Вот диалог из пьесы «Лес»:

Несчастливцев: Актрисы нет.

Счастливцев: Да их и нигде нет.

А вот отрывок из «Записки» о присуждениях премий драматическим писателям: «Нет трагика, но их и нигде нет» (XII, 225). В той же «Записке» Островский жалуется на отсутствие в Александринском театре настоящей драматической актрисы. И прямо, как Несчастливцев со своим товарищем, обсуждает вопрос подбора труппы, ее полноты с точки зрения амплуа и т. д.

Островский составил немало подобных записок, немало горьких слов по поводу ведения театрального дела в России выслушала от него дирекция императорских театров. Он пытается воздействовать на театр и непосредственно как драматург — созданием нового репертуара, созданием жизненно-правдивых, реалистических пьес, и в качестве лица, облеченного некоторой властью: принимая участие в постановках своих пьес, распределяя роли, он оказывает давление на театральное руководство и

через организации, возникшие по его инициативе, — Общество русских драматических писателей и Артистический кружок, в котором воспитываются под непосредственным влиянием Островского многие замечательные актеры и актрисы.

Но, конечно, особенно любопытен его опыт преобразования русского театра при помощи «волшебного зеркала» сцены этого же театра.

Делая театр объектом изображения, Островский, действительно, не только рассказывает зрителям о трудностях актерской жизни, но и оказывает сильнейшее влияние на самую душу русского актера. В этом смысле особенно подействовал на воображение провинциальных актеров образ Геннадия Несчастливцева из пьесы «Лес». В публикуемых письмах можно найти много ссылок на эту пьесу, реминисценций из нее. Многие провинциальные актеры явно стремились подчеркнуть свое сходство с полюбившимся им героем.

Из письма актера Загорского, написанного в 1882 г.: «Позвольте мне, как Несчастливцеву, напомнить о своем существовании, вместо четок екатеринбургских, предложить вам китайскую трубку и кисет».

Вот письмо провинциального актера Геннадия(1) Днепровского: «внемлите гласу из недр трущоб московских вопиющего<...> Пройдя сотни верст (из г. Кипшичева), я заболел и пролежал два месяца в больнице и выйдя из нее, я доверил свой костюм товарищу по сцене (не хочу назвать фамилии), который и до сих пор не являлся».

Письмо без подписи, написанное к Островскому в 1877 г.: «Если верно, что тип покойного Рыбакова послужил вам фабулой для героя пьесы «Лес», то желательно указать вам <...> актера Громова. <...> Ему даже дали кличку Геннадий Дементьевич» (в письме ошибка — надо Демьянович. — М. С.).

Поскольку «Лес» был написан Островским в 1871 г., можно полагать, что тип провинциального актера, взятый из жизни, вновь спустился с театральных подмостков в эту жизнь. Однако спустился наверняка в облагороженном виде, так как не одни внешние черточки поведения Несчастливцева, например его чрезмерно патетическую речь, усваивали актеры, но и его щедрость, широту души и бескорыстную любовь к театру.

Письма актеров дают нам и материал для изучения творческого процесса Островского. В них мы встречаемся и с возможным прототипом Мелузова — Турбиным (письма Быстровой и Денисова) и с фамилиями, использованными Островским в текстах пьес. Но не документальная точность воспроизведения жизни составляет существо пьес Островского о театре. Их пафос в другом. И осознать этот пафос очень важно для понимания творчества драматурга, его положительного идеала.

Нужно быть очень невнимательным читателем, чтобы не заметить тенденции, проходящей через эти пьесы. Служение театру всюду выступает как некий высший нравственный принцип.

В «Талантах и поклонниках» Негина поступает ради театра не только своей любовью к Мелузову, но и теми принципами, которые прежде считала для себя неизбывными.

В пьесе «Лес» Островский демонстративно противопоставляет «странствующих рыпарей» сцены — актеров Несчастливцева и Счастливцева — не только помещице Гурмыжской, Буланову, купцу Восьмибратову, но и Петру и Аксюше, с их бедной мечтой о семейном счастье.

В «Комике XVII столетия» он снова говорит о страдном пути русского актера, о тех муках, в которых рождался русский театр.

Актер, выстрадавший своей жизнью право причаститься к высшему счастью творчества, — не только представитель театра, натура художественная, но и человек, стоящий выше окружающих людей, он — источник света. Такова актриса Кручинина в пьесе «Без вины виноватые», одним из самых поздних созданий драматурга. Та же мысль о превосходстве художника, артиста выражена Островским вполне недвусмысленно в записке «О причинах упадка драматического театра в Москве». «Сказать умное, честное слово не мудрено, их так много сказано и написано; но чтоб истины действовали, убеждали, умудряли, — надо, чтоб они прошли прежде через души, через

умы высшего сорта, т. е. — творческие, художнические. Иметь хорошие мысли может всякий, а владеть умами и сердцами дано только избранным. Это, конечно, досадно, но уж нечего делать. В недавнем походе, поднятом против искусства, эта досада была едва ли не главной причиной» (XII, 158).

Вероятно поэтому Островский с таким вниманием, с такой добротой относится ко всем, кто причастен к театру, воспринимаемому им как высший вид искусства. А честное, жертвенное служение искусству для него — высший нравственный принцип.

Поэтому, когда мы говорим о положительном идеале Островского, в первую очередь следует вспомнить о Геннадии Несчастливцеве, Негиной и Кручининной. Не о жертвах, а о приносящих жертву. Тема жертвоприношения как высшего блаженства проходит и в сказке-феерии Островского — «Снегурочка».

Понять отношение Островского к театру можно, лишь оценив и его жертву, именно жертву, а не только вклад, как обычно принято говорить о пятидесяти оригинальных пьесах, семи пьесах, сочиненных в содружестве с другими авторами, и о двух томах театральных переводов, оставленных им. Не только материальная необеспеченность, о которой говорит сам драматург, понуждала Островского работать не покладая рук — подневольный труд едва ли увенчался бы такими совершенными созданиями, каковы его пьесы, — Островского и в этом труде вдохновляла мысль о театре — «прожорливом звере», которого надо кормить.

Вероятно, неспроста особой любовью русского драматурга из великих поэтов Запада, произведения которых он много переводил, пользуются Шекспир, Гольдони и Гоцци, т. е. авторы, жизненно связанные с театром своего времени, чье творчество не замыкалось в чисто литературной среде, но фактически было именно театральным творчеством.

Жизнь пьес Островского неотделима от жизни русской сцены. Они — ее неотъемлемая часть, равно как сцена есть форма их действительного существования.

Островский все свои силы отдал русскому театру.

Разнообразные корреспонденты Островского, письма которых к драматургу публикуются, объединяются одним — все они так или иначе связаны с русским театром.

Театр, как известно, искусство синтетическое. И вот мы находим письма композиторов, режиссеров, актеров, литераторов; театр, как всякая организация, должен иметь и аппарат управления. И эта сторона дела волнует Островского — он вынужден вступить в переписку с такими глубоко чуждыми ему людьми, как начальник репертуарной части П. С. Федоров.

По сути все публикуемые письма — деловые, во всех так или иначе говорится о каких-то вопросах театрального дела, иногда о частном вопросе, иногда в них содержится личная просьба, иногда обсуждается общая проблема русского театра. Но почти нигде нет писем только личных, настолько личное для Островского дело переплетено с его главным делом, с его мечтой о создании национального театра.

Если бы не знать этих писем, если бы не знать того, что говорили об Островском его современники, то многие высказывания самого Островского могли бы нам показаться чудовищно нескромными. Мы вправе были бы подозревать у великого драматурга манию величия: «... у русского драматического искусства один только я. Я — всё: и академия, и меценат, и защита» (XII, 246). Или вот еще: «Садовская — сразу вышла из меня во всеоружии, как Афина из головы Зевса. Молодые артисты — Садовский, Ленский, Рыбаков и другие относятся ко мне как дети — к отцу» (XII, 247).

Но послушайте самих актеров: «Пишу я к вам, как к отцу русской сцены», — взывает к нему Геннадий Днепровский (настоящ. кн., стр. 303). Островский заявляет: «Лучшая, блестящая ingénue, Никулина — совсем мое создание» (XII, 246). Сама же Н. А. Никулина в письме к А. И. Южину свидетельствует: «Он <Островский. — М. С.> мой учитель, мой руководитель с первых шагов моих» (настоящ. кн., стр. 362).

Островский: «Все актеры, без различия амплуа, начиная от великого Мартынова, пользовались моими советами и считали меня авторитетом» (XII, 246). А вот к Островскому обращается с просьбой похлопотать за безвестного провинциального актера князь

Сергей Голицын: «Авторитет ваш в этом деле стоит так высоко, что малейшее ваше внимание к бедному Русакову может оказать великое благодеяние и развить в нем артистические силы» (ГЦТМ, ф. 200, № 179, ед. хр. 82/759А).

Диалог Островского и его современников можно было бы бесконечно продолжать, особенно, если не ограничиваться публикуемыми здесь письмами, впрочем, и они одни могут дать еще очень много подобного материала.

Стоит сказать и еще об одной стороне отношений Островского и актеров. Из писем видно, как часто они пользовались гостеприимством Островского, как часто находили приют и отдых под кровлей его щелыковского дома. И только Островскому отдохнуть было негде. На нем лежала забота о репертуаре для русской сцены. И в том же Щелыкове драматург был вынужден работать, пожалуй, еще более интенсивно — им написано там 17 оригинальных произведений, и смерть застала его за работой — над переводом шекспировского «Антония и Клеопатры» и над присланной ему поэтической Мысовской рукописью феерии «Белая роза».

Специального исследования заслуживает работа Островского с начинающими литераторами, часто выливавшаяся в форму соавторства. Здесь уместно напомнить, что такое соавторство — вещь весьма щекотливая. Однако Островский никогда и никак не ущемлял самолюбия молодых авторов, а, судя по множеству писем, даже отказываясь от навязываемого ему соавторства, умел сделать это крайне деликатно.

Письма начинающих писателей, которые делятся с Островским своими планами, просят у него совета и помощи (особенно обширный материал переписки с Мысовской, см. настоящ. кн., стр. 418 — 425) подробно и несколько по-новому освещают эту сторону деятельности драматурга.

Мы видим, какие оригинальные формы сотрудничества умел находить Островский, как использовал он самые незначительные способности людей, ставя перед ними узкие, специфические задачи, какие были бы им по силам, для того, чтобы выиграло общее дело — театр получил бы нужную ему пьесу. Во всяком случае, можно смело утверждать, что и здесь Островский несколько не преувеличил своей роли, когда в той же «Автобиографической записке» сказал: «У начинающих писателей только один и есть защитник—это я» (XII, 251). Помощь Островского литераторам была и велика и бескорыстна. Драматург искал, с кем он мог бы поделиться своим огромным писательским опытом, своим тончайшим знанием законов сцены. К сожалению, преемника себе найти он не смог.

А театр нуждался не только в репертуаре вообще, он нуждался именно в пьесах Островского. Из писем театральных деятелей мы узнаем, как велик был спрос на его пьесы (пожалуй, особое место среди них, судя по публикуемым письмам, занимала «Василиса Мелентьева» — ее просят у драматурга театры Киева, Ставрополя, Астрахани, Костромы, Тамбова и других городов).

Пьесы Островского не только давали возможность актерам проявить свой талант, обеспечивали им успех у публики, но и приносили значительный доход театрам.

Множество актерских писем к драматургу сводятся по существу к просьбе дать им для бенефиса пьесу. Просят Островского об этом, как о счастье, иногда умоляют, как о спасении, нередко прямо-таки вымогают у него необходимое им разрешение. Из-за пьес прославленного драматурга возникают споры, интриги. На выяснение всякого рода недоразумений, связанных с борьбой за пьесы Островского, пошло немало страничек писчей бумаги. «... Прошу вас, умоляю, сделайте для меня вторично доброе дело, разрешите, то есть только напишите две строчки, что вы в Киеве позволяете в бенефисе Быстровой «Василису Мелентьеву», ради самого неба, в память ваших покойных друзей», — заклинает Островского провинциальная актриса А. Е. Быстрова (Розанова).

«Примирующая актриса» Александринского театра Е. В. Владимирова, конечно, пишет гораздо более литературно, но и ее волнует тот же самый вопрос: «За неимением хорошей пьесы директор согласился отложить мой бенефис до первых чисел января, вот я и ободрилась...— Авось благородный и прекрасный гений сжалится над петербургской своей воспитанницей, не даст ей утопиться с горя, а славно вытащит ее кончиком своего гениального пера».

За роль Антрыгиной в комедии «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» борются две прославленные актрисы — Линская и Левкеева и обе упрекают автора, что тот отдал пьесу для бенефиса соперницы.

Конечно, если театр нуждается в актерах и актрисах на разные амплуа, то и самим этим актерам и актрисам, чтобы их таланты могли полностью проявиться, нужны были пьесы разных жанров. Островский и в этом идет навстречу театру, и, быть может, здесь — одна из причин необычайного жанрового разнообразия его произведений: от комедии «Горячее сердце» до трагедии «Гроза», от психологической драмы «Бесприданница» до исторических хроник, от сатирической пьесы «На всякого мудреца довольно простоты», до феерии «Снегурочка». Островский своим творчеством создал именно театр русский, а не просто ряд пьес для театра, создал как бы по заранее намеченному, детально разработанному плану. Но чего стоит художнику такая планомерная работа, сколько жертв принес он, сколько несовершенных поэтических созданий легло в фундамент грандиозной постройки!

Известны слова Гончарова, ставшие классическими, о том, что Островский воздвиг здание русского театра. Но самому Островскому созданный им русский национальный театр казался недостроенным — для полного торжества его мечты не хватало ее реальнейшего осуществления в виде действующего образцового театра, способного удовлетворить не только самые строгие требования художественности, но и театра, по своим размерам и по количеству дешевых мест способного соединить в зрительном зале всю действительно нуждающуюся в театральном искусстве публику, независимо от сословий и достатка, включающую и знатоков, и ученых, и самых простых русских людей. Такой народный театр должен был, по мысли Островского, находиться обязательно в Москве — в истинном центре России. И в 1881 г. Островский добивается нужного разрешения на устройство в Москве частного театра. Даже финансовая проблема не смутила Островского, он составляет «Обращение к Московскому обществу» и проект «Товарищества русского театра в Москве», деньги на строительство театра должно дать само московское общество, театр должен быть построен на общественные средства, как храм.

Но смутило Островского другое — возможность конкуренции со стороны людей куда более ловких в финансовых делах, авантюристов, театральных предпринимателей, которым интересы истинного искусства были еще более чужды, чем даже бездушному чиновничьему аппарату дирекции императорских театров, у которой хотя бы был опыт серьезного руководства, пусть относящийся к давно прошедшей эпохе Верстовского.

Перспектива безнадежной борьбы с циничными буржуазными дельцами, с промышленниками от искусства, возможность развязать эту стихию, столь враждебную самому духу искусства, вот это «море смут» заставило Островского отказаться от такой реализации мечты. Островский идет на рискованный маневр — он решает поступить на службу в императорский театр, рассчитывая, вероятно, преобразовать его изнутри, чтобы под защитой той самой монополии императорских театров, против которой он столько боролся, создать образцовый русский театр, уже не опасаясь конкуренции невежественных, но ловких антрепренеров. И 1 января 1886 г. Островский назначается начальником художественной и репертуарной части императорских московских театров. Заметим — именно московских театров.

К периоду борьбы за создание «своего» театра относится чрезвычайно любопытное письмо к Островскому актрисы Е. Литовской-Политковской, долго пытавшейся поступить на императорскую сцену: «На днях я была ужасно обрадована прилагаемым здесь газетным известием, и если оно справедливо, я, конечно, оставлю все хлопоты о поступлении на сцену императорского театра, а с особенным удовольствием отдам свои убогие способности и душу и сердце на пользу «вашего театра». К письму приложена газетная вырезка, следующего содержания:

«Мы слышали, что А. Н. Островскому разрешено устройство театра в Москве. Нам кажется, что по всем правам театр этот должен именоваться театром А. Н. Островского» (ГЦТМ, ф. 200, № 1117, ед. хр. 82/1273).

Письмо и вырезка относятся к февралю 1882 г. Как видим, русское общество и

актеры поддерживали любимого драматурга в этом его замысле. Когда же Островский становится во главе московских императорских театров, актеры начинают засыпать его письмами с просьбой принять их на казенную сцену Малого театра.

Здесь представляет интерес та принципиальность, с которой Островский отбирал для Москвы актеров. Стремясь превратить Малый театр в образцовый русский театр, Островский отказывает даже пользовавшемуся большим успехом у публики актеру Нильскому, считая, что успех свой Нильский зарабатывал «нечестно» — игрой на вызов, а не глубоким проникновением в существо роли.

Помимо заботы о драматической труппе, Островскому теперь приходилось заниматься вопросами музыкального театра — оперой и балетом.

Наибольшее количество писем от композиторов, певцов датируется 1886 годом. Некоторые из них освещают малоизвестные стороны жизни Большого театра.

Но официальная власть Островского над московскими театрами длилась недолго — 2 июня того же 1886 года великого драматурга не стало.

Однако театр уже был им создан, и ему суждена была очень долгая жизнь.

Как бы ни менялась форма спектаклей, как бы далеко ни уходил театр от того идеала, который виделся его создателю, никогда не изменял он ему до конца, и вершители его судеб в последующие эпохи: и Станиславский, и Мейерхольд, и Таиров — все с увлечением работали над постановками пьес Островского.

Влияние драматурга на русский театр неопределимо, его нельзя измерить, оно не выражается ни в проценте, какой составляют пьесы Островского в репертуаре театра — в том «контрольном пакете», держателем которого был и есть Островский.

Но если все же попытаться найти простейшую, конкретнейшую формулу, то следует обратиться к самому Островскому, он сказал о себе так: «В настоящее время я — хозяин русской сцены». Кажется, что время это так всегда и будет «настоящим».

В. Н. АКИНФИЕВА

Вера Николаевна Акинфиева играла на сценах Тифлиса в 1880-х годах. Ее два письма дополняют скудные сведения о постановках пьес Островского в Тифлисе, а главное — существенно раскрывают дневниковую запись Островского от 26 октября 1883 г.: «Вечером был в <театрально-драматическом> кружке. Дом в персидском вкусе, богатая отделка. Давали «Не в свои сани не садись». Игра любительская. Были более чем удовлетворительны Дуня — Акинфиева и Бородкин — Бакулия (товарищ прокурора)» (XIII, 282).

1

<Тифлис. 22 декабря 1883 г.>

Милостивый государь!

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Принося искреннюю благодарность за присланную мне вашу карточку, спешу исполнить ваше желание и, посылая мою карточку, покорнейше прошу принять ее в знак глубокой моей благодарности за оказанное вами внимание к посильному исполнению мною в присутствии вашем роли Дуни в прекрасной вашей пьесе «Не в свои сани не садись». Роль эта мною была исполнена, как я понимала положение неопытной, мало образованной девушки, увлеченной светским молодым человеком, но скоро опомнившейся, когда он ей ясно высказал свои стремления.

Скажу при этом, что в первый раз перед тифлисской публикой еще в 1880 году на театральных подмостках я выступила в вашей же пьесе: «На бойком месте» в роли Аннушки.

Считаю себя счастливою, что могу позволить себе поздравить вас с наступающим Новым годом, и покорнейше прошу принять уверение мое в искренней признательности и глубоком почтении остаюсь

глубокоуважающая вас Вера Николаевна Акинфиева

22 декабря 1883 года.

г. Тифлис. Куки, Кирочная улица, дом Тютюрюкова.

Ед. хр. 7, № 82240.

2

(Тифлис. 5 апреля 1884 г.)

Милостивый государь!

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Считаю обязанностью поздравить вас с монаршею милостию, оценившего ваши высокие заслуги в драматической литературе и вместе с наступающим днем светлого воскресения, от души желаю вам встретить этот праздник в добром здоровье, которое необходимо для дальнейшего продолжения вашей деятельности в пользу русского театра.

Удостоенная вашим вниманием и вполне веря высказанному вами мнению обо мне в дорогом письме вашем от 2 января сего года, я решаюсь беспокоить вас убедительнейшею просьбою не оставить вашим советом, что мне нужно сделать, чтобы сделаться хорошею актрисой. Я люблю сцену, чувствую влечение к драматическому искусству, но не знаю, что мне теперь делать: поступить ли в актрисы на провинциальную сцену или необходимо прежде поучиться в Москве у кого-либо в театральной школе или консерватории. Ваш совет, как опытейшего драматического писателя и знатока души человеческой, если только моя просьба не затруднит вас, был бы мне весьма полезен, как руководство для будущей моей драматической карьеры, тем более что я и теперь постоянно вспоминаю, что особенным вниманием тифлисской публики я начала пользоваться именно благодаря вашей оценке моей игры на кружковской сцене, в присутствии вашем. Еще раз извиняюсь, что обеспокоила вас своею просьбою и утешаясь надеждою получить ваш ответ, с полным уважением и совершенною преданностию остаюсь.

Глубокоуважающая вас Вера Н. Акинфиева

5 апреля 1884 года.

г. Тифлис.

Адрес мой: Тифлис, Куки, Кирочная улица, дом Тютюрюкова. Вере Николаевне Акинфиевой или лучше на имя моего отца доктора, действительного статского советника, Николая Михайловича Акинфиева, в Кавказское окружное военно-медицинское управление, с передачею мне.

Ед. хр. 8, № 82241.

С 28 января 1884 г. Островский получил пожизненную пенсию в сумме 3 000 р. в год.

В. А. АРТЕМЬЕВ

Владимир Андреевич *Артемьев* (псевдоним В. Манин) — драматург, член и агент ОРДП в Петербурге с 1880 г. Данное письмо имеет прямое отношение к деятельности ОРДП. История конфликта ОРДП с антрепренером Каргавовым и авторами, давшими ему, в нарушение устава Общества, письменные разрешения на постановку своих пьес без согласования с Комитетом общества, изложена в статье Т. М. Ельницкой



ОСТРОВСКИЙ

Фотография 1884 г. С. В. Трунова с дарственной надписью И. А. Булдину:

«Ивану Алексеевичу Булдину на память 16 декабря 1884 г.

А. Островский»

Центральный театральный музей, Москва

(настоящ. кн., стр. 432—435). Первое упоминание о деятельности Артемьева в качестве агента Общества находим в письме И. М. Кондратьева 20 января 1881 г. и в ответе ему Островского 5 февраля 1881 г. (XVI, 10 и 268). В ГЦТМ хранятся еще две записки и телеграмма Артемьева Островскому, относящиеся к 1880—1883 гг.:

1) 21 марта 1880 г. (ед. хр. 2619, № 67407). До сих пор авторство письма не было установлено. По содержанию и путем сличения почерка, каким написаны письма 21 марта 1880 г. и 18 февраля 1881 г., удалось установить, что письмо 21 марта тоже Артемьева.

Артемьев возвращает Островскому пьесу П. М. Невежина «В капкане» и уведомляет, «что цензура позволить ее не решается». Известно, что Островский считал эту пьесу «неудурной» и собирался помочь автору ее переделать, о чем писал Бурдину из Щелькова 10 сентября 1881 г. (XVI, 23). Пьеса была дозволена драматической цензурой к представлению 27 сентября 1884 г. См. ниже в письме Нильского 24 марта 1880 г. тоже о запрете пьесы Невежина («В капкане?»).

2) 18 февраля 1881 г. (ед. хр. 32, № 67629) Артемьев извещает о том, что цензура разрешила «Свои люди — сочтемся!» в первоначальной редакции и о вручении пьесы начальнику Главного управления по делам печати Н. С. Абазе для передачи Островскому или его брату.

3) Телеграмма 7 января 1883 г. (ед. хр. 2723, № 163891) из Петербурга, где Артемьев сообщает об успехе «Красавца-мужчины» (первая постановка в Москве 26 декабря 1882 г., в Петербурге — 6 января 1883 г.): «Красавец разыгран ансамблем вызывали после каждого действия».

(Петербург. 17 января 1884 г.)

Ваше превосходительство милостивый государь Александр Николаевич.

Я был сейчас свидетелем возмутительной насмешки над Обществом, интересам которого с такой любовью служу. Поверенный, высланный из Москвы, оплеванный вышел из суда. Общество обвиняет Картавова¹ в публичном представлении пьес без разрешения авторов, его членов, в то время, когда в руках Картавова находятся письменные разрешения самих авторов. Общество хлопочет об своих членах, а члены гораздо ранее уже позаботились о себе, войдя в соглашение с антрепренером.

Насколько мне известно по уставу Общества разрешения на представление пьес могут быть даваемы лишь самим Обществом. Крылов², Ярон, Арбенин³ и др. нарушили этот устав, чем и вызвали бесполезные расходы и труды Общества по ведению дела. Мало того, Общество возбудило иск, который Картавов с полною основательностью может признать недобросовестным. Общество русских драматических писателей — ябедник! Я более не могу говорить об этом. Передаю факт на рассмотрение ваше и нашего собрания.

Примите, ваше превосходительство, уверение в совершенном почтении и глубокой преданности

В. А р т е м ь е в

17 января 1884 г.
СПБург.

Ед. хр. 33, № 68088.

¹ Алексей Федорович *Картавов* — драматург, антрепренер Малого театра в Петербурге, где шли оперетты.

² О Викторе Александровиче *Крылове* — см. настоящ. кн., стр. 136.

³ Николай Федорович *Арбенин* (Гильдебрандт) (1863—1907) — артист, режиссер в частном театре Картавова. С 1884 по 1895 г. — артист Малого театра.

О том же см. письма И. М. Кондратьева к Островскому 6 и 18 марта 1884 г. (ф. 200, ед. хр. 942968), ответы Островского (XVI, 105, 106, 305, 306) и письмо А. А. Майкова, казначея и члена Комитета ОРДП Островскому 12 февраля 1884 г. (ед. хр. 1169, № 67720).

А. Е. БЫСТРОВА (РОЗАНОВА)

В письмах Александры Ефимовны *Быстровой* (Розановой) раскрывается еще одна типичная судьба провинциальной актрисы, обязанной своим относительным театральным благополучием Островскому, с помощью которого она в 1861 г. перешла из Воронежа в Харьков. «Совсем красавица» называет ее Островский 27 июня 1860 г. в письме из Одессы к друзьям — П. М. Садовскому и С. С. Кошеверову (XVI, 77).

1860 года июня 11. Воронеж

Дорогой мой Александр Николаевич!

Сажусь писать к вам письмо в весьма жалком расположении духа, предчувствие меня не обмануло — я не остаюсь в театре. Г. Топольский¹ был так любезен, что предложил мне такое жалование, что едва ли достанет на хлеб и воду. Он говорит, что я вас беру не так как актрису, но как ученицу. Я, конечно, на это бы не была в претензии, но очень обидно, что он меня бестолку продержал, я все ярмарки пропустила. Но, правда, что же делать, ведь правду пословица говорит: «Горькому Кузюшке и горькая песенка», и одно грустно, даже очень грустно, что теперь в молодости встречаешь на каждом шагу подлости и боишься за себя, чтобы от этих

толчков не погубить себя, возненавидя род человеческий. Эх, да что я заболталась.

Теперь обращаюсь к вам с покорной просьбой. Нельзя ли мне где-нибудь там поместиться, добрейшее существо, похлопочите и, ежели будет возможность, где-нибудь там поступить на вторые роли, то я к услугам ихним, а то я просто потеряла голову и не знаю, что делать, куда направить стопы, кто только оказался изю всей трупы, исключая Колубакина², потому что ведь не способен сделать зла, это еще Кварталов³, он даже предложил мне руку и сердце. Но Топольский — это чистый Руджиер⁴ выгадывает на каждом шагу, ведь он директор остатка, что выгодает — это его жалованье, вот почему он старается каждую копейку выгодает. Итак, мой друг, жду и надеюсь.

Теперь позвольте с вами побеседовать: как-то вы доехали, здоровы ли и счастливы ли. Пожалуйста, напишите мне, да еще у меня до вас просьба, поклонитесь Александру Астафичу⁵, ежели он еще помнит обо мне. Итак, до свиданья, целую крепко-крепко вас.

Александра Розанова

Да, к нам приехала Пиунова⁶ с мужем.

Ед. хр. 94, № 82165.

¹ Топольский — антрепренер Воронежского театра.

² Иван Васильевич Колубакин (Колубакин; ум. в 1865) — провинциальный артист, друг Островского. См. о нем: М. А. Стахович. Ключки воспоминаний. М., 1904.

³ Кварталов — актер Воронежского театра на ролях любовников, слуг и пр.
⁴ Вероятно, персонаж из «Уголино» Н. А. Полевого или из оперы «Дочь кардинала» Ф. Галеви.

⁵ Александр Евстафиевич Мартынов. Александром Астафичем называет Мартынова не только Быстрова — см. здесь же письмо Г. Выходцева.

⁶ Екатерина Борисовна Пиунова-Шмидтгоф (1843—1909) — провинциальная драматическая актриса. 8 июня 1865 г. Островский писал своему близкому другу, актрисе Малого театра Е. Н. Васильевой (Лавровой): «Мы приехали <в Саратов. — Е. М.> накануне бенефиса Пиуновой (Шмидтгоф), у которой шла «Гроза». Горбунов сейчас же, как учтивый кавалер, предложил свои услуги и сыграл Кудряша и доставил Пиуновой полный сбор. Да она и стоит того — милая актриса и милейшая женщина...» (XIV, 129—130). В «Журнале театра Литературно-художественного общества» (1907, № 5, стр. 109) напечатаны воспоминания Пиуновой-Шмидтгоф, которые начинаются словами: «Это было в 1867 году». Далее она рассказывает о своей единственной встрече с Островским и излагает характеристику образа Катерины в «Грозе» со слов Островского, который беседовал с ней — исполнительницей этой роли — перед началом спектакля в Саратовском театре. Так как датировка письма Островского не вызывает никаких сомнений, то следует признать, что Пиунова на два года ошиблась.

2

1861 года мая 8 дня. Харьков.

Добрый дружок Александр Николаевич.

Простите голубчик, что я была такая невежа, что до сих пор вам ничего не писала. Но я думаю, что вы уже и забыли меня. Но теперь я в Харькове, где только и разговору что про вас, все с такой любовью говорят о вас, право так. Сердчишко и бьется хоть, может быть, вам до этого и нужды мало. Но, право, мое сердчишко принадлежит вам, я это, ей богу, не лгу. В Харьков вступлением обязана вам, мой добренький дружок. Но представьте — только что я приехала в Харьков, вдруг приезжает Милославский¹, бранит меня на чем свет стоит, всем говорит, что потому вы меня хвалили, что я была с вами в интриге. Но, конечно, этому никто не поверил и вдобавок он остался с носом — я сыграла порядочно, публика осталась довольна. Вот его бог и наказал.

Я играла первый дебют «Окно во втором этаже»².

Сестренка моя вам кланяется. Она вас тоже любит. А меня кажется Турбин³ полюбил, чем я очень довольна. При сем посылаю вам мою мордашку, не знаю приятно ли это вам будет.

До свидания, дорогой Александр Николаевич. Много, много вас уважающая

А. Быстрова

Я теперь переменяла фамилию. Этого требовала дирекция.

Приезжайте-ка сюда — здесь все вас ждут, право. Хотя бы поглядеть бы на вас.

Ед. хр. 92, № 82166.

¹ Николай Карлович Милославский (Фридебург, 1811—1882) — провинциальный актер, режиссер и антрепренер. См. о нем «Русская сцена», 1864, № 11.

² «Окно во втором этаже», драма в 3-х картинах Иосифа Корженёвского, перевод с польского.

³ Сергей Иванович Турбин (1821—1884) — драматург, беллетрист и журналист. В «Неизданных письмах» помещено 11 его писем к Островскому 1860-х годов, где подтверждаются и уточняются факты, изложенные в письмах Быстровой. В его письме к Островскому 6 сентября 1861 г. читаем: «Мистер Щербина (директор Харьковского театра. — Е. М.), маркиз Милославский и барон Выходцев заели бедную девушку совсем: ролей не дают и с свойственным им благородством и великодушием выкидывают самые поразительные мерзости» («Неизданные письма», стр. 575—576). Есть беглое упоминание о том, что Турбин послужил Островскому прототипом для образа Мелузова в «Талантах и поклонниках» (см. в Отделе рукописей ГЦТМ так называемый «Справочный журнал Михайловского», стр. 251).

3

⟨Харьков, 1 сентября 1861 г.⟩

Добрый дружок Александр Николаевич!

Простите меня, пожалуйста, что давно вам не писала, но то была в Полтаве, то портрет не был готов, теперь посылаю вам портрет, но, кажется, и этот не хорош, но лучше не ⟨могут?⟩. Теперь, мой дружок, напишите мне, как вы поживаете. Я надеюсь, что вы не откажете мне прислать хоть две строчки. Писать больше нечего. Турбин по-прежнему меня любит. Мы здоровы, сестреночка вам кланяется, а я много, много вас целую.

Прощайте, мой дружок. Остаюсь ваша навсегда

Александра Быстрова

Податель этого письма очень порядочный господин и наш хороший знакомый

А. Быстрова

1 сентября 1861 года.
Харьков.

Ед. хр. 93, № 82164.

4

1871 года апреля 6 дня. Киев.

Многоуважаемый и добрейший Александр Николаевич.

Прежде всего я должна напомнить, кто я. 10 лет тому назад вы приезжали с покойным А. А. Мартыновым, вечная память, и познакомились у вашего друга, тоже покойного в настоящее время, это Кулебякин, вы встретили там только что начинающую актрису Розанову и вы тогда мне сделали доброе дело порекомендовали в Харьков, и в Харькове я уже получила фамилию Быстрова; с тех пор я постоянно играю и довольно удачно и

могу сказать считаюсь порядочной актрисой и преимущественно играю в ваших пьесах, по этому поводу прошу вас, умоляю, сделайте для меня вторично доброе дело, разрешите, то есть только напишите две строчки, что вы в Киеве позволяете в бенефисе Быстровой «Василису Мелентьеву», ради самого неба, в память ваших покойных друзей. От этого бенефиса зависит участь моего ребенка, а у вас самих есть дети, прошу вас только две строчки напишите. Я знаю, что вы, пожалуй, напишете, чтобы я обратилась к вашему агенту. Богом умоляю, разрешите без агента, будьте по-прежнему добры, я жду, я уверена, что вы пришлете, иначе бы мне очень грустно было, умоляю напишите; бенефис не позже первых чисел мая, роли у всех готовы. Обстановка будет прелестная, только от вас все зависит. Адрес мой: Киев. Театр. Александре Ефимовой Быстровой.

С истинным уважением остаюсь с надеждой на вторичное доброе дело и никогда не забывающая

А. Быстрова

Ед. хр. 94, № 82238.

В. Г. ВАСИЛЬЕВ 1-й

Василий Григорьевич *Васильев*, по сцене Васильев 1-й, в отличие от Васильева 2-го Павла Васильевича (ок. 1816—1886). По выпуске из Петербургского театрального училища в 1836 г. зачислен в труппу имп. петербургских театров. Работал в Александрийском театре до конца жизни. Занимал в труппе скромное положение — играл второстепенные характерные роли. Подробности об артистической деятельности Васильева см. ГИМ, ф. 360 (Л. Л. Леонидова), ед. хр. 1, № 5229.

В первых постановках пьес Островского исполнил роли: 1-го чиновника («Доходное место», 1863), Карпа («Грех да беда на кого не живет», 1863), важной особы («Путники», 1864), Жука («На бойком месте», 1865), Резвого («Воевода», 1865), Пашомова («Козьма Захарыч Мивин, Сухорук», 1866), кн. Сидцкого («Василиса Мелентьева», 1868), Сидоренко («Горячее сердце», 1869), Маржерета («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», 1872), Лютова («Не было ни гроша, да вдруг алтын», 1872), Гаврилы («Бесприданница», 1878) и др.

Встречался с Островским вне театра.

1.

⟨Петербург. Сентябрь 1863 г.⟩

Милостивый государь Александр Николаевич!

Пишу к вам, а руки так и трясутся, но не от волнения, а от водки и пишу вам не как актер, а как отец многочисленного семейства, да и зная ваше доброе сердце и расстроенное легкое, а в таком положении, надеюсь вы не откажете в моей просьбе и не захотите, чтобы я утонул <или повесился> на первом дереве и чтобы театр понес еще утрату. Господи, благослови Цидерона и убедительность Горбунова¹ — вот в чем дело, единственная дочь моя, а их у меня четыре, до сих пор еще не играла на сцене — так угодно нашему начальству, да и не предвидится, когда начальству будет угодно, а в назначенной к представлению вашей пьесе «Доходное место», в которой роли еще не розданы, то я и желал бы — отцу простительно желать, чтобы одну из дочерей Кукушкиной играла дочь моя (она по сцене Орлова²). Девочка с большим тактом. Наше начальство просить не могу, потому что плеть обуха не перешибет, — заметьте я плеть, а начальство обух, оттого я и обратился к вам, а не к обуху. Вам стоит захотеть и написать Павлу Степановичу Федорову³ и все пойдет как по чухонскому маслу. Сделайте счастье дочери и.. и.. и.. Засим остаюсь готовый обыграть вас в домино

В. Васильев

(<Приписка Ф. А. Бурдина:>)

Находя просьбу артиста Собаджо⁴ вполне справедливой, ибо его детище вполне заслуживает твоего внимания и ни в каком случае хуже других не сыграет, я прилагаю и мою просьбу к его и покорнейше прошу тебя — за бедную и очень хорошенькую девушку похлопотать, ибо у нее никого нет покровителей, а ее родитель только способен безупречно вешать собак — то как человек и автор, обязанный помогать молодым дарованиям, — помоги и ей.

Душевно твой Ф. Б у р д и н

Ед. хр. 97, № 68295.

Письмо датируется сентябрем 1863 г., так как первая постановка комедии «Доходное место» в Александринском театре состоялась 27 сентября 1863 г. в бенефис Елизаветы Матвеевны Левкоевой 1-й. Это была долгожданная премьера (пьеса пять с половиной лет находилась под цензурным запретом).

¹ Иван Федорович Горбунов.

² Островский не смог поручить начинающей актрисе Орловой ни одной из просимых для нее отцом ответственных ролей в «Доходном месте». На премьере пьесы в Петербурге роль Полины играла Е. И. Подобедова 2-я, Юлиньки — М. А. Спорова. Сам же Васильев 1-й получил роль 1-го чиновника.

³ Павел Степанович Федоров — начальник репертуарной части Александринского театра (подробно о нем см. стр. 396—397).

⁴ Собаджо — шутливое прозвище, данное В. Г. Васильеву его друзьями.

2

(<Петербург. 15 апреля 1866 г.>)

Милостивый государь Александр Николаевич!

После долгих хлопот и страданий мне разрешили бенефис, за тридцатилетнюю службу. Желая получить хороший сбор, я осмеливаюсь просить вас о дозволении взять в бенефис вашу новую пьесу «Пучину» — ежели вы изъявите согласие, то вместе с тем покорнейше прошу прислать и распределение ролей и прошу адресовать на имя Бурдина.

Остаюсь в ожидании всегда глубоко уважающий

В. В а с и л ь е в

15 апреля 1866 г.

Ед. хр. 96, № 68294.

Островский исполнил просьбу Васильева. Премьера «Пучины» состоялась в Александринском театре 6 мая 1866 г. в бенефис артиста (30-летие сценической деятельности). Он выступил в роли Турунтаева.

П. В. ВАСИЛЬЕВ 2-й

Павел Васильевич Васильев, по сцене Васильев 2-й (1832—1879) — актер Александринского театра. Член театральной семьи Васильевых: брат Сергея Васильевича Васильева, актера Малого театра. Воспитанник московского театрального училища, Васильев, несмотря на успехи в драматическом классе, выпущен в 1850 г. в московскую балетную труппу императорских театров.

Решив стать драматическим актером, берет в 1850—1854 гг. длительные отпуска в провинцию. Уже в 1853 г. он занимает первое положение в Черниговском театре. Уволенный в 1854 г. из балетной труппы, Васильев в 1854—1860 гг. с успехом играет в Харькове, Полтаве, Одессе, Кишиневе. Огромное влияние на формирование его как художника оказало творческое общение с А. Е. Мартыновым в Харькове в 1855 г. В 1860 г., уже сложившимся артистом, Васильев приходит в Александринский театр на роли Мартынова. Художник-реалист, он мастерски изображал русские характеры. Наивысшие творческие достижения Васильева связаны с воплощением образов в произведениях Островского. В двадцати его пьесах он сыграл двадцать четыре роли



П. М. САДОВСКИЙ В РОЛИ ПОДХАЛЮЗИНА, В. А. МАКШЕЕВ
В РОЛИ РИСПОЛОЖЕНСКОГО («СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ!»).

Малый театр, 1892 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

и способствовал утверждению его произведений на петербургской и провинциальной сценах. Шедевры Васильева — Любим Торцов («Бедность не порок», 1857), Тихон («Гроза», 1860), Краснов («Грех да беда на кого не живет», 1863). Первым на Александринской сцене он исполнил роли Подхалюзина («Свои люди — сочтемся!», 1861), Бальзаминова («Женитьба Бальзаминова», 1863), Потапыча («Воспитанница», 1863), Юсова («Доходное место», 1863), Василия Шуйского («Тушино», 1867), Крутицкого («На всякого мудреца довольно простоты», 1868), Курослепова («Горячее сердце», 1869), Василькова («Бешеные деньги», 1870), Восьмибратова («Лес», 1871), Крутицкого («Не было ни гроша, да вдруг алтын», 1872), Василия Шуйского («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», 1872), Дороднова («Поздняя любовь», 1873).

Близость актера-демократа к передовым общественным кругам, его резко отрицательное отношение к безыдейным пьесам и к сценической фальши вызвали вражду к нему со стороны театрального начальства и актеров, следовавших устаревшим канонам. Осенью 1864 г. Васильев вынужден был уйти из театра (с января 1865 г. работал в Вильно актером и режиссером). Передовая критика настойчиво требовала возвращения Васильева на петербургскую сцену, и в сентябре 1865 г. он вернулся в труппу Александринского театра. Однако недоброжелательство к нему все росло; не выдержав травли, Васильев в 1874 г. покинул и Александринский театр, и петербургское театральное училище, где с 1868 г. вел драматический класс. В 1874—1875 гг. он выступал в Московском общедоступном частном театре. С 1875 г. гастролировал в провинции, связь с которой постоянно поддерживал. Закончил сценическую деятельность незадолго до смерти.

1

С. Петербург. 20 августа (1862 г.)

Добрейший и многоуважаемый Александр Николаевич.

Простите, что до сих пор не написал вам ни строчки, но верите ли — просто измучился, то перемена квартиры, переездка с дачи и т. д., все это стоило больших хлопот. Позвольте вас благодарить за ваше доброе ко мне расположение, которое передал мне Рыбаков¹ в своем письме: вы ему сказали, что Минин², более нежели кому другому, принадлежит мне³ — за эти слова кланяюсь пренизко и от всего сердца благодарю вас за память обо мне, впрочем, вы всегда были ко мне весьма добры, добрейший Александр Николаевич. Сделал контракт еще на год и получил прибавки 10 р. серебром к проспектальной плате, и три месяца летнего отпуска с производством жалованья. 12 октября предстоит бенефис мой, и я решаюсь просить вас не отказать в «Минине» и вместе с этим и осчастливить нас вашим дорогим приездом, тогда бы я написал и Рыбакову. А насчет комитета, чтобы вам самим не беспокоиться, вы можете мне дать уполномочение, и я сам ее представлю и буду хлопотать⁴, только напишите, на каких условиях платы и прочее вы можете дать ее. Затем! в ожидании вашего слова остаюсь с истинным почтением и глубокою преданностью коленопоклоненный раб

Павел Васильев

Жена⁵ и дети, и артист Васильев целуют вас и кланяются. Агафье Ивановне⁶ свидетельствую мое глубокое почтение. Если будете добры почтить словом.

Адрес. На углу большой Итальянской — и Фонтанки, близ Аничкина моста против Екатерининского института дом Воронина, квартира № 2.

P.S. Сабуров⁷ более не директор.

Ед. хр. 100, № 68291.

Письмо датируется 1862 г. на основании трех фактов:

а) упоминания о хронике «Козьма Захарыч Минин, Сухорук», первая редакция которой вышла в 1862 г.;

б) сообщения Васильева о новых условиях, на которых дирекция императорских театров заключает с ним контракт: именно эти условия впервые указаны в его контракте от 5 сентября 1862 г. (см. дело о его службе — Центр. гос. архив народного хозяйства, Ленинград, ф. Дирекции императорских театров № 497, оп. 97/2121, ед. хр. 17401, карт. 7939, л. 28);

в) упоминания о том, что «Сабуров более не директор». Андрей Иванович Сабуров (1797—1866) вступил в должность директора императорских театров в 1858 г. и оставил службу в 1862 г.

¹ Николай Хрисанфович Рыбаков (1811—1876) — крупнейший провинциальный артист, чья сценическая деятельность как поборника реализма имела реформатор-

ское значение для провинциальной сцены. В его 50-летний юбилей (11 мая 1876 г. Москва, Общедоступный театр) на чествовании после спектакля «Лес» (Несчастливцев — Рыбаков) Островский выступил с приветствием от Общества драматических писателей и закончил словами: «...славен и достоин почета не тот, кто их достиг, а тот, кто их достоин <...> Ваше же полувековое самоотверженное служение русскому театру навеки сохранит вашему имени признательную память потомства» (Н. Н. К о л а е в. Николай Хрисанфович Рыбаков и русский провинциальный театр. — «Библиотека театра и искусства», 1912, № 5, стр. 58).

В. Н. Давыдов писал о нем как об исполнителе ролей в пьесах Островского: «...я хорошо помню, как восторженно отзывался Островский о Рыбакове в ролях Дикого в «Грозе» и Тита Титыча в «Тяжелых днях», а в роли Ахова («Не все коту масленица». — Е. Ф.) ставил его выше Садовского. Островский был художником новой эпохи, и признание им таланта Рыбакова служит лучшим показателем характера и направления дарования незабвенного артиста» (В. Н. Д а в ы д о в. Рассказ о прошлом. Л. — М., 1962, стр. 176).

² *Минин* — главное действующее лицо драматической хроники Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук». Васильеву не пришлось сыграть роль народного героя Минина, которая так соответствовала и его демократическим взглядам, и характеру его дарования; 7 октября 1863 г. пьеса в этой ее первой редакции была запрещена к представлению цензурой драматических сочинений III Отделения; во второй же редакции хроники, впервые поставленной в Александринском театре 9 декабря 1866 г., роль Минина играл Бурдин.

³ Ко времени написания этого письма Васильев уже стал для Островского желанным исполнителем, так как блестяще сыграл роли Любима Торцова, Тихона, Подхалюзина, Бальзаминова («Праздничный сон — до обеда») и тем самым способствовал успеху его пьес.

⁴ Васильев предлагает свои услуги по проведению пьесы через Театрально-литературный комитет.

⁵ Жена Васильева — Мария Григорьевна *Васильева* (1830—1914) — драматическая артистка, выступавшая до замужества (1856) под девичьей фамилией Соболева 2-я. По окончании Московского театрального училища принята в 1849 г. в Малый театр, а с 1 февраля 1854 г. переведена на Александринскую сцену. Обладая несомненным дарованием, не смогла, однако, выдвинуться на казенной сцене; в силу этого из года в год брала длительные отпуска «на разные провинциальные театры», где с успехом исполняла первые роли. В ряде театров (Харьков, Одесса, Вильно) работала вместе с мужем. Уволилась из Александринской труппы с 1 декабря 1864 г. Автор воспоминаний о П. В. Васильеве (опубликованы Е. В. Филипповой в сб. «Театральное наследство. Сообщения, публикации». 1956, стр. 317—329) и воспоминаний о Л. П. Никулиной-Косицкой (опубликованы Е. С. Мясниковой, там же, стр. 330—335). Хранятся в ГЦТМ.

⁶ *Агафья Ивановна* — первая жена Островского.

⁷ С уходом А. И. Сабурова в 1862 г. с поста директора императорских театров его преемником (в 1862—1867 гг.) стал граф А. М. Борх.

2

Петербург. 12 сентября 1864 г.

Добрейший Александр Николаевич!

Получил ваше письмо и благодарю вас за ответ, вы пишете, чтоб я известил вас о дне моего бенефиса, то спешу ответить вам следующее: мой бенефис обыкновенно бывает в октябре, но я по случаю вашего ответа — был у П. С. Федорова¹, и он сказал, что может перенести мой бенефис на ноябрь — во всяком случае взять можно и позднее² будет, если только вы успеете кончить³. Будьте так добры, Александр Николаевич, уведомьте с первой почтой — могу ли я быть в надежде? или нет? — Чем премного бы обязали

вашего покорнейшего слугу В а с и л ь е в а

Р. С. Еще раз — прошу вас — не откажите в скором ответе.

Мария Григорьевна шлет вам свой поклон.

Если бы бог помог вам кончить пораньше, было бы лучше, поболее бы поиграли, а то вон «Грех да беда» — поздно поставили⁴. Как-то не так ходко ставится на репертуар⁵.

Всем домашним глубокое почтение мое.

Ед. хр. 101, № 68293

¹ О Павле Степановиче *Федорове* — см. настоящ. кн., стр. 397—398. Он был яростным врагом независимого по характеру Васильева: всячески ущемлял его самолюбие, сокращая деятельность — обходил ролями, даже если они назначались авторами, постоянно назначал ему дублеров, к тому же неравноценных. Вынудил артиста в ноябре 1864 г. уволиться из театра.

² Дирекция отказала Васильеву в бенефисе, так как вскоре (в октябре этого же 1864 г.) он подал заявление об уходе и с 13 ноября был уволен.

³ Речь идет о пьесе «Воевода» («Сон на Волге»), которую Островский спешил закончить к бенефису Васильева.

⁴ Драма «Грех да беда на кого не живет» поставлена на сцене Александринского театра 23 января 1863 г.

⁵ *Бурдин* — первый исполнитель роли Краснова (П. В. Васильев играл после него) оказался очень плох и тем самым снизил интерес к спектаклю. Васильев же в образе Краснова раскрывал трагедию глубоко страдающего человека и потрясал зрителей пламенным темпераментом. Об исключительном воздействии этого создания Васильева свидетельствует Достоевский, не видевший до того времени артиста ни в одной роли. В статье «Об игре Васильева...» он пишет: «Знаете ли что? Я вошел в театр с предубеждением к Васильеву. Я слышал такие похвалы ему от тех, которые уже видели его в «Грех да беда», что во мне невольно родилось сомнение. «Мочаловская игра!» — ведь это уж слишком много сказать. А между тем для меня его игра действительно оказалась чем-то невиданным и неслыханным. Да, я не видал до сих пор в трагедии актера, подобного Васильеву. <...> Да, актер прежде всего лицедей, а все это созданное поэтом лицо я увидел во плоти и крови в игре Васильева и воочию убедился, что лицо это — правда» («Лит. наследство», т. 86, 1973, стр. 55—56).

3

С. Петербург. 4 мая 1866 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Благодарю вас за назначение мне роли в пьесе «Пучина»¹ и если я отказался от нее, то по следующим причинам. Васильев 1-й² прежде отдал пьесу г-ну Самойлову³: тот ее продержал — довольно долго и потом отдал ему назад... и тогда уже г. Васильев-1-й предложил мне эту пьесу, — согласитесь, что это для меня было очень больно (быть только на *подставках*), а потом я дал себе слово — как не играть ролей после отказов г-на Самойлова, так и в очередь с г-м Бурдиным, потому мне надоело это положение, и надо когда-нибудь это кончить. Извините, что я утруждаю вас моим письмом — но я желал, чтоб вы знали *истинную причину моего отказа*, а то у нас народ такой — напишут то, чего и не бывало. Если вам писали, что я по причине отпуска моего отказался, то это вздор — а только вышеизложенное положение заставило меня не брать роли.

Уважающий вас П. Васильев 2

Положим, хотя назначение ваше я видел собственными своими глазами, но оно было показано г. Васильевым довольно поздно, и если б Самойлов согласился играть, то мне этого назначения и не показали бы, что со мной не раз и бывало, — мне кажется, я прав и перед собой, и перед вами.

Ед. хр. 102, № 68292.

¹ В «Пучине» Островский назначил Васильеву роль купца Боровцова.

² О Васильеве 1-м см. настоящ. кн., стр. 287.

³ Василий Васильевич *Самойлов* — см. настоящ. кн., стр. 393. Самойлов относился к Васильеву весьма неприязненно, даже некорректно как партнер.

Е. В. ВЛАДИМИРОВА

Елизавета Васильевна *Владимирова* (урожд. Рюлье, по мужу Полибина; 1838—1918), актриса Александринского театра (1855—1870). Дочь французского банкира. Готовилась к сцене вне театральной школы, под руководством И. И. Сосницкого и

В. П. Василько-Петрова. Принята в Александрийский театр сразу на первые роли. Островский ценит ее как актрису и считал, что она, как и многие другие актеры, главными успехами обязана ему (XII, 66, 240, 246; XIV, 161). «От Владимировой я добился настоящего тону, и она будет хороша и величественна своей красотой и движениями» (в роли Василисы Мелентьевой) (XIV, 16). В Записке по поводу проекта «Правил о премиях императорских театров за драматические произведения», в разделе, озаглавленном «Сметкова и Владимирова», Островский пишет: «Прежние примировавшие актрисы, Сметкова и потом Владимирова, хотя не имели такого таланта, как Савина, зато были лучше подготовлены для сцены; их игра, не очень сильная, не очень выразительная и несколько холодная, была исполнена изящества, непринужденной грации и, при их редкой красоте, доставляла удовлетворение и требовательному вкусу. С ними можно было поставить всякую пьесу; я не говорю, сколько трудов надо было положить автору при постановке, но все-таки возможность была <...>, с Владимировой я поставил «Воспитанницу», «Василису Мелентьеву», «Воеводу» и др. и тоже с большим успехом» (XIII, 240). 18 января 1856 г. в бенефис Владимировой состоялось первое представление комедии Островского «В чужом пиру похмелье». В других пьесах Островского она была первой исполнительницей ролей Нади («Воспитанница», бенефис Жулевой, 23 ноября 1863 г.), Анны Павловны («Шутники», бенефис Бурдина, 9 октября 1864 г.), Марьи Власьевны («Воевода», 28 апреля 1865 г. в свой бенефис), Марфы Борисовны («Козьма Захарыч Минин, Сухорук», 1866), Людмилы («Тушино», 1867), Василисы Мелентьевой (1868). Играла успешно также роль Липочки («Свои люди — сочтемся!») и др.

Ее «прекрасное дарование» высоко ценит Ап. Григорьев, особенно отметивший удачное исполнение роли Нади («Воспитанница»).

(Петербург. 3 декабря 1863 г.)

«Автора в театре нет» — постоянный ответ на восторженные вызовы после каждого представления «Воспитанницы»¹, и она, бедняжка, со вздохом сожалений повторяет: ах, отчего ж его нет: все легче было бы ей лично подойти с горячею мольбою, чем прибегнуть к неопытному, неискусному перу.

За неимением хорошей пьесы директор согласился отложить мой бенефис до первых чисел января, вот я и ободрилась: что ж, думаю: смелость города берет. «И такой во мне дух сделался, ничего я не боюсь, хоть день, да мой, думаю, а там что будет, то будет». Авось благородный и прекрасный гений сжалится над петербургской своей воспитанницей, не даст ей утопиться с горя, а славно вытащит ее кончиком своего гениального пера². Простите мою смелость, добрейший Александр Николаевич, и удостоьте словечком ответа преданную вам всей душой

Е. В л а д и м и р о в у

С. Петербург, 3 декабря 1863

Ед. хр. 132, № 68241.

¹ «Воспитанница», находящаяся под цензурным запретом с осени 1859 г., впервые была поставлена в Москве 21 октября и в Петербурге 23 ноября 1863 г.

² Островскому в этот раз не удалось удовлетворить просьбу Владимировой. Ее бенефис с пьесой Островского «Воевода» («Сон на Волге») состоялся 28 апреля 1865 г.

Помимо публикуемого, есть еще два письма, также связанные с бенефисными хлопотами: 21 мая 1864 г., переданное Островскому через Василия Ивановича Арпстова — артиста и режиссера кружка любителей драматического искусства в Петербурге (см. положительный отзыв о нем Островского в конце 1861 г. — XIV, 95). «Арпстов расскажет о постоянном успехе при полных сборах ваших пьес». И последнее — короткая записка без даты, ее можно предположительно отнести к марту — апрелю

1865 г., в связи с готовящимся бенефисом (см. публикуемое в настоящ. кн. письмо Е. И. Воронова).

Ее письма переключаются с письмами Островского к П. С. Федорову, Ф. А. Бурдину и М. В. Васильевой (XIV, 108, 111, 116, 161).

Е. И. ВОРОНОВ

Евгений Иванович *Воронов* (?—1868) — артист и старший режиссер Александринского театра (1852—1868). «Мастерски, эффектно и великолепно ставил народные сцены. Под его управлением толпа жила. Это были живые лица, принимавшие близкое участие в ходе событий» (А. А. Н и л ь с к и й. Закулисная хроника, стр. 167). О том, что и Островский ценил Воронова, можно судить хотя бы по фразе из его статьи «О положении драматических писателей»: «В настоящее время весьма заметный в петербургской драматической труппе, после смерти режиссера Воронова, упадок как по составу репертуара, так и относительно тщательности постановки» (XII, 64). Среди заслуг Воронова также следует отметить улучшение системы преподавания в театральном училище, в частности — сценической речи.

В ГЦТМ, в коллекции научных работ (ед. хр. 19, № 148029) хранится интересная рукопись, озаглавленная рукой Бахрушина: «Лекция режиссера императорских СПб. театров Е. И. Воронова». Текст лекции записан неуставленным лицом и представляет собой теоретические положения по сценическому искусству с примерами для практических этюдов. Есть темы: «для мужчин», «для девиц» и др. Дается объяснение различных психологических состояний, в том числе и при мелодраматических ситуациях с элементами ужаса. В конце последней, третьей лекции той же рукой сделана приписка: «Эта лекция была прочтена Евгением Ивановичем Вороновым во вторник 12 марта 1868 г., <...> а после этого он трудно заболел и скончался в субботу 13 апреля того же года».

Четыре коротких деловых записки на протяжении пяти мартовских дней (с 3 по 7) 1865 г. дают возможность судить о творческом энтузиазме, который был в театре в период постановки Островским «Воеводы», о мытарствах драматурга, о системе репетиций, о методе режиссирования Вороновым, о трудностях творческого общения с таким «премьером» Александринского театра, как В. В. Самойлов. С января по апрель Островский трижды приезжал в Петербург (см. XIV, письма Островского этого периода). 23—24 апреля 1865 г. он пишет домой: «...Занят по горло. Одну половину дня отнимают репетиции, а другую читаю роли то с тем, то с другим» (XIV, 123). Первое представление в Петербурге «Воеводы» — в присутствии Островского — состоялось на сцене Мариинского театра в бенефис Е. В. Владимировой (см. нашу аннотацию к ее письмам).

1

⟨Петербург. 3 марта 1865 г.⟩

Милостивый государь Александр Николаевич!

Вы желаете, как сказал мне Павел Степанович¹, чтобы назначена была репетиция вашей пьесе². Мне кажется, что в один день срепетировать такую большую пьесу будет тяжело, и я полагал бы разделить ее надвое, так:

1-ый день: Пролог, 1 и 2-ой акты,

2-ой день: 3-ий, 4-ый и 5-ый акты,

и назначить репетиции на вторник и среду будущей недели.

Согласны ли вы на это, или не находите ли дни для вас неудобными, покорнейше прошу меня уведомить.

Если у вас готова музыка для пьесы³, я попросил бы вас прислать ее ко мне.

Честь имею быть вашим покорнейшим слугою Е. В о р о н о в
3 марта 1865 г.

Ед. хр. 137, № 68285.

¹ П. С. Федоров.

² «Воевода, или Сон на Волге».

³ Островский сам тщательно собирал старинные народные песни и напевы для своих исторических пьес. На премьере «Воеводы» в Петербурге 28 апреля 1865 г. исполнялись песни, напетые Островским композитору В. Н. Кашперову, аранжированные им. Наибольший успех выпал на долю «Колыбельной» (см. настоящ. кн. стр. 531). Увертюру и музыку к автрактам написал П. И. Бларамберг. Для московской постановки 9 сентября этого же года исполняли увертюру композитора М. М. Эрлангера. Для «Воеводы» во второй редакции — 1866 г. — Островский оставил музыку Кашперова, кроме сцены домового; по просьбе Островского для домового музыку сочинил Чайковский. Триумф в 1886 г. О. О. Садовской затмил большой успех первой исполнительницы «Колыбельной» в Москве — артистки Малого театра Л. П. Косицкой (1865).

2

⟨Петербург. 4 марта 1865 г.⟩

Милостивый государь Александр Николаевич!

Согласно желанию вашему назначаю репетицию завтра (пятница) на сцене Александринского театра в 11 ч. («Пролог», 1 и 2 акты).

Честь имею быть вашим покорнейшим слугою

Е. В о р о н о в

4 марта 1865 г.

Ед. хр. 138, № 68286.

3

⟨Петербург. 6 марта 1865 г.⟩

Милостивый государь Александр Николаевич!

Самойлов прислал мне свою роль со сделанными им пометками в 4-м акте¹ и письмо, которое при сем прилагаю. Я желал бы иметь ваш ответ не позже 11-ти часов завтрашнего дня.

Честь имею быть вашим покорнейшим слугою

Е. В о р о н о в

P.S. Письмо Самойлова прошу вас возвратить.

марта 1865 г.

Ед. хр. 139, № 68287.

¹ Самойлов готовил роль воеводы Шалыгина.

4

⟨Петербург. 7 марта 1865 г.⟩

Милостивый государь Александр Николаевич!

Вы совершенно правы: нет ничего хуже, как вести дело через посредников — в результате всегда путаница. Вот что вышло: Самойлов посылает ко мне письмо и роль с выметками, и, после этого, получает от вас пьесу; я посылаю письмо и роль к вам, а дурак-капельдинер относит к вам одно письмо, а роль возвращает к Самойлову!!

Я сейчас от Самойлова: его, правда, не застал дома, но сличил его выметки с вашими: разница в том, что он, в ином месте, вычеркнул стих, который вы оставили, и, наоборот, оставил тот, который вы вычеркнули — значит, дело можно считать порешенным¹.

Завтра репетиция в 11 часов.

Жалею очень, что эта катавасия, может быть, доставила вам несколько беспокойных часов.

Ваш покорнейший слуга

Е. Воронов

7 марта 1865 г.

Ед. хр. 140, № 68288.

¹ Сокращения в тексте делались по обоюдному решению драматурга и актера, но, как видно из писем, не сразу были согласованы. Приведенные письма Воронова позволяют уточнить дату письма Островского к Самойлову с перечнем сокращений в роли Шалыгина. Письмо написано 5 марта 1865 г. (а не в начале апреля, как значится — XIV, 123).

Г. А. ВЫХОДЦЕВ

Григорий Алексеевич *Выходцев* (1815—1886), провинциальный артист из крепостных, на сцене с 1834 г. В 1858—1860 гг. — режиссер Харьковского театра. Служил в Полтаве, Одессе, Житомире. Одно время был антрепренером странствующей труппы. В 1880-х годах вернулся в Харьков. «Он любит знакомить публику с произведениями Островского» («Театральный и музыкальный вестник», 1859, № 21). В 1860 г. газета «Харьковские губернские ведомости» дала высокую оценку его деятельности. Н. Н. Синельников рассказывает о встрече с Выходцевым в своей книге. Он особенно ценил этого актера в водевильных ролях («Шестьдесят лет на сцене». Харьков, 1935, стр. 176—180). Дата юбилея — 1881 — указана ошибочно. В 1884 г. 8 декабря на имя Островского, председателя ОРДП, была получена телеграмма из Харькова за подписью директора театра Невского: «Десятого декабря Харькове Народном театре празднуется 50 летний юбилей известного вам артиста Выходцева. Надеюсь пришлите поздравление» (ед. хр. 2830, № 163897/53). Внизу приписка рукой Островского, видимо, адресованная И. М. Кондратьеву: «Надо посылать или нет? Если надо то напишите, я подпишу и пошлю. А. Островский». Поздравление за подписью Островского было послано вместе с серебряным венком. Синельников в своих «Записках» передает и текст лаконичной надписи на венке: «Поздравляю талантливого актера. А. Островский» (стр. 178—179).

Предлагаемое письмо перекликается с письмами А. Е. Быстровой о Харьковском театре. Оно интересно как еще одно свидетельство плодотворности личного участия драматурга в постановках его пьес, особенно на провинциальной сцене. В данном случае речь идет о «Бедной невесте» в Харькове. Интересно это письмо и потому, что лишний раз показывает, какой всеобщей скорбью отозвалась смерть Мартынова в России среди людей искусства и культуры. Напомним, что Островский во второй половине мая 1860 г. сопровождал Мартынова в Крым для лечения от туберкулеза. По дороге они останавливались в Воронеже, Харькове, Одессе, где Мартынов участвовал в спектаклях. Повсюду его принимали с триумфом, но в Одессе ему стало хуже. А из Ялты его с трудом удалось довести обратно только до Харькова, где 16 августа он умер на руках Островского. «Самое большое сочувствие к покойному обнаружили артисты и Университет; на выносе, кроме студентов, был ректор и профессора», — писал Островский из Харькова П. С. Федорову 21 августа 1860 г. (XIV, 85).

⟨Харьков. 29 августа 1860 г.⟩

Милостивый государь Александр Николаевич!

Позвольте принести вам мою душевную благодарность. Ваше участие в постановке «Бедной невесты» имело следствием то, что пьеса была разыграна очень хорошо, и она должна долго держаться на репертуаре харьковской сцены.

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ
«НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ»
(1855) С ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ

М. И. СЕМЕВСКОМУ:

«Михаилу Ивановичу Семевскому
от автора»

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

*Михаилу Ивановичу
Семевскому
от автора*

**НЕ ТАКЪ ЖИВИ,
КАКЪ ХОЧЕТСЯ.**

Данное ваше позволение украсить мою бенефисную афишу вашим именем доставило мне лучший сбор в нынешнем театральном сезоне, битком набит был театр, публика была очень, очень довольна, даже сам Сергей Иванович¹ почти не ругался.

Жаль очень, что вы пробыли у нас мало, мы бы при вас исправились совсем. Ваш приезд в Харьков остался надолго в моей памяти, я думаю также и у моих товарищей.

Августа 30 дня у нас идет по желанию публики «Гроза» и надо полагать, что публики будет много.

Остаюсь истинно преданный вам навсегда.

Ваш покорный слуга Григорий Выходцев

Августа 29 дня 1860 года.
Харьков

Августа 31-го везут тело Александра Астафича², мы все собираемся его провожать, будут на проводах певчие и военная музыка.

Ед. хр. 148, № 82235.

¹ Сергей Иванович Турбин — см. прим. 3 к письму Быстровой от 8 мая 1861 г.

² Александр Евстафьевич Мартынов.

ГРОМОВ (?)

Письмо без подписи и без обращения. Послано из Петербурга 5 ноября 1877 г. с указанием адреса Громова в Одессе. Протежируя «актеру Громову», автор не называет его имени и отчества.

К сожалению, в ГЦТМ нет писем Громова. Сравнение этого письма по почерку со всеми письмами из архива Островского также ничего не прояснило. Очевидно, автор письма лишь однажды — 5 ноября 1877 г. — писал Островскому.

И все-таки нам кажется правомерным предположение, что данное письмо написано самим Громовым, как бы от имени одного из последних Несчастливцевых.

Петербург. 5 ноября 1877 г.

Если верно, что тип покойного Рыбакова¹ послужил фабулой для героя пьесы «Лес», то желательно указать вам, как единственной, в наше ужасное время, светлой литературной личности, одного из последних могикан прежнего времени — актера Громова. О прошлом своем он не говорит, но, судя по основательному образованию, знанию иностранных языков, крайней тактичности и благовоспитанности, Громов, наверное, принадлежит к интеллигентной породе. Служит он на сцене 40 лет, любит свое искусство с той идеальной нежностью, к которой способны люди прежнего закала. Идеалист и оригинал замечательный.

Амплуа его — то же, что и Рыбакова. Он еще очень бодр, но по своей крайней деликатности по большей части голодает. Теперь он без места в Одессе, в доме Попудова, возле собора.

Достаточно одного вашего слова, одной рекомендации, чтобы дать труд старику в каком-нибудь театре и навсегда упрочить его положение. Помогают же братьям-славянам; помогите вашему драматическому славянину. В «Лесе» он неподражаем, до того похож на Несчастливцева. Ему даже дали кличку «Геннадий Дементьевич»².

Этот скромный труженик абсолютно молится на ваш талант.

Ед. хр. 2615, № 163904.

¹ Н. Х. Рыбаков.

² Автор письма ошибся — Несчастливцева зовут Геннадий Демьянович.

К. Н. ДЕ-ЛАЗАРИ

Константин Николаевич Де-Лазари (по сцене Константинов; ум. 1903), певец виртуоз-гитарист, артист Александринского театра в 1863 г. и с 1873-го. С 1864 г. — артист Большого, а затем Малого театра в Москве. С Островским встречался в Артистическом кружке, бывал у него дома.

Публикуемое письмо, написанное в день премьеры «Василисы Мелентьевой» в Петербурге 10 января 1868 г., удачно дополняет воспоминания Де-Лазари, впервые напечатанные в газете «Россия» 1900, № 545, 552 (см. отрывки: «Островский в воспоминаниях современников»).

(Москва. 10 января 1868 г.)

Милый и душевноуважаемый Александр Николаевич!

Наконец, в прошлое воскресенье, я таки сыграл Бородинку¹ и сыграл его, по отзывам других, недурно, хотя сам собою не вполне доволен: робость проклятая одолела; на репетициях было гораздо лучше, и все артисты поздравляли меня с будущим успехом; но, по-моему, я имел этот успех только наполовину, по окончании нас всех вызывали два раза.

Слышал я, что остались мною очень недовольны Владыкин², который даже и заболел, да Шумский³, который здоров, но по обыкновению злится и ругает все и всех наповал.

Роль Шута⁴, по отзыву всех, удалась мне настолько, что я, насколько только мог, оправдал ваше доверие. Владимир Петрович⁵, который редко бывает доволен, выразил мне свое удовольствие. Об дальнейшей участи Василисы вы уже знаете: Федотова сделалась больна и принуждены были <потерять?> два полных сбора. Впрочем, теперь ей лучше, и пьеса назначена на четверг и на пятницу, а затем, вероятно, на понедельник и на всю будущую неделю: публика ужасно рвется на эту пьесу — об исполнении всеми артистами Владимир Петрович хотел писать вам после второго представления, потому что по первому нельзя судить вполне справедливо — все ужасно оробело; но в особенности он был не доволен Самариным, который совсем не удержал настоящего тона. Впрочем, все это и слышал мельком и пишу, может быть, то, чего бы и не нужно — да уж поговорить-то больно люблю; но как был хорош наш комик!! сзади так ни дать, ни взять покойный Филарет за час перед кончиной⁶ — просто прелесть! все нашли ее ужасно симпатичной и в самом деле, она играла с большой душой. Великолепен был Садовский и Живокини. Последний свою небольшую роль сыграл с таким чувством, что публика, привыкшая к фарсам с его стороны, была просто поражена.

Когда же вы, голубчик, приедете к нам — пора уже, довольно — загулялись. Пожалуйста, не забудьте Сетова⁷ и хоть изредка вспоминайте того, кто искренно душевно вас любит, и на Новый год поставил вам бутылку шампанского первый и последний раз, я уж и теперь каюсь, потому что вы холодно эту бутылку приняли, бог с вами — будьте здоровы, целую вас

К. де-Л а з а р и (Константинов)

P.S. Каково отличился Владимир Петрович: в нынешнем году он сделал сборами на тридцать шесть тысяч (36 000), больше, нежели назначено по бюджету, и если бы Пельт⁸ распоряжался бы умнее по хозяйственной части и менее писал бы бумаги и развязал бы руки Бегичеву, то дефициту совсем бы не было, а теперь, как говорят в конторе, дефицит московский будет все-таки тысяч на 311.

Еще раз прошу не забудьте Сетова, ох, да! кстати, об Савицком: на днях Пельт прочел ему выговор директора, в присутствии всех режиссеров, и в ответ на это Савицкий⁹ (подлец) выслушал с усмешкой, пожал плечами, сказал Пельту «я извиняюсь» и нагло вышел из комнаты. Владимира Петровича эта выходка и это нахальство так рассердило, а в особенности рассказы этого подлца, что директор будто бы ему сказал, что выговор вам сделают только для виду; но я не признаю вас виновным и ничего не бойтесь, что думал уже подавать в отставку, вообразив себе, что директор этого желает, но Сетов, я и Мария Васильевна¹⁰ отговорили. Сетов также ужасно этим был взволнован. Ему и Владимиру Петровичу на каждом шагу портят Савицкого как-то: Безродный, Талызин и Лясковский¹¹, стараются делать разные интриги и гадости.

Простите, что надоел вам гадкими дрязгами; но язык мой — враг мой, а по отношению к вам и он, т. е. язык, и сердце, и душа, все это ваше.

К. де-Л а з а р и

10 января 1868 года

Ед. хр. 224, № 68273.

¹ Роль Ивана Петровича Бородинкина, молодого купца, в пьесе «Не в свои сани не садись». Что предшествовало участию Де-Лазари в этом спектакле, выяснить не удалось.

«Робость» одолела — реплика Хлопова («Ревизор», IV д.)

² Михаил Николаевич Владыкин (1830—1887) — драматург, член ОРДП, артист Малого театра с 1865 г.

³ О С. В. *Шумском* — см. настоящ. кн., стр. 113.

⁴ На премьере спектакля «Василиса Мелентьева» 3 января 1868 г. роли исполняли: И. В. Самарин — Грозного; Г. Н. Федотова — Василисы; П. М. Садовский — Воротынского; Н. А. Никулина — царицы Анны; В. А. Дмитриевский — Малюты Скуратова; Н. Е. Вильде — Колычова; В. И. Живокини — Морозова; Е. Н. Васильева — Мамки; К. Н. Де-Лазари — Шута.

⁵ В. П. *Бегичев* — начальник репертуара московских императорских театров.

⁶ Видимо, пропущена фамилия актрисы, возможно, что речь шла о Н. А. Никулиной.

⁷ Иосиф Яковлевич *Сетов* (1826—1893) — оперный певец, режиссер, антрепренер (в Киеве), артист петербургской и московской оперы до 1873 г. Островский тоже просит похлопотать о Сетове Дубровского у Доброхотова (XIV, 177).

⁸ Николай Иванович *Пельт* (1810—1872) — переводчик, инспектор репертуара, управляющий московскими театрами с 1866 по 1872 г.

⁹ Н. П. *Савицкий* — оперный режиссер Марининского театра в 1847—1877 гг.

¹⁰ *Мария Васильевна* — жена Островского.

¹¹ Лица неустановленные.

Имеется еще два коротких письма Де-Лазари к Островскому. В письме 27 декабря 1868 г. (письмо датируется на основании репертуарных списков ГЦТМ, ф. 299 С. А. Черневского, ед. хр. 225, № 68275) есть строки:

«Душевноуважаемый Александр Николаевич!

Вам сказали неправду. На будущей неделе из ваших пьес, хотя действительно мало, но все-таки идут: три раза «На всякого мудреца», один раз «Бедность не порок» и один раз «Бальзаминов», я вчера видел репертуар у Владимира Петровича <Бегичева>, он мне показывал...»

В декабрьском письме 1870 г. (ед. хр. 226, № 168274) Де-Лазари выражает сожаление, что из-за нездоровья не будет у Островского на чтений «Леса».

Н. А. ДЕНИСОВ

Николай Андриянович *Денисов* — молодой актер Харьковского театра, в 1863 г. — секретарь харьковской театральной дирекции с правом на полубенефис. Вынужден был бросить университет, чтобы содержать семью в связи с разорением отца. Пробовал писать пьесы для театра («Вечеринка», «Западня», «Обманчивая наружность»). Его письма переключаются с публикуемыми здесь же письмами других деятелей харьковской сцены (Г. А. Выходцева и А. Е. Быстровой) и с опубликованными письмами С. И. Турбина («Неизданные письма», стр. 567—585) и самого Островского (XIV). Все эти письма, взаимно дополняя друг друга, оживляют страницы истории харьковской театральной жизни 1860-х годов.

Публикуемое письмо написано под впечатлением возвращения из Москвы и недавней (16 августа 1860 г.) смерти А. Е. Мартынова.

Харьков. 1860, сентябрь 30.

Добрейший и многоуважаемый Александр Николаевич!

По воле судеб, говоря высоким слогом, я опять в Харькове, в этом скучном, грязном городе на большой дороге. Москва для меня какой-то «злой, страшный бред»... Я не могу еще опомниться — все мне кажется, что я еще в Москве. Под влиянием такого настроения мне все опротивело; я страшно скучаю; на меня, как в последние дни, на незабвенного Мартынова, начала нападать какая-то апатия ко всему и все кажется мне грязно, отвратительно... Разумеется, горькая действительность заставит разочароваться и придется опять поневоле покориться окружающим обстоятельствам, а там...

Благ господь! Он знает срок, он, быть может, вышлет утро на Восток... Из Москвы я, по воле тоже судеб, отправился, по ходатайству управляющего почтовыми станциями, в общественной карете и приехал в Харьков, благодарение богу, благополучно. Появление мое в Харькове произвело

реши́тельный эффект между моими добрыми знакомыми (т. е. актерами). Посыпались со всех сторон вопросы о московских новостях, но, разумеется, я новостей никаких не рассказывал, потому, ясно, что ничего не знал, проживши в Москве, как говорится, без году неделю. Поручения ваши, добрейший Александр Николаевич, я все исполнил: Сергею Ивановичу¹ передал письмо и книги, а актерам по поклону, которые в свою очередь просили меня передать и вам их нижайшее почтение и низкий поклон. Новостей в Харькове много: 1) открылись воскресные школы, где и нижеподписавшийся обучает тьму свету; 2) собираются устроить студентский спектакль в пользу приготовительных классов в Университет, которые уже открыты; наконец, 3) недавно был спектакль в пользу воскресных школ, где и отличился Сергей Иванович в своей «Картинке с натуры». Слава богу, Харьков понемногу начинает пробуждаться — это еще примиряет меня с моею горькою действительностью; видишь, что есть и в Харькове добрые люди и хоть немного забудешься... Хотелось бы мне многое сказать вам, добрейший Александр Николаевич, но, я думаю, что и это письмо уже вам наскучило, а потому мне остается только поблагодарить вас от души за все ваше внимание ко мне, которое, бог даст, я успею отплатить вам. Вы были первый для меня человек, для которого слова мои казались правдою; неделя, прожитая у вас, кажется мне каким-то сном... Мертвые буквы не в состоянии передать того, что чувствует в эту минуту ваш покорный слуга

Н. Денисов,

который передает поклон добрейшей Агафье Ивановне и Ивану Григорьевичу Турчанинову². Агафье Ивановне от меня такого рода.

А.

В.

А — голова

В — ноги

P.S. Позвольте мне, добрейший Александр Николаевич, по временам писать к вам — это хоть немного облегчит меня. Прощайте. Желаю вам всего того, что вы сами желаете.

Ед. хр. 2, № 82233.

¹ Турбин.

² Об Иване Григорьевиче Турчанинове см. настоящ. кн., стр. 87.

АННОТАЦИИ К ОСТАЛЬНЫМ ПИСЬМАМ ДЕНИСОВА

13 ноября 1860 г. Денисов обращается к Островскому с просьбой переписать и выслать ему его пьесу «Вечеринка», так как директор театра Иван Александрович Щербина предлагает поставить ее на харьковской сцене за 30 рублей. Сообщает также другие харьковские литературно-театральные и житейские новости, в том числе:

«Предполагается студентский спектакль, в который пойдет «Ревизор». Хотели мы поставить «Свои люди — сочтемся!», но нам сказали, что нельзя, это возмут под сумление, а посему ваша комедия идти не может. В Харькове, после плачу и рыданий по покойной в бозе почившей императрицы Александры Федоровны позвали играть в театре и артисты (ad lebetum) утешают «почтеннейшую» публику «Детскими докторами», «Живыми покойниками» и проч. чушью, а почтеннейшей в театре бывает очень мало, потому что теперь у нас по улице нельзя пройти — непременно обдерут<...>

P. S. S. Чуть было не забыл: все артисты и Сергей Иванович <Турбин> вам кланяются, а signor'a Кирилова — четыре раза (ее слова)» (ед. хр. 232, № 82230).

В кратком письме 22 ноября 1860 г. Денисов сообщает о посылке Островскому двух афиш состоявшегося «студентского спектакля» и пишет: «После рождества мы

думаем поставить или «Горе от ума», или «Старый друг лучше новых двух»... А что же моя «Вечеринка?» (ед. хр. 233, № 82231).

21 января 1861 г. Денисов снова просит выслать «Вечеринку», думая, что Островский не получил его предыдущих писем. Жалуются на тяжелое материальное положение своей семьи (ед. хр. 234, № 82232).

24 июля 1861 г. сообщает о своей попытке поступить в театр и об отказе Щербины. В момент полного отчаяния «...вдруг судьба посылает мне некоего господина Дмитриева с 3000 р. сер., который предлагает мне издавать в Харькове газету или журнал. Не долго же думавши, я сажусь за мой письменный стол (он же стул) и валяю программу учено-литературно-политической газеты под названием «Харьковский вестник».

Чего я не написал в программу! и мудро-руководящее правительство, и современное движение и прогресс, — словом, не достает, как говорится, только куриного молока! Программу эту представил я уже своему местному начальству (попечителю), который обещал лично хлопотать о разрешении нашего издания. И так я попадаю редактором учено-литературно-политической газеты! Ха, ха, ха! Вот разодолжу Щербину — в каждом № буду писать о театре; да не только в каждом №, а в каждом отделе, — фельетон — Щербина, смесь — Щербина, сельское хозяйство — Щербина, политическое обозрение — Щербина, словом, я ему припомню славные его со мной дела! Ну, да черт с ним! Дело-то вот в чем: копейку с каждого рубля мы пожертвовали в пользу Литературного фонда, так нельзя ли будет, добрейший Александр Николаевич, когда нам разрешат программу, замолвить об этом словечко в заседании Общества? А дело-то в том, что может быть кто-нибудь из членов пришлет и с своей стороны лепту в сокровищницу «Харьковского вестника»...

Так вот вам животрепещущая и самая свежая новость. Как только нам разрешат программу, то я пришлю вам ее.

Остальные харьковские новости ограничиваются только избиением Шретера Турбиным (я думаю он писал вам об этом). «Свои собаки и проч.», переписавши собственноручно, отдал я Выходцеву, который послал их (т. е. «Собак») в III Отделение и уже получил обратно. Пойдут они на его бенефис (в Успенскую) вместе (по моему совету) с «Праздничным сном». О «Своих людях» и помину нет. До сих пор не высылают из III отделения — что с ними делают — одному всевышнему известно. По поводу «Своих людей» мог бы я рассказать анекдот, но боюсь, что и так уже наскучил своим письмом. Прощайте. Tout á Vous *

Н. Денисов

P. S. Мой поклон добрейшей Агафье Ивановне и Ивану Егоровичу Турчанинову» (ед. хр. 235, № 67340).

В письме 1863 г. (без даты) просит для своего бенефиса пьесу «Пучина» и уведомляет, что написал четвертую комедию «Обманчивая наружность», посвящая ее Островскому, если тот одобрит. В конце письма сообщает: «Дела у нас плохие — сборов совсем пока нет... Ваша драма «Грех да беда» послана в III Отделение и до сих пор не возвращали... В Харькове скука, скука, скука!.. Директор наш писал к Садовскому — не приедет ли он к нам? Если вы будете настолько добры, что ответите мне, то узнайте у Прова Михайловича, что он приедет в Харьков или нет?

Агафье Ивановне, незабываемой, мое нижайшее почтение и низкий поклон!» (ед. хр. 236, № 82234).

ГЕННАДИЙ ДНЕПРОВСКИЙ — ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АКТЕР

О Геннадии Днепроvском мы знаем только то, что сам он сообщает в публикуемом письме. Все ли тут соответствует действительности, остается на совести автора. Из этих строк перед нами предстает опять (см. письмо Громова) живой прототип актерских

* Весь ваш (франц.).

пьес Островского — один из тех, привлекавших внимание драматурга, бродячих комедиантов, к которым он питал писательскую нежность, пылливо присматривался, радуясь малейшему проблеску в них таланта. Островский никогда не отказывал им в помощи и поддержке. Некоторые из них даже находили себе временный приют в Щелыковской усадьбе (см. письма Загорского).

Письмо не датировано. Год сверху первого листа проставлен неразборчиво карандашом неустановленной рукой. Датировка не ясна.

Милостивый государь Александр Николаевич!

Во имя того, что для вас свято, что для вас дорого, внемлите гласу из недр трубцов московских вопиющего! К вам, как к единственной точке моего рассвета, пишу я к вам как к отцу Русской сцены!.. Не судите меня строго за эти строки и молю не откажите провинциальному актеру в куске насущного хлеба. Я только что вышел из больницы и крайне нуждаюсь в ежедневной поддержке, — о материальной помощи я не упоминаю, потому что после болезни необходимо поддержать физические силы...

Пройдя сотни верст (из г. Кишинева), я заболел и пролежал два месяца в больнице и, выйдя из нее, я доверил свой костюм товарищу по сцене (не хочу назвать фамилии), который и до сих пор не являлся. Положение, как видите, безвыходное... но чтоб поправить это обстоятельство, мне необходимо сумма в размере хотя пяти рублей.

Простите, Александр Николаевич, мою усерднейшую просьбу, но если есть возможность, помогите! Не дайте человеку остаться на целый год без ангажемента. Судьба меня давно не миловала: сообразовалите же дать возможность, хоть на этот раз, выбраться из зловещей сферы.

Прошу вас, не откажите в посильной вашей помощи, пока хоть на кусок хлеба, чтобы голод не вынудил меня просить «Христа ради!»

Из принципа человеколюбия умоляю вас войти в безвыходность моего положения и не отказать в необходимом: поддержать физические силы.

Посланный, которому я вполне доверяю, не может передать той смелости, которая вызвала меня написать эти строки; и если угодно будет вам помочь мне и послать слугу вашего ко мне: тот воочию убедится в моем безвыходном положении.

Два этих столь могущественных двигателя заставили меня беспокоить вас: голод и слабые ноги, которые не дают еще сделать шаг по улице и т. п.

Ваш ответ будет моим приговором.

Глубоко уважающий вас актер Геннадий Д н е п р о в с к и й (провинциальный).

Хотя и страдает орфография на этих строках, но вы простите невниманию учителей костромской гимназии 1865 и т. д. годов.

Ед. хр. 238, № 67706.

Н. А. ДУБРОВСКИЙ

Николай Александрович Дубровский (1821—1874)* — близкий друг Островского, чиновник (казначей) Московской дворцовой конторы, архивист, археолог. В «Чтениях Общества истории и древностей российских» поместил несколько исторических статей, составил «Толковый словарь иностранных слов», выдержавший несколько

* Дата рождения Дубровского приводится не во всех именных указателях. Между тем она легко устанавливается на основании записки-приглашения Островскому на 50-летие Дубровского 9 января 1871 г. (см. далее письмо 5).



Н. А. ДУБРОВСКИЙ

Фотография, 1850-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

изданий. в том числе издание Кожанчикова (второго издателя собрания сочинений Островского). Дубровский очень тяготился своей службой: «чиновничество заковало меня в свои оковы и погубило лучшие мои мечты и благородные помыслы», — писал он в своем Театральном дневнике в 1860 г. (ГБЛ, ф. 94, карт. 1, ед. хр. 6). В качестве актера-любителя Дубровский с увлечением принимал участие в спектаклях Красно-воротского театра в доме Н. И. Давыдова (зять Островского, муж его сестры Натальи Николаевны, умершей в 1852 г.) и, с теми же участниками, в доме Некрасовой, сестры Шахова, в Денисовском переулке. Среди его ролей: Расплюев в «Свадьбе Кречинского», молодой Васютин в «Старый друг лучше новых двух», Ресположенский в «Свои люди — сочтемся!», Маломальский в «Не в свои сани не садись». Дубровский оставил очень содержательный Театральный дневник за 1860 и 1861 гг. и две страницы за ноябрь 1865 г. В дневнике упомянуты многие посетители Красноворотского театра, имеются интересные наблюдения и критические замечания по поводу четырех пьес Островского: «Не в свои сани не садись», «Старый друг лучше новых двух», «Семейная картина», «Свои люди — сочтемся!»; трех Гоголя: «Ревизор», «Женитьба», «Лакейская»; о «Свадь-

бе Кречинского» Сухово-Кобылина. Всего названо более 15 пьес, в том числе несколько водевилей. Дубровский пытается анализировать характеры действующих лиц, особенно Расплюева и Маломальского, и дает подробный критический разбор игры некоторых исполнителей, в том числе своей, Островского, Загорского, Н. Давыдова и других. Дубровский передает одобрительный отзыв Островского по своему адресу. Островский похвалил его за самостоятельное решение образа Расплюева, за то, что Дубровский не подражал Садовскому. И тот же Островский возражал против похвалы Федотову за исполнение шутки Горбунова «Хочу быть актером», так как Федотов подражал Горбунову. Ниже мы читаем критическое высказывание по поводу игры молодого Загорского. В какой-то водевильной роли Загорский целиком подражал С. В. Васильеву. Дубровский негодует: «Как бы ни было хорошо подражание, но оно всегда останется бесцветной копией и никогда не принесет пользы молодому артисту, а скорее всего подавит и уничтожит последние его способности и сделает из него рутинера или жалкую посредственность». Ниже Дубровский высказывает опасения по поводу того, что дальнейшее развитие таланта Загорского может быть загублено провинцией. Интересно, что в дневнике, помимо разбора исполнения Островским роли Подхалюзина (опубликовано в сб. «Островский в воспоминаниях современников», стр. 348), подробно рассказано о спектакле «Свои люди — сочтемся!» 2 января 1861 г. Следовательно, часть московской публики познакомилась со сценическим воплощением пьесы раньше жителей Петербурга (премьера 16 января 1861 г.) и до официальной постановки в Москве 31 января 1861 г.

В ГЦТМ хранится свыше пятидесяти неопубликованных писем Дубровского к Островскому за 1863—1874 гг. 51 письмо Островского к Дубровскому за эти же годы напечатано (XIV и XV). Большая часть писем Островского — краткие, лаконичные записки, которые совершенно иначе воспринимаются, когда есть возможность параллельно знакомиться с письмами Дубровского. Полностью мы публикуем 21 письмо; остальные в выдержках с аннотациями. Основная ценность писем Дубровского в том, что они вводят нас в творческую лабораторию драматурга в период создания «Снегурочки» и исторических пьес, в том числе неосуществленной комедии «Скоморох». Дубровский снабжал Островского всевозможными справками и сведениями исторического и библиографического характера. Через него Островский познакомился с историками И. Е. Забелиным и Н. И. Костомаровым. Охотно и добросовестно выполнял Дубровский также различные житейские и хозяйственные поручения своего друга.

1

«Москва, 26 сентября 1867 г.»

А. Н. Островскому

Борода ль моя бородушка,
Борода ль моя ты рыжая.
Как живешь ты и как можется,
И как можется всем здоровится?
Что ты в шумном граде Питере
Пьешь ли соки виноградные,
Аль как я да друг мой Провушка,
Непобедная головушка,
Пьем Российское амстронгами,
Презирая всеми толками?

Каков куплет? Хорош? Да ты, вероятно, никогда и не сомневался в моих поэтических способностях? Ну, и довольно — хорошенького понемножку. Во-первых, посылаю тебе список со столбцов Оружейной палаты по делу Шуйской для Костомарова¹, а, во-вторых, не забудь справиться у Кожанчикова о моем словаре, да постарайся спаять с него деньги. Если Костомаров когда-либо вздумает сослаться на этот столбец, то пусть он упомянет при этом, что список со столбцов получен им от Г. В. Есипова², а то, пожалуй, мне может последовать нечто вроде трепки за эту царичу

Шуйскую, как и за царицу Евдокию. Кланяйся от меня Михаилу Николаевичу и прелестнейшему Жану Горбунову. Прощай, друже, будь здоров и возвращайся поскорее к нам в Москву.

Истинно преданный и любящий тебя Николай Д у б р о в с к и й

Москва

26 сентября 1867 года

Р. С. Федотов³ покорнейше просит тебя уведомить меня или его о времени твоего приезда в Москву. Еще одна просьба, лично от меня: купи мне, если получишь с Кожанчикова деньги, билет в лотерею Филармонического или какого другого Общества, в которой разыгрывается земля, оцел. 35/т. руб., чем премного меня утешить.

Ед. хр. 303, № 67576.

¹ Николай Иванович Костомаров (1817—1885) — историк, профессор Петербургского университета. Имеется ряд свидетельств о высокой оценке Костомаровым пьесы Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (см. «Островский и Бурдин», стр. 39; письмо М. Н. Островского — стр. 253 настоящ. кн.; письмо Костомарова в редакцию журнала «Голос», № 89 — Н. Ф. Денисюк. Критическая литература о произведениях А. Н. Островского. М., 1907, т. II, стр. 354).

² Григорий Васильевич Есипов (1812—1898) — действительный статский советник.

³ Александр Филиппович Федотов (1841—1895) — воспитанник Московского университета, артист Малого театра (1862—1873; с перерывами), режиссер, педагог, драматург, театрально-общественный деятель. Участвовал в создании частных театров в Москве и Петербурге. Студентом играл в Красноворотском театре. Был одним из организаторов Народного театра на Политехнической выставке. (См. «Театральное наследство». М., 1956, стр. 348).

2

(Москва. 19 июня 1869 г.)

Любезный друг
Александр Николаевич!

Как ты думаешь, куда я собираюсь ехать? — в Тифлис. Вона куда меня забрасывает судьба. Я еду с Николаем Мартыновым¹ и едем чрез Нижний Новгород, т. е. будем от тебя очень недалеко. Мне очень бы хотелось заехать к тебе проститься, да не знаю, хватит ли у нас на это время. Из Москвы выезжаем мы 24 или 25 июня. По отъезде твоем из Москвы у нас было только два весьма видных происшествия: 1-е — Пров Садовский оборачивался в Грозного Царя Иоанна или Ивана Васильевича (в бенефис Черневского) и пужал почтеннейшую нашу публику, да все как-то выходило у него более смешно, нежели боязно, хотя он «шип пускал по змеиному и зрывал по звериному». Вскоре за сим последовало второе происшествие — на Лубянке балаган сгорел. Вот тебе и все наши новости. В настоящее время у нас в Москве, по случаю царского приезда, идет большая суетня. Царь с царицею и с детками живут в Ильинском. Говорят, что в конце июля они поедут в Крым. Ну, как твоё здоровье? Смотри не смей у меня болеть и возвращайся в Москву здоровым и веселым.

Главное управление печати пропустило мою «Вербу»², вычеркнув из нее только то место, где Глебов плюет на Петра и разговор Петра с К. <нрзбр.>. С этим еще можно примириться, а потому я и решился напечатать «Вербу», и она уже печатается.

Патриаршие выходы тоже печатаются у Бодянского³.

Теперь еще несколько слов о себе. Так как я пропутешествую по горам, по морям и разным источникам не менее двух месяцев, а в два месяца много может воды утечь и унести даже с собой и мое прелестное тело,

то я на всякий случай просил сестру мою передать тебе некоторые мои бумаги, а именно: материалы по Пресненским прудам, из которых можно составить отличную Книжку, и «мой служебный дневник», а также и все твое хранящееся у меня имущество, которое, конечно, будет цело и невредимо. Тебе, может быть, кажется смешным, что я собираюсь умирать на чужбине, но над смертью смеяться не должно, ибо она всегда у нас за плечами. Кланяйся от меня Марье Васильевне, поцелуй за меня всех своих милых детишек, а также передай мой кавалерийский поклон Колонелю⁴.

Прощайте, будьте здоровы и счастливы.

Истинно любящий и уважающий тебя

Николай Дубровский

Москва.

19 июня 1869 года

P.S. Прощай до Москвы, ибо из Тифлиса мы намерены ехать морем на Одессу и на Киев.

Ед. хр. 304, № 67577.

¹ О художнике Н. Мартынове — см. наст. кн., стр. 318—320. 30 июля 1870 г. Дубровский пишет, что по дороге из Щелыкова останавливался в Троицком посаде (теперь Загорск) и видел там его работы.

² «Верба» и «Патриаршие выходы» — литературные произведения Дубровского.

³ Осип Максимович Бодянский (1808—1877) — филолог и историк, издатель «Чтенный имп. Общества истории и древностей российских», где были напечатаны «Патриаршие выходы» (1869, кн. 2).

⁴ Вероятно, прозвище какого-то знакомого (от франц. colonel — полковник).

3

Москва. 12 января 1870 г.

Вчера я, любезный друг, позабыл передать тебе записочку-то о значении слов: Савва и Севастиан. Савва — слово арабское, значит — Неволя, а Севастиан — слово греческое, значит — Чести достойный.

Твой Дубровский

Ед. хр. 306, № 67579.

4

⟨Москва. 9 октября 1870 г.⟩

Дружел

Рекомендую тебе Сергея Аркадиевича Елагина¹, который с удовольствием принял мое предложение соорудить для тебя хату и украсить твой Щелыковский сад разными беседками и павильонами.

Весь твой

Микола Дубровский

9 октября 1870 года

Ед. хр. 309, № 67582.

¹ Сергей Аркадьевич Елагин — архитектор, построивший в Щелыкове подсобный дом (XIV, 310), автор рисунков-проектов беседок и павильонов для Щелыкова. Неоднократно приглашался Островским на чтения его новых пьес. В аннотированном списке адресатов Островского (XVI, 407), видимо, допущена ошибка — не с 1868, а с октября 1870 г. началось знакомство Островского с Елагиным, как явствует из приведенного письма Дубровского к Островскому.

5

〈Москва. 8 января 1871 г.〉

Любезный друг
Александр Николаевич.

Завтра, т. е. 9 января, стукнет мне полстолетия. Понимаешь? Если ты будешь здоров, приезжай вечером поиграть в картишки. У меня будет Дюбюк¹ и еще кой-кто.

Весь твой Микола Д у б р о в с к и й

8 января 1871 года

Ед. хр. 311, № 67583.

¹ Александр Иванович Дюбюк (1812—1898) — композитор, пианист-виртуоз, педагог, профессор Московской консерватории.

6

〈Москва. 28 февраля 1871 г.〉

Любезный друг Александр Николаевич.

Вот я уже как пятый день не выхожу из дома и наслаждаюсь микстурами <...〉

Увы, друже, мне нынче и в карточки с тобой поиграть не придется, и скоро ль придется, тоже неизвестно.

А да будет тебе известно вот что:

Был у меня вчера Погожев, пятигорский врач, с покорнейшею просьбою: нельзя ли исходатайствовать у тебя дозволения на постановку в Пятигорске твоей пьесы — «Доходное место», которую пятигорское Общество любителей драматического искусства предполагает дать на нынешней Святой в пользу бесплатных женских школ¹. Смекаешь, как дело-то пошло? На Кавказе — и там уже узнали об вашем Обществе и возымели к нему страх и уважение.

Я уверен, что ты не откажешь в просьбе пятигорцам, а потому разрешение свое и пришли ко мне по почте.

Впрочем, не нужно ли, чтобы Погожев сам приехал к тебе за этим разрешением? Уведомь меня, пожалуйста, об этом.

Кланяйся жене и поцелуй за меня диток, впрочем, только тех, которые помнят, как меня зовут.

Весь твой Д у б р о в с к и й

28 февраля 1871 года

Ед. хр. 313, № 67585.

¹ В ответ на эту просьбу Островский в письме от начала марта 1871 г. отправляет доктора Погожева к В. И. Родиславскому, объясняя, что «... дозволения представить мои пьесы я дать не могу, потому что право свое передал уполномоченному Родиславскому и уже сам, по нашему уставу, ни в какие сношения входить не смею» (XIV, 201).

7

〈Москва. 10 августа 1871 г.〉

Оба письма твои, милейший друг мой, я получил и от всего сердца рад, что и ты и вся твоя семья здоровы, чего и напередки вам желаю.

Рассказ твой об Абраме Ивановиче¹ насмешил меня до слез; бывало и с нами тоже грешными, и мы, как Абрам Иванович, приползали в свою



ОСТРОВСКИЙ СРЕДИ ЧЛЕНОВ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА РУССКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ И ОПЕРНЫХ КОМПОЗИТОРОВ

Слева направо сидят: Н. А. Чаев, В. И. Родиславский, Островский, А. А. Майков, М. П. Цветков;
стоят: И. М. Кондратьев, И. М. Мещерский, В. Н. Кашперов

Фотография, конец 1870-х годов.

Центральный театральный музей Москва

хату чуть не на четвереньках, но все это бывало да и быльем поросло. Благодарю тебя, друже, за твое дружеское ко мне расположение и за твою любовь ко мне, но, ради бога, не сердись на меня за то, что я так долго не мог исполнить твои поручения. Приехавши от тебя в Москву и отдохнувши дня два-три, я занялся выписками из Полного собрания свода законов, о которых ты меня просил, и то, как говорится, ущипками да урывками в архиве, ибо ни у кого из моих знакомых полного собрания сводных законов не оказалось; потом засадили меня в Окружной суд, где я судил и рядил по 1 августа, понукал по временам архитекторчика, чтобы он поскорей доставил мне рисунки, но, несмотря на все мои понуканья и просьбы, Елагин доставил мне рисунки только вчера, которые я вместе с выпискою из свода законов тебе и посылаю. Список с твоей пьесы я передал Митяю Живокини, тщательно проверив с оригиналом. Получивши от тебя письмо, я на другой же день послал писульку к Митяю, но до сих пор не получил от него никакого ответа, и потому не могу тебе сказать ничего: будет ли он к тебе в деревню или нет. Вильде я еще не видал, а как его увижу, так немедленно тебя об этом уведомлю. Холера у нас в Москве начинает стихать, но зато несравненно сделалась свирепее к своим жертвам и поглощает их иногда часа в два-три. Знакомые наши пока все, сла-

ва богу, здоровы. Дюбюк тебе кланяется; здоровье его теперь, видимо, поправилось; он пописывает романсы да песенки, да поигрывает со мной в картишки.

Поклонись от меня жене и перецелуй всех детей. Верным слугам твоим передай от меня поклон. Если у вас в Щелыкове много будет грибов, и вы будете их сушить, то не забудьте посушить и на мою долю. Отвечай мне на это письмо и уведоми меня, скоро ли ты приедешь в Москву. Желаю тебе и всей семье твой здоровья. Прощай.

Истинно любящий тебя и преданный тебе

Микола Д у б р о в с к и й

Москва. 10 августа 1871 г.

Ед. хр. 314, № 67586.

¹ *Абрам Иванович* — подрядчик в Щелыкове, иронически упоминаемый Островским в трех письмах к Дубровскому, своим нетрезвым поведением доставлял много осложнений в хозяйственных делах.

8

〈Москва. 26 марта 1872 г.〉

Любезный друг Александр Николаевич.

Наталья Кирилловна родилась 22 августа 1651 г. Умерла 25 января 1694 года. Со смерти Натальи Кирилловны начинаются гонения Петра на Евдокию Федоровну, оканчивающиеся заключением ее в Суздальский монастырь¹.

Поищи следственное дело о царевиче Димитрии или припомни, где оно было напечатано, а я тем временем займусь отысканием записок Матвеева.

Весь твой М. Д у б р о в с к и й

26 марта 1872 г.

Ед. хр. 318, № 67590.

¹ См. «Чтения...», 1865, кн. 3 и 1868, кн. 2.

9

〈Москва 28 марта 1872 г.〉

Сашенька!

Чай со вчерашнего:

Болит твоя головонька до самого чела?

Записки А. Матвеева¹ помещены в издании Сахарова под названием «Записки русских людей». Эти записки ты можешь найти в Чертковской библиотеке², а потому и обратись к Петру Ивановичу Бартеневу³.

Весь твой Микола Д у б р о в с к и й

28 марта 1872 года

P.S. Не забудь о деле царевича Димитрия

Ед. хр. 319, № 67591.

¹ Артамон Сергеевич *Матвеев* (1625—1682) — один из крупнейших государственных деятелей XVII в. Инициатор, создатель и руководитель первого придворного театра в России при царе Алексее Михайловиче. Все эти материалы были необходимы Островскому в период его работы над пьесой «Комик XVII столетия», приуроченной к празднованию 200-летия первого театра в России (1672).

² Александр Дмитриевич *Чертков* (1789—1858) — археолог и историк. Унаследовал от деда по матери С. И. Тевяшева библиотеку, пополняя ее главным образом сочинениями о России и славянофильстве. В 1838 г. выпустил I том ее описания

(8800 книг). К 1867 г., с присоединением библиотеки князя А. Н. Голицына, насчитывается 21 349 томов. Это единственное в России собрание книг по отечественной истории. Содержит также 350 редких рукописей. При библиотеке организовался и издавался журнал «Русский архив». В 1873 г. библиотека была передана в ведение города и помещена в Румянцевском музее (заведующий — Е. В. Барсов). С открытия Исторического музея находится там.

³ Петр Иванович Бартенев (1829—1912) — историк, архивист, издатель журнала «Русский архив».

10

⟨Москва. 30 марта 1872 г.⟩

Друже!

Я достал записки А. Матвеева, но не знаю, как переслать их к тебе, а самому и на полчаса нет свободы — сижу у Есипова до 9 часов вечера.

Заезжай завтра ко мне в Контору или пришли жинку.

Надобно тебе заметить, что записки Матвеева даны мне только до вторника. Чуешь ты это?

Твой Д у б р о в с к и й

1872 марта 30

Ед. хр. 320, № 67592.

11

⟨Москва. 19 июля 1872 г.⟩

Вот, любезный друг Александр Николаевич, и Прова не стало и остались только мы с тобою — последние из могикан. Не с кем мне теперь ни выпить всласть, ни побраниться с таким ожесточением, с каким я частенько ругался с покойником. Что Садовский в настоящее время незамечен и в особенности для русского репертуара, об этом мне с тобой толковать нечего — это ты знаешь лучше меня. Такие талантливые люди, как Садовский, рождаются не часто, а еще реже появляются на театральных подмостках; одним словом, нам с тобой уже не увидеть такого артиста, каков был Пров Садовский; но предоставим мертвых воле божией и поговорим лучше о живых.

Был я в Народном театре¹ и смотрел твои пьесы: «Тяжелые дни» и «Бедность не порок». Обе пьесы идут очень недурно и публика смотрит их с большим удовольствием. В первой пьесе были очень хороши Рыбаков² и Макшеев³, тот самый Макшеев, который когда-то игрывал у нас в Артистическом кружке; во второй пьесе лучше других был Берг⁴, исполнявший роль Любима Торцова. Конечно, Берга в этой роли нельзя сравнивать с Садовским, но скажу тебе откровенно, если бы Берг не утрировал роль Торцова и не прибегал бы к фарсам, то и в этой роли можно бы было смотреть его с удовольствием. По моему мнению, Берг имеет очень хороший талант, но сильно попорченный провинцией. Во всяком случае, было бы хорошо, если бы Берга ангажировали на Московскую сцену. «Лес» еще не шумел в Народном театре, а как зашумит, так я сейчас же в него отправлюсь. Миша Садовский хотел послать к тебе телеграмму о смерти отца, но я ему отсоветовал. На похоронах Прова я встретился с Музилом, который просил меня напомнить тебе о его просьбе.

Помещице скажи, чтобы она непременно приготовила мне банку варенья, конечно, не в ее мизинец, а побольше, да еще банку рыжиков, чтобы приятнее было мне умереть от ее задушения, хотя, по справедливости, она должна бы подвергнуться этой казни.

Такого мундира⁵, какой я сочинил тебе, чай нет во всей Костромской губернии.

Детишек всех целую. Дуня⁶ скажи, что я крепко жму ее руку и... Няням кланяюсь.

Что новая твоя пьеса?

Прощай, будь здоров и не забывай твоего

Миколу Дубровского

Р. С. Архитектор⁷ все еще собирается к тебе, но едва ли соберется, ибо гр. Ланцдорф сильно бомбардирует их братию. Дюбюк тебе кланяется, ему гораздо лучше.

Москва.

19 июля 1872 года

Ед. хр. 323, № 67595.

¹ Народный театр на Политехнической выставке был открыт на время выставки с 4 июня 1872 г. Руководил театром А. Ф. Федотов. В спектаклях играли провинциальные и столичные актеры. Репертуар состоял в основном из классических русских пьес. О деятельности и значении этого театра — см. А. П. Клиничин. — Н. Х. Рыбаков. М., 1952, стр. 154—183, и его же статью и публикацию в сб. «Театральное наследство». М., 1956, стр. 347.

² Н. Х. Рыбаков.

³ Владимир Александрович *Макшеев* (Мамонов; 1843—1901) — артист Малого театра с 1874 г., до этого играл в провинции. В театре на Политехнической выставке, кроме ролей в пьесах Островского, с успехом исполнил Митрофана («Недоросль») и Ростопчинского («Ревизор»). Комедийный и характерный актер, играл роли простаков.

⁴ Николай Васильевич *Берг* (1823—1884) — поэт и переводчик, товарищ Островского по гимназии и по кружку Молодой редакции «Москвитянина». Оставил записки «Московские воспоминания Берга», пользуясь которыми приходится учитывать большое количество неточностей. Играл на сценах провинции. Актер Малого театра.

⁵ 27 марта 1872 г. в уездном Кинешемском собрании Островский был единогласно избран почетным мировым судьей, для чего ему понадобился мундир чиновника 5-го класса. Заботы об его экипировании взял на себя Дубровский. См. об этом в письме Островского к Дубровскому 23 мая 1872 г. из Щелыкова (XIV, 232).

⁶ *Дуня* — горничная у Островских в Щелыкове.

⁷ Архитектор — С. А. *Елагин*. См. о нем стр. 307 настоящ. кн.

12

⟨Москва. 22 сентября 1872 г.⟩

Письмо твое, любезный друг, застало меня больным, вследствие чего я и попал к И. Егоровичу Забелину¹, с которым не видался почти полтора года, только вчера, т. е. 21 сентября, и просидел у него до 9 часов вечера. Я показал ему твое письмо, и Забелин с полным удовольствием (несмотря на личное ко мне неудовольствие, которого, впрочем, я не заслуживаю, — дело все из Есипова) взялся исполнить твою просьбу, прибавив при этом, что он всегда рад содействовать тебе во всем, в чем только может быть полезным. Письмо он твое оставил у себя для необходимых ему соображений, потому что он хочет составить тебе верный и подробный план местности старого дворца, а для этого, по его словам, ему нужно кое-что припомнить, чтобы не попасть впросак. План будет готов к 26 сентября, а как в этот день я буду праздновать у него его именины, то в этот же день получу и план, а на другой день перешлю его к тебе.

Всех вас целую, а тебя крепко обнимаю.

Н. Дубровский

Москва.

22 сентября 1872

Р. С. Дюбюк тебе кланяется и благодарит тебя за память, он теперь почти здоров.

Ед. хр. 325, № 67597.

¹ Иван Егорович *Забелин* (1820—1908) — археолог, историк древнерусского быта, высоко ценил литературную работу Островского над историческими пьесами. См. письмо Островского к Дубровскому 12 сентября 1872 г. из Щелькова о рисунке декораций для Постельного крыльца в пьесе «Комик XVII столетия» (XIV, 238). Первая постановка в Малом театре в бенефис Д. В. Живокини, исполнившего роль Лопухина, состоялась 26 октября 1872 г.

13

⟨Москва. 27 сентября 1872 г.⟩

Посылаю тебе рисунок, составленный Забелиным; вчера мы пировали у него на именинах и тебя вспоминали. Забелин тебе кланяется и спрашивал меня, скоро ли ты приедешь в Москву.

Уведомь меня о получении рисунка. Работы в доме идут успешно. Будь здоров, кланяйся жинке и поцелуй за меня детей.

Весь твой

Мик о л а Д у б р о в с к и й

27 сентября 1872 года

Ед. хр. 326, № 67598.

14

⟨Москва. 23 октября 1872 г.⟩

Друже!

Забелин меня уведомил, что он будет ждать нас во вторник и пятницу с 6-ти часов вечера и очень будет рад нашему пришествию!¹

Уведомь меня, когда ты заедешь ко мне в Контору.

Весь твой Д у б р о в с к и й

23 октября 1872 года

Ед. хр. 328, № 67600.

¹ 27 октября Островский с Дубровским ездили к Забелину, чтобы поблагодарить его за помощь. Их беседа затянулась до 2 часов ночи (см. Дневник Дубровского — ГБЛ, 1426/1 и записку Забелина — там же, ф. 94, карт. 3, ед. 16).

15

⟨Москва. 21 января 1873 г.⟩

Друже!

Посылаю тебе рисунок с крыльца Василия Блаженного. Рисунок этот снят с рисунков, изданных Ф. Ф. Рихтером¹. Я полагаю, что этот рисунок будет для тебя пригоден. Что Мария Васильевна?

Поцелуй за меня почтительного и иных.

Твой Н. Д у б р о в с к и й

21 января 1873 г.

Ед. хр. 330, № 67602.

¹ Федор Федорович *Рихтер* (1808—1868) — профессор архитектуры, директор Дворцового архитектурного училища (1842—1865). Участвовал в постройке храма Христа Спасителя и нового Кремлевского дворца (в частности, отделка Владимирского и Александровского зал и постройка Оружейной палаты), восстановил Боровицкую башню. В 1850 г. реставрировал церковь в селе Дубровицы. Его главный труд в пяти томах — «Памятники древнего русского зодчества. Описание Д. Н. Дубенского и И. Е. Забелина». М., 1851—1856 гг.

〈Москва. 20 февраля 1873 г.〉

Я, любезный друг Александр Николаевич, нашел в моих выписках описание Праздника солнца, которое совершалось таким образом: в ночь на Петров день, 29 июня, в некоторых местностях средней Руси, крестьяне и крестьянки, одетые в праздничные одежды, собирались на возвышенный холм и там ожидали восхождение солнца, что они называли караулить солнце. Восход солнца они приветствовали радостными кликами и даже песнями и любовались, как оно играет в небе и переливается разными цветами. Едва горизонт освещался первыми лучами солнца, запевала начинал песню, остальные все вдруг подхватывали и пели уже хором. Вот одна из таких песен, записанная Терещенко¹.

Ой Ладо! ой Ладо! на кургане
 Соловей гнездо завивает,
 А иволга развивает;
 Хоть ты вей, не вей, соловей,
 Не быть твоему гнезду совитому,
 Не быть твоим детям вывожатым,
 Не летать им по дуброве,
 Не клевать им яровой пшеницы.
 Ой Ладо! ой Ладо!

К сожалению, Терещенко не упоминает, где он слышал эту песню. Во всяком случае я полагаю, что эта песня будет пригодна для твоей Снегурки.

Твой Микола Д у б р о в с к и й

20 февраля² 1873 года

Ед. хр. 332, № 67604.

¹ Александр Васильевич Терещенко — этнограф, собиратель народных песен.² На обороте л. 2 — рисунок карандашом и подпись рукой Островского: Берендейки шапка.

Москва. 2 апреля 1873 г.

Я сегодня, любезный друг Александр Николаевич, был у Дюбюка. Сборник Прача¹ у него есть. Мотивы нужных для тебя песен: «Ай во поле липонька» и «Купался бобер», он тебе напишет и пришлет завтра по городской почте.

Вели смотреть, чтобы петуху не задали трепки.

Весь твой Н. Д у б р о в с к и й

〈Адрес:〉 Его вы〈сокоблагоро〉дию Александру Николаевичу Островскому.

Ед. хр. 336, № 67608.

¹ «Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач». СПб., 1790.

〈Москва. 11 апреля 1873 г.〉

Любезный друг Александр Николаевич,

Вчера я был у Забелина; он на днях будет у тебя, конечно, поутру; о чем я тебя и извещаю. И. Е. Забелин так же, как и ты, весь пост корпел над

своей работой. Я рассказывал ему о содержании новой твоей пьесы, которая его очень заинтересовала.

Будь здоров.

Весь твой М. Д у б р о в с к и й

11 апреля 1873 г.

⟨Адрес:⟩ Его вы⟨сокоблагоро⟩дию Александру Николаевичу Островскому. Около Серебренниковских бань, близ Яузского моста, в собственном доме.

Ед. хр. 337, № 67609.

19

⟨Москва. 23 апреля 1873 г.⟩

Ферези¹, любезный друг Александр Николаевич, носили большею частью мужчины, а женщины почти ее не носили, а если и носили, то не одну, а под лютником.

Ферезь — верхняя комнатная одежда, длиною почти до лодыжек, без перехвата и воротника, с длинными суживающимися к запястью рукавами, — наперед застегивалась пуговицами (от 3 до 10) с длинными петлицами или схватывалась завязками.

Ферези делались холодные — на подкладке, а теплые — на меху.

Я полагал бы для тети Кати², т. е. для Елены Прекрасной, выбрать какой-нибудь другой костюм.

Впрочем, как ты знаешь.

Весь твой Микола Д у б р о в с к и й

23 апреля 1873 года

⟨Адрес:⟩ Его вы⟨сокоблагоро⟩дию Александру Николаевичу Островскому. Около Серебренниковских бань, близ Яузского моста, в собственном доме.

Ед. хр. 338, № 67610.

¹ Ферязь — через «я» — по словарю С. И. Ожегова. В. И. Даль в своем словаре предлагает двойное написание: чаще фѣрязь, иногда ферезь.

² Екатерина Николаевна *Васильева* (Лаврова).

20

⟨Москва. Начало июня 1874 г. ¹⟩

Любезный друг

Александр Николаевич!

Правду говорит наша русская пословица, что наша дума за горами, а смерть за плечами, — вот и я думал нынешним летом непременно побывать у тебя в Щелыкове, да заплечная-то наша сопутница перебралась ко мне на нос, а так как он у меня довольно длинен, то она и уселась было на нем так ловко, что старинный друг твой чуть-чуть не удалился в жизнь лучшую, откуда, впрочем, не было еще до сих пор выходцев, которые бы могли передать нам грешным, в чем именно заключается это лучшее и чем та жизнь лучше земной нашей жизни, а потому я и заблагодарсудил по возможности приостановить свое переселение в сонмы ангелов и погостить здесь, на земле, между моими милыми друзьями.

В настоящее время названная гостья, так ловко оседлавшая мой нос, кажется, перебралась на старое свое место, т. е. за плечи, но при всем том

здоровье мое плохо поправляется, и чимерь² все еще меня не оставляет. С 28 мая я начал пить эссендукские воды — не знаю что-то будет.

Погода стоит у нас прескверная, — то дождь, то холод. Как ты проводишь время в Щелькове и все ли вы здоровы? Пиши ко мне, друг любезный, твои письма доставляют мне истинное удовольствие, да и на сердце-то делается веселее, когда узнаешь, что ты и жив и здоров.

Работаешь ли ты над словарем Даля? Если работаешь, то я прочел в «Современных известиях», что в последнем заседании Академии наук по отделению русского языка было представлено Гротом³ доставленное ему Г. Наумовым собрание слов, извлеченных им из описаний губерний, изданных Департаментом Генерального штаба под заглавием: «Материалы для географии и статистики России». Все эти слова оказались такими, которых нет в словаре В. И. Даля, а потому и положено напечатать эти слова в академическом издании, вместе с извлечением из другого такого же собрания, доставленного Гроту из Варшавы Н. Бергом.

Я полагаю, что для твоего труда надо иметь в виду и то и другое собрание, особенно первое.

Напиши мне, трудишься ли ты над Словарем и как идут твои работы, которые меня чрезвычайно занимают, и я с нетерпением жду окончания их. Я того убеждения, что ты единственный человек, который может выполнить этот труд с великою пользою для нашего русского языка и тем заслужить вечную благодарность далекого потомства.

Кланяйся от всех нас жинке и перепелуй за меня всех твоих детишек. Будь здоров и не забывай старого и болящего твоего приятеля

Миколу Дубровского

P.S. Скажи Марье Васильевне, чтобы она сварила мне 10 фунтов земляники, которой мне нынешним летом не придется попробовать с ветки, так уж хочу насладиться ею в варенье. Деньги на расходы вышлю вместе с долгом. Ты, вероятно, читал уж в «Голосе» об юбилее Н. М. Никифорова⁴. Обратил ли ты внимание на адрес Монахова? Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что этот Монахов⁵ гаденькая и пошлая личность. Ты, конечно, не писал к Никифорову, потому что не знаешь его адреса, а если вздумаешь писать к нему — чем несказанно утешишь старика, — то можешь письмо свое переслать к нему через меня, так как Николай Матвеевич живет от меня неподалеку.

Ед. хр. 345, № 67625

¹ Письмо следует датировать не позже начала июня 1874 г. — см. ответ Островского 8 июня 1874 г. (XV, 37). Собранные Островским материалы для словаря народного языка в большей части напечатаны в т. XIII.

² Чемер по Далю — хребтовая кость: чемерная боль — приступы болей в голове, животе, пояснице.

³ Яков Карлович Грот (1812—1893) — филолог, историк литературы, академик, председатель Литературного фонда. Ему на рецензию для Уваровской премии была передана пьеса «Лес» (декабрь 1880 г.). Интересовался работой Островского над Словарем русского народного языка.

⁴ Николай Матвеевич Никифоров (1805—1881) — артист Малого театра. В 1824 г. был зачислен в оперную труппу, в 1836 — в драматическую.

⁵ Нелестные эпитеты Дубровского по адресу актера И. И. Монахова связаны с текстом его поздравительного адреса Никифорову, где не было названо имя Островского, что многих возмутило.

Спасибо, любезный друг Александр Николаевич, за весточку. Рад, что вы все здоровы. Я бросил пить воды и принимаю мышьяк, которым врачи надеются вытравить из меня болезнь: кабы их устами да мед пить.



Н. А. НИКУЛИНА В РОЛИ ВАРВАРЫ, К. Н. РЫБАКОВ В РОЛИ КУДРЯША
(«ГРОЗА»), 1873 г.

Центральный театральный музей, Москва

В настоящее время чувствую какую-то слабость и боль в сочленениях в верхней части тела — ни той, ни другой рукой нельзя повернуть свободно, — просто беда.

Прочел я в «Складчине» отрывок из твоей пьесы: «Трудовой хлеб». Из всех действующих лиц более других мне понравился Потрохов — мастерски обрисованная личность; что же касается до «Номо sum», то это честная и простая личность, едва ли будет оценена нашею публикою по ее достоинству и именно, как я думаю, потому, что в настоящее время почти все уже извелись Корпеловы.

Напиши мне, кончил ли ты эту пьесу, и где и когда она будет напечатана. Желая, чтобы твои работы по словарю шли как можно успешнее, — хоть бы одним глазочком взглянуть на них. Передай от меня поясной поклон Михаилу Николаевичу, Бурдину и Сергею Арсеньевичу¹. Жинке скажи, что я целую ее лапку, а диток поцелуй за меня сам.

Будьте все здоровы и счастливы. Хотелось бы еще поболтать кой о чем с тобою, да устал, — вот, брат, какая я дрянь стал.

Прощай и не забывай болящего

Миколу Д у б р о в с к о г о

1874 июня 10

P.S. Уведомь меня, друг любезный, когда именно Михаил Николаевич будет проезжать через Москву, — этим очень интересуется Николай Нилевич Дроздов — мой хороший товарищ и сослуживец.

Ед. хр. 346, № 67618.

¹ Сергей Арсеньевич Волков — крестьянин-сапожник из-под Кимр. В 50-х годах он изготовлял обувь на всю «молодую редакцию». В 1874 г. гостил в Щелькове. В рукописном отделе Научной библиотеки Одессы хранится письмо к нему Островского 1856 г. Известно письмо 27 августа 1875 г. (XV, 52). См. о Волкове: «Островский в воспоминаниях современников», стр. 82—85; 370—372, 582.

АННОТАЦИИ К ОСТАЛЬНЫМ ПИСЬМАМ ДУБРОВСКОГО

Кроме публикуемых нами писем Дубровского к Островскому, имеется еще тридцать писем, представляющих также некоторый интерес для исследователей. Самое раннее письмо — записка 20 мая 1863 г. (ед. хр. 351а, № 67624) — датируется нами предположительно по черновику письма Островского на обороте с обращением: «М. Г. Н. М.» — Милостивый государь Николай Михайлович (?). Предполагаем, что это обращение к Н. М. Сокозину (см. публикуемое здесь письмо Сокозина к Островскому 29 мая 1863 г. в ответ на полученное им письмо). Следовательно, письмо Островского можно датировать после 20 мая 1863 г., так же, вероятно, как и письмо Дубровского к Островскому, где Дубровский просит драматурга «поправить» его «тетрадку». Дубровский подшучивает над своей скромной литературной деятельностью: «ведь уродился же такой несчастный писака, как я» (из письма 30 августа 1872 г. — ед. хр. 324, № 67596).

28 октября 1869 г. Дубровский спрашивает Островского, предложил ли он Доброхотова (1827—1869) и «еще двух его знакомых» в члены Общества любителей российской словесности (ед. хр. 305, № 67578).

Во многих письмах Дубровский передает Островскому привет от Дюбука. Почти все письма, написанные в разные годы во второй половине августа, начинаются поздравиением с днем ангела.

30 июля 1870 г. Дубровский сообщает, что любовался работами художника Миколы Мартынова в Сергиевом посаде (теперь Загорск), где задержался по дороге из Щелькова в Москву, чтобы навестить больного доктора Ветрова, которого Островский должен знать, «ибо он, в минувшие времена, был постоянным посетителем кофейной Печ-

кина. Этот Ветров был известен как хороший виртуоз на гитаре». Далее он говорит о теплой встрече дома, о своем визите к Бахметьевым (родственники жены Островского), где «видел своими очами и Наталью Александровну и Екатерину Ивановну живыми и здоровыми ...Самого хозяина нет дома, он уехал в Нижний». С неприязнью и горечью пишет о своей «отвратительной» службе. Иронически сообщает о награждении его начальника, «знаменитого московского князя» Н. И. Трубецкого, «неизвестно, впрочем, за какие заслуги», орденом Св. Андрея Первозванного. Делится газетными новостями: «как прусаки отколотили Мак-Магона», выражает надежду, что «прусаки разобьют французские войска под Мецом», и замечает, что «московские поляки жестоко негодуют на успехи прусского оружия». В конце письма благодарит за щельковское гостеприимство (ед. хр. 307, № 67580).

26 августа 1870 г., поздравляя Островского с наступающими именинами, тепло вспоминает дни, проведенные в Щелькове, ласково и шутливо пишет о собаках «Шарике» и «Милке», снова обращается к газетным военным новостям — радуется «взятию в плен гнуснейшего императора французов» и строит прогноз о будущем славянских народов (ед. хр. 308, № 67581), на что Островский в письме 3 сентября шутливо возражает: «ты ошибся, адресовав его ко мне, его следует адресовать Бисмарку или Горчакову» (XIV, 190).

26 октября 1870 г. Дубровский посылает Островскому шуточные стишки с упоминанием архитектора Елагина (ед. хр. 310, № 67628).

22 февраля 1871 г. в записке сообщает о задержке денег от Н. И. Давыдова за спектакли Красноворотского театра (ед. хр. 312, № 67584).

18 августа 1871 г., поздравляя Островского с наступающим днем именин и выражая сожаление, что не сможет быть в Щелькове, сообщает, что Вильде и Живокини тоже не попадут в Щелькове, так как у них начались уже спектакли. Как и в письме 30 июля 1870 г., зло иронизирует над низкопоклонством своих начальников, Павла Яковлевича Агеева — советника Московской дворцовой конторы и Трубецкого, который рьяно готовится к встрече царя. В конце письма, как обычно, передает поздравления от друзей (ед. хр. 315, № 67587).

Это письмо Дубровского написано на проспекте-рекламе золотопшвейного предприятия И. Г. Шадрина, у которого был заказан форменный воротник Островскому. См. ответ Островского 23 мая 1872 г. (XIV, 233).

11 июня 1872 г. сообщает о ценах за детали форменного мундира. Вторую половину письма передаем полностью:

«... порываюсь я к тебе и сердцем и душою: да у сокола (бывшего) крылья связаны, все пути ему заказаны. Прощай, друже, крепко тебя обнимаю. Если Михаил Николаевич в Щелькове, то передай ему мое низжайшее почтение.

Еще несколько слов о Народном театре. Народный театр осаждается народом. На нем шла твоя пьеса: «Бедность не порок» и была принята с восторгом. Скоро пойдет «Лес», в который и я пойду и что вынесу из этого «Леса» поделюсь с тобою.

В труппе Народного театра участвуют: даровитый Берг, старик Рыбаков, Макшеев, Дюбюк и другие — люди небесталанные.

Верный и неизменный твой друг

Микола Дубровский» (ед. хр. 322, № 67594).

30 августа 1872 г., поздравляя с именинами, зовет скорее в Москву. Сообщает о визите к нему больного «малорусского литератора Дрианского»*.

* Егор Эдуардович Дрианский (умер в конце декабря 1872 г.) — писатель. См. его письма к Островскому («Неизданные письма», стр. 108—137. Письмо на стр. 132—137 от 13 августа ошибочно датировано 1871 г. Судя по данному письму Дубровского, это письмо написано 13 августа 1872 г.

Островский в письме к М. Н. Островскому в Петербург 4 декабря 1872 г. просит о срочной материальной помощи, через Литературный фонд, для умирающего в нищете Дрианского — автора ряда хороших художественных произведений. Помощь была оказана.

«...нынче, т. е. 30 августа, идет у нас на Большом театре «Жизнь за царя» в возобновленном виде. Вчера я был на генеральной репетиции этой оперы и скажу тебе, что постановка ее гораздо лучше прежней: декорации прекрасные, костюмы тоже, последние сделаны по рисункам Миколы Мартынова. Ваню играет воспитанница Московской консерватории Эйбоженко, еще очень молодая девушка с звучным, прекрасным голосом, а об остальном говорить нечего. Дюбюк и Мартынов тебе кланяются...»

Кончается письмо ироническим известием о том, что он вместе с Пальминым «начал писать роман», «смех да и только. Вот, брат, нужда-то до чего доводит...» (ед. хр. 327, № 67596).

В следующем письме, 16 октября 1872 г., Дубровский посылает Островскому стихотворение Пальмина «Requiem» и просит поместить его в «Отечественных записках» (ед. хр. 329, № 67599).

15 января 1873 г. Дубровский посылает талон на получение авторских денег Островскому за прошедшие спектакли в Красноворотском театре (ед. хр. 329, № 67601).

Письмо 31 января 1873 г. посвящено юридическим вопросам дела Островского о наследовании после смерти в 1870 г. соседки-помещицы И. А. Белиховой (ед. хр. 331, № 67603). В фонде Островского сохранилось ее письмо (7 марта 1870 г.), с трудом поддающееся прочтению (ныне расшифрованное). Оно очень колоритно, воскрешает быт и нравы, близкие к XVIII в.

5 и 15 марта 1873 г. Дубровский пишет о своем нездоровье и об Иване Харитоновиче Волкове, с которым он будет «в воскресенье» у Островского: «Он только на один день приезжал в Москву и опять уехал в Саратов» (ед. хр. 333, № 67605 и ед. хр. 334, № 67607). См. письма Островского к Дубровскому 5 и 10 марта 1873 г., в которых упоминается и Волков (XIV, 9).

19 марта 1873 г. Дубровский посылает Островскому короткую записку о состоянии здоровья В. И. Живокини (ед. хр. 335, № 67606).

27 мая 1873 г. Дубровский выражает радость по поводу того, что экипаж Островского со всей их семьей не утонул в Волге, и сообщает, что заказанная уздечка для Марии Васильевны скоро будет готова (см. письма Островского — XV, 15).

«Снегурочку я еще не видал, но кто видел, все жалуется на ее длинноту, о чем я и говорил тебе на генеральной репетиции. Действительно, Снегурочка идет очень долго, от 7 до 12 часов, т. е. пять часов, а пять часов, согласись сам, время много, особенно для нашей нетерпеливой и еще малоразвитой публики. Я в первое представление пойду посмотреть Снегурочку и о том, что увижу и что услышу, напишу тебе подробный отчет...» (ед. хр. 339, № 67611).

3 июля 1873 г. Дубровский сообщает о предполагаемой поездке в Щелыково Забелина и драматурга Н. А. Чаева (ед. хр. 340, № 67612). Из следующего письма явствует, что поездка не состоялась.

28 августа 1873 г. Дубровский поздравляет Островского с именинами и выражает огорчение, что служба чиновника не дает ему возможности быть самому в Щелыкове, тем более, что он собирается скоро ехать за границу. Передает поздравление от Дюбюка, который занимается литературной деятельностью, и сравнивает его с покойным Барковым (ед. хр. 341, № 67613).

24 марта 1874 г. пишет Островскому, что не может с ним повидаться из-за плохого самочувствия и необходимости быть дома со старухой-матерью.

12 апреля 1874 г. сообщает, что «крепко заболел», просит навестить и кстати взять от него «продолжение к Несторовским уставам» (ед. хр. 342, № 67615).

16 апреля 1874 г. приглашает «завтра» поиграть в преферанс, тем более, что будет Мартынов» (Николай — художник), «да еще одна молодая дама, завязанная картежница» (ед. хр. 343, № 67616).

3 мая 1874 г. сетует на свое плохое здоровье, зовет заехать проститься перед отъездом Островского в Щелыково и просит принести его стихи, которые Островский «хотел поправить» (ед. хр. 344, № 67617).

29 июня 1874 г., отвечая на письмо Островского из Щелыкова 22 июня, жалеет, что здоровье не позволяет быть с ними, радуется покупке А. Н. Островским (братом

драматурга) земельного участка по соседству с Щелыковым. «Если удастся мне с Пальминым окончить роман, то непременно сделаюсь костромским помещиком и заживем мы тогда все вместе припеваючи<...>Дюбюк тебе кланяется» (ед. хр. 346, № 67623).

8 августа 1874 г. сообщает о некотором улучшении здоровья: «даже выезжал в Контору <...>, я вспоминаю тебя каждый день или лучше сказать за каждой папирской, и ты мне представляешься сидящим на омуте с удочкой в руках» (ед. хр. 347, № 67619).

26 августа 1874 г. пишет Островскому грустное письмо больного человека: «Умереть еще ничего, а вот как придется выйти в отставку, так это, пожалуй, будет хуже смерти. Что может быть несчастнее на свете бездомного чиновника? Будь проклят тот, кто обрекает себя на такой пошлый и неблагодарный труд, на который я употребил лучшие годы моей жизни». Далее мечтает «дотянуть» еще полтора года до пенсии, чтобы получить 500 руб., на которые «можно еще существовать даже и с моей семьею» (сестрой и матерью). Кончает письмо сообщением: «... я отпустил себе седую бороду и в конторе теперь зовут меня: кто Саваофом, кто Патриархом, а Е. И. Маковский, как художник, Петром Апостолом» (ед. хр. 348, № 67620).

23 сентября 1874 г. возвращает долг, сообщает о плохом состоянии здоровья, вспоминает покойного Петра Алексеевича Максина (артиста Малого театра, умершего в 1848 г.).

Последнее письмо написано за четыре дня до смерти — 12 октября 1874 г. Выражая особую радость по поводу возвращения Островского в Москву из Щелыкова (Островский приехал 4 октября 1874 г.) и понимая, что умирает, Дубровский пишет: «Теперь у меня пухнут ноги — понимаешь? Чем скорее ты ко мне приедешь, тем лучше...», «есть кой о чем поговорить...» (ед. хр. 350, 67622).

П. К. ДЯКОНОВ

Павел Константинович Дьяконов (1862—1935) — в будущем известный провинциальный актер, а в то время, как явствует из письма, студент-медик II курса Казанского университета. Ему предстояло играть в студенческом спектакле роль Незнамова («Без вины виноватые»). Между участниками спектакля шел спор о характере образа, что и вызвало появление данного письма. Несмотря на крайнюю загруженность, плохое состояние здоровья и волнения по поводу предстоящего назначения на пост руководителя московскими театрами (см. письмо к брату — XVI, 151—160), драматург счел необходимым сразу же — 12 марта 1885 г. — послать ответ Дьяконову с обстоятельной характеристикой образа Незнамова. Первая публикация ответа Островского появилась в «Ежегоднике императорских театров» (1910, VI, стр. 53) без постскриптума; вторая дана в примечаниях к «Воспоминаниям» Дьяконова (см. «Театральные мемуары», т. III. На провинциальной сцене, 1937, стр. 47—85). Там же дан перечень городов и театров, где выступал Дьяконов, и указаны его основные роли: Незнамов, Жадов, Чацкий, Гамлет, Яго, Раскольников. В воспоминаниях Дьяконова (на стр. 64—68) имеются редкие рассуждения об искусстве суфлера. После Октябрьской революции Дьяконов служил в Ленинграде в Новом театре, многократно выступал на сценах рабочих клубов и руководил кружками самодеятельности.

1

«Казань. Начало марта 1885 г.»

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Вам на первых порах, конечно, странным покажется получить письмо от человека, судя по подписи, вам совершенно не знакомого, но это только, говоря я, на первых порах, — потрудившись же прочитать, вы, наверное, не найдете в этом ничего странного. Дело вот в чем. У меня есть к вам большая просьба, исполнить которую для вас, собственно говоря,

ничего не стоит: вы только потеряете минут десять — не более, а между тем мне этим окажете большую услугу. В одной из последних ваших комедий, именно в «Без вины виноватые», меня чрезвычайно заинтересовала личность Незнамова и, несмотря на неоднократное прочитывание этой пьесы, несмотря на довольно пылкое воображение, я не в силах вызвать в уме своем его образ. Задумываясь над ним, напрягая воображение, я добивался того, что фигура его начинала обрисовываться как бы в тумане, вот, кажется, все яснее и яснее обозначается его образ, еще немного и он, как живой, станет предо мной,— но туман, закутывающий его, начинает сгущаться, желаемый образ расплывается все более и более и, наконец, исчезает... Во всякой пьесе я могу живо представить себе всякое действующее лицо, если только оно не чересчур уже бледными красками окрашено: вижу его фигуру, походку, жесты, выражение лица, даже голос слышу,— но не могу того же сказать о Незнамове: образ его мной не улавливается, он для меня загадка. Может — и даже наверное, — это объясняется тем, что с подобными личностями мне не приходилось встречаться; но так ли, иначе ли, а Незнамов, лишив меня покоя, измучил меня,— поэтому я и обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой вывести меня из этого скверного положения, помочь мне понять Незнамова или, вернее, увидеть его. Собственно камнем преткновения для меня служит второй акт, приход Незнамова к Кручининой, его разговор с ней до начала объяснения по поводу ее заступничества за него. Будьте так добры, черкните две-три строки и объясните мне, как ведет Незнамов этот, по-видимому, ничего не значущий, но между тем очень важный для характеристики его разговор с Кручининой и как он держит себя,— какой вообще его вид: закинутая ли у него назад голова с вызывающим взглядом, устремленным постоянно на собеседника, и с саркастической улыбкой на губах, порывистые нервные движения в конечностях и такая же походка, или он с медленной походкой, с головой, опущенной на грудь, с мрачным взглядом, устремленным по большей части в землю? Вот все, что мне хотелось бы знать, вот моя просьба, исполнением которой вы премного обяжете неизвестного вам, но хорошо вас знающего

П. Дьяконова

P.S. На ответ прилагаю вам почтовую марку. Адрес мой: г. Казань. Университет. Студенту-медику II курса — Павлу Константиновичу Дьяконову.

Я бы не стал беспокоить вас, но точного ответа на эти тревожные для меня вопросы получить мне не от кого, да и кто же может лучше самого автора понимать его детище?!

Ед. хр. 352, № 67337.

Датируется по карандашным пометам рукой Островского — «Март 1885» — вверх у л. 1 и л. 2 об., а также по ответу Островского — 12 марта 1885 г. (XVI, 147).

К. В. ЗАГОРСКИЙ

Константин Васильевич Загорский (1836—1898) — известный провинциальный актер. В 60-е годы начал службу в Нижегородской антрепризе Смолькова (см. примечания к письму 22 июня 1873 г.). «В 1862 году, — пишет Загорский, — я поступил на провинциальную сцену в Нижний Новгород и служил безвыездно шесть лет» («Островский в воспоминаниях современников», стр. 365). Затем он играл во многих городах России, выступал на сцене Артистического кружка в Москве, в конце жизни служил в Александринском театре, играя второстепенные роли. М. И. Писарев вспоминает: «Загорский умер <16 октября 1898 г. перед выходом на сцену> глубоким стариком в

общей уборной театра Литературно-художественного общества, «где статистам бороды наклеивают», во время представления трагедии «Федор Иоаннович» («Островский в воспоминаниях современников», стр. 346). Загорский неоднократно бывал у Островского в Щелыкове, в частности летом 1868 г., в мае 1873 г. и в июле 1874 г. (XV, 15, 40). «У Александра Николаевича были среди провинциальных актеров друзья (...): Одним из близких к нему приятелей был провинциальный актер-комик Загорский, послуживший, как говорят, Островскому прототипом для Аркашки Счастливецова, — вспоминал Писарев. — Загорский был неважный актер, но очень остроумный, талантливый рассказчик. Великим постом, как только Загорский, окончив сезон, приезжал из Костромы или Астрахани в Москву, являлся к Александру Николаевичу и выкладывал перед ним запас новых рассказов. В конце поста, а иногда и летом, когда у него не было ангажемента, Загорский переселялся к Александру Николаевичу и жил на полном его иждивении, занимаясь вместе с Александром Николаевичем любимым занятием Островского в деревне — рыболовством (...). Загорский неподражаемо передавал бесчисленное количество эпизодов из семейной жизни Александра Николаевича, прекрасно имитируя его речь, характерное придыхание и манеру говорить. И сам Александр Николаевич часто, сидя в кругу друзей, просил Загорского рассказать что-нибудь из его жизни и всегда смеялся до слез над его рассказами» (там же, стр. 345—346). Судьба и биография Загорского типичны для провинциального актера, считающего себя трагиком (см. его письмо из Иркутска 3 января 1882 г.).

В его письмах содержатся краткие, иногда мимолетные сведения как о жизни театральной провинции 70—80-х годов (Западный край, Вильно, Рига, Рыбинск, Владимир, Вознесенск, Иркутск и др.), так и о частных театрах Москвы и Петербурга и об Артистическом кружке.

В 1896 г., в связи с десятилетием со дня смерти драматурга, Загорский опубликовал свои воспоминания в газете «Театральные известия», 1896, № 453, 455, 459, 470 (частично напечатаны в сб. «Островский в воспоминаниях современников», стр. 364—375).

1

Вильно. 26 марта <1873 г.>

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Имею честь поздравить с праздником и пожелать вам всего лучшего. Спектакли, которые я намерен был дать в Вильно, не состоялись, гусар надул меня относительно нашего с ним условия. Я передал ему, что вы поручили мне относительно платы за спектакли, он этому верить не хочет, пусть говорит, авторы берут за свои пьесы с Казани, с Харькова, а не с Западного края на том основании, что будто бы они вводят русский элемент. Хотя, признаться сказать, они, кроме русских крепких слов да недобросовестности к своему делу, ничего не ввели. На днях приезжал ко мне антрепренер-буфетчик и приглашал меня в Ригу, но я не поехал, потому что он набрал ужасную труппу, и я счел удобным не играть в этой труппе, потому не хочется, чтоб в первый раз русский театр провалился в Риге. В Белосток тоже уехала труппа.

Нового здесь нет ничего, разве только то, что любители на Святой неделе хотят играть спектакль в пользу «доброхотной копейки», а эта доброхотная копейка идет, как говорят, на содержание князей Урусовых и, согласитесь сами, как же не дать спектакля — семейство огромное, чуть ли не восемь человек детей обоого пола, три княжны невесты, Мими, Зизи и так далее.

Свидетельствую почтение Марье Васильевне и вашему семейству.

Уважающий вас Загорский

Ед. хр. 778, № 82222.

Этому письму к Островскому предшествовало письмо Загорского к А. И. Шуберт 17 марта 1873 г. Приводим из него отрывок «... я было чуть не умер от скуки, если бы не записался в библиотеку, и читаю книги запоем. Был у Островского, он пишет какую новую пьесу. К празднику будет кончена, приглашал меня к себе на лето в деревню и предложил мне протекцию служить на московской сцене, но это меня несколько не интересует. Думаю до Фоминой пожить в Москве, а там полечу. Куда? не знаю, но что полечу это верно. Служить летом нигде не рассчитываю <...> Радуюсь душевно вашему успеху на виленской сцене. Не забывайте меня вашими письмами. Вы у меня только одна, с которой я могу побеседовать...» (ф. 341, ед. хр. 236, № 70086).

После неудачи в Вильно Загорский опять приезжает в Москву и пишет Шуберт: (Москва, 6 апреля) «В Москве я ужасно соскучился, хочу проветриться, повояжировать и поэтому 9 апреля выезжаю в Руссу и буду там до 26 апреля <...>. Затем вернусь в Москву и 1 мая отправлюсь вместе с Островским в его деревню <...>, где думаю пробыть целое лето, если не представится случай заработать что-нибудь в другом месте. Вот пока мои предположения» (ед. хр. 241, № 70094).

В начале мая новое письмо:

«Возвратившись из Руссы, где я закончил условие с Стрекаловым <...>, 6 сего мая выезжаю в Кострому к Островскому. Он очень сожалел об моем отсутствии из Москвы и еще более о том, что я заключил условие с Вильно, на том основании, что он выбран директором Артистического кружка и ему дано субсидии 23 тысячи в его распоряжение. Ему очень хотелось, чтобы я служил в кружке. Кроме того, в Москве разрешен с 15 мая по 1 сентября Народный театр, он хотел устроить меня туда, но я заключил условие с Руссой и крайне сожалею, что поторопился, а то бы, не выезжая из Москвы, мог прослужить целый год на хороших условиях <...> В субботу 5 мая отправляюсь в Большой театр («Малый» переделяется) на генеральную репетицию новой пьесы Островского «Девушка-Снегурушка», весенняя сказка в стихах с танцами и пением. Что-то вроде «Прекрасной Елены» в русском вкусе. Из Костромы вам буду писать о впечатлении, какое произведет на меня его новая пьеса. В Костроме пробуду не дольше 27 мая...» (ед. хр. 238, № 70084).

В ответ на удивление Шуберт по поводу разрешения в Москве частного театра Загорский в следующем письме объясняет ей, что это оказалось возможным только для князя Ф. М. Урусова, адъютанта при московском генерал-губернаторе, бывшего директора Артистического кружка, у которого «интрига» с примадонной кружка актрисой Струковой. «... с поступлением же А. Н. Островского директором в комитет Артистического кружка ей предстояло спуститься из примадонства и быть обыкновенной смертной... Как же тут быть? Хочется быть примадонной, а играть негде? Вот князь стал хлопотать и выхлопотал, что ему отдали в аренду здание Народного театра вместе с г. Таневым*. Ведь для князей все возможно <...> Медведев же приглашен в качестве режиссера <...> Что же касается солнца и правды, о которых вы пишете, то ничего подобного нет, и частные театры разрешены только князьям да еще... нет, лучше вы прочтите «Ведомости» <СПб. ведомости, 1873, № 128. — Е. М.> А. Н. Островский к этой компании не принадлежит, он только в Артистическом кружке <...>. В хорошую погоду хожу по лесу, ловлю рыбу, а в дурную читаю, вечером играем в преферанс, словом, отгуливаюсь от прежних мытарств и заготовляю силы на будущее» (ед. хр. 234, № 70098).

2

〈Старая Русса.〉 Июня 22 дня 〈1873 г.〉

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

1 июня прибыл я благополучно в Руссу и уже сыграл десять спектаклей, труппу содержит петербургский актер М. А. Стрекалов¹; дела идут довольно хорошо. Башкиров² живет здесь в Руссе, но не играет, потому что болен, и болезнь его очень серьезная, едва ли ему вылечиться,

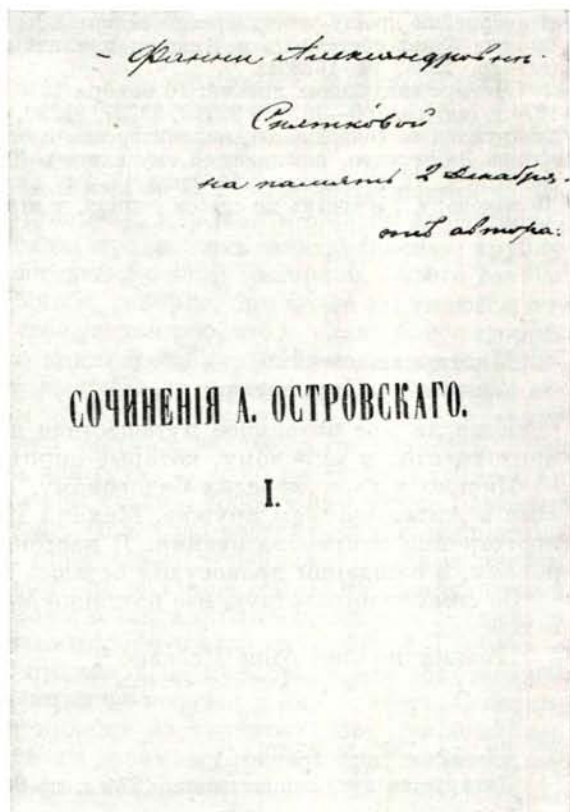
* Сергей Васильевич *Танев* (1841—1910) — театральный предприниматель, автор двух брошюр «Из прошлого императорских театров», «Падение театра» и воспоминаний («Театр и искусство», 1910, № 47, стр. 892).

Подробно о Народном театре и о деятельности так называемого Общедоступного театра, его вырождении и конце в 1876 г. — см. статью и публикацию А. П. Клиничина в сб. «Театральное наследство», М., 1956, стр. 347—374. В именных указателях Л. Р. Когапа (стр. 401 и XV, 300) вкралась ошибка: Общедоступный театр Урусова и Танева был организован не во время Политехнической выставки, а после ее закрытия и не в 1875 г., как указывают эти источники, а в 1873 г.

А. ОСТРОВСКИЙ. СОЧИНЕНИЯ,
т. 1 (СПб., 1859)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
Ф. А. СЧЕТКОВОЙ:

«Фанни Александровне Снетковой
на память 2 декабря от автора»

Центральный театральный музей,
Москва



он застудил флюс и вследствие этого у него сделалась костоеда. На днях приехал сюда лечиться петербургский актер Степанов³.

Затем посылаю вам старорусскую афишу и вдобавок еще афишу из Вознесенска, мне пишут оттуда, что дела там гораздо лучше, чем во Владимире. Труппу содержит Хотев⁴, друг и наперсник Смолькова⁵, который был сослан в Сибирь, в настоящее время хотят пробраться в Шую, а может быть поедут в Кинешму.

За сим, пожелав вам всего хорошего, свидетельствую мое почтение Марье Васильевне и всему вашему семейству.

Остаюсь готовый к услугам вашим К. Загорский

Старая Русса

Ед. хр. 779, № 82221.

¹ М. А. Стрекалов (1836—1905) — артист Александринского театра и клубных сцен.

² Н. В. Башкиров (ум. 1908) — актер драмы. А. С. Гациский хвалит Башкирова в ранний период его деятельности на нижегородской сцене и считает, что в Александринском театре он стал «незначительной личностью» («Нижегородский театр», 1867, стр. 59).

³ Петр Степанович Степанов.

⁴ Хотев — содержатель театральной труппы в Вознесенске.

⁵ Федор Константинович Смольков — ловкий театральный делец, антрепренер Нижегородского театра (1837—1877), бывший чиновник особых поручений. Прославился, главным образом, своей легендарной скупостью (С. С. Данилов. Вступ. статья к сб. «Русский провинциальный театр. Воспоминания». Л.—М., 1937, стр. 18, 19). В ф. Островского есть телеграмма от Смолькова 17 января 1868 г. из Нижнего Новгорода, посланная в Петербург на имя Полтавцева для передачи Островскому:

«Покорнейше прошу удостоверения вашего в цензуру о пьесе «Василиса Мелентьева», что она будет обставлена в Нижнем приличным образом рисунки есть, Смольков» (ед. хр. 2924, № 163891).

Четыре следующих письма: 10 ноября 1873 г., 4 и 22 мая 1874 г. и конца июня 1874 г. (ед. хр. 780—783, № 82218, 82227, 82220, 82225), из которых второе и четвертое датируются по содержанию, малоинтересны и содержат сообщения о тяжелой болезни матери Загорского, помешавшей ему ехать в Щелыково. Однако из письма Островского к М. П. Садовскому 14 июля 1874 г. видно, что Загорский все-таки попал в Щелыково: «... я теперь не совсем одинок, у меня гостит Загорский» (XV, 40).

3

⟨Москва⟩ 4 августа ⟨1874 г. ?⟩

Многоуважаемый
Александр Николаевич

Едва ли мое вторичное путешествие в Кинешму состоится вследствие моих визитов к мировому, которые опротивели мне до омерзения.

Письмо я ваше передал Садовскому, а также и словесное поручение. Был в Артистическом кружке, Михаил Иванович¹ показывал мне разные перестройки и преобразования. В настоящее время, после визитов к мировому, в ожидании правосудия остаюсь в бездействии.

За сим свидетельствую мое почтение Марье Васильевне и всему вашему семейству.

Низкий поклон Анне Исаевне².

Преданный вам Загорский

Ед. хр. 784, № 82226.

Датируется предположительно 1874 г. по бумаге и по манере написания.

¹ Михаил Иванович Пузанов — председатель совета старшин Артистического кружка. Его письма к Островскому 70-х годов см. в сб. «Неизданные письма», стр. 596—616.

² Анна Исаевна — вероятно, гувернантка в доме Островских.

4

⟨Рыбинск⟩ 9 декабря ⟨1882—1885⟩

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Позвольте обратиться к вам с покорнейшей просьбой; я в настоящее время нахожусь в Рыбинске, в бенефис свой я желал бы поставить «Василису Мелентьеву», которая непременно даст сбор, но без разрешения автора полицмейстер не подписывает афиши, смею уверить вас, что средства имеются для постановки этой пьесы в отношениях артистическом, ровно и декоративном, поэтому я прошу вас, Александр Николаевич, разрешить мне поставить вашу пьесу.

Остаюсь уважающий вас К. Загорский

Свидетельствую свое почтение Марье Васильевне и всему вашему семейству.

Жалованье в Рыбинске платится аккуратнейшим образом, в Ярославле Любимов-Деркач¹ сбавляет 25%. Он покорнейше просит господ артистов сбавлять. А если кто не согласится, так он и так не отдаст.

Ед. хр. 791, № 82224.

¹ Датируется предположительно по времени антрепренерской деятельности Любимова-Деркача в Ярославском и Рыбинском театрах (Клиничны, т. XII, стр. 515).

Иркутск. 3 января 1882 года

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Поздравляю вас с новым годом и желаю вам исполнений ваших желаний. Позвольте мне, как Несчастливцеву, напомнить о своем существовании, вместо четок екатеринбургских предложить вам китайскую трубку и кисет, потому что живу по соседству с этой империей, — всего только 600 верст. Здесь китайцев очень много, говорят, они более занимаются покупкою золота, чем торговлей. О себе уведомляю, что я, слава богу, здоров, лицедействую. Изображаю более канцлеров, кардиналов, патеров, императоров. Наконец-то мое амплуа выяснилось, наконец, заметили мою величественную внешность. Как бы ни было жалованье платится аккуратно и бенефисы хорошие, антрепренер честный человек, это редкость.

Я здесь заключил условие на два года, т. е. до поста 1883 года, буду собирать сибирские слова и, если вам угодно, сообщу вам. Здесь разговор особенный, есть особенность в тоне. Общество состоит из золотопромышленников, которые занимаются приисками, чиновников, занимающихся получением двойного оклада ничего не делая, и ссыльных, жалующихся на интриги, по которым они сосланы в места столь отдаленные, и простоя народ, поселенцы, земляки мои занимаются охотой на горбачей. Горбачи — это рабочие, бывшие на золотых приисках, и, приобретя себе золотого песочку, идут тайгой из опасения, что этот песочек у них отберут. С котомками за плечами, отчего бывают похожи на горбатых. Вот какой-нибудь землячок берет ружье, говорит своим детям: ну, ребятишки, молитесь богу, авось горбач попадетсЯ. Затем до свидания.

Остаюсь уважающий вас **Загорский**

Мое почтение Марье Васильевне и всему вашему семейству.

Ед. хр. 785, № 67808.

(Москва) 26 июля (1882 г.)

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Возвратившись из мест более отдаленных, прибыл в сердце России. Был у М. П. Садовского, застал его сидящим под деревом, изнемогающим от жары. Театральные дела идут везде плохо. Кроме Лентовского¹. Был в новостроющемся театре в Газетном переулке, работы остается еще много, едва ли успеет к 1 сентября. Встретил Корша, будущего антрепренера Русского театра, он как будто захирел, прежде был такой свеженький, чистенький, когда не связывался с театром; мне сдается, что слово хиреть происходит не от хвори, а от слова херить. Потому что театральные общественные деятели, херют новых антрепренеров, как мадам Бренко², которую совершенно похерили, так что она теперь живет в здании театра Петровского парка, а на квартире у себя не прописывается из опасения получить повестку от мирового. Теперь в Москве кроме императорских семь частных театров, антрепренеров никого нет. Много провинциальных городов не занято, как, например, Харьков, Воронеж, Рязань. Так что, пожалуй, придется опять отправиться в Сибирь, хотя признаться не очень бы хотелось ехать туда. Меня приглашают в Красноярск и Енисейск. До сего дня в Москве стояли постоянно жары, пожары почти каждый день, убытки громадные. Отрадного ничего нет.

Затем, пожелав вам всего лучшего, остаюсь готовый к услугам вашим

З а г о р с к и й

Свидетельствую мое почтение Марье Васильевне и всему вашему семейству.

Ед. хр. 786, № 82219.

¹ О М. В. *Лентовском* — см. стр. 433—434 настоящ. тома.

² Об А. А. *Бренко* — см. стр. 129 настоящ. тома.

7

(Москва. Середина ноября 1883 г.?)

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Обращаюсь к вам письменно, у меня не достаёт характера объяснить-ся с вами лично... Вам известно, что я с лишком 23 года нахожусь на сцене, и должен признаться, в продолжение всего служения никогда не был поставлен в такое крайне критическое положение, как в настоящее время; неудачи преследуют меня с прошлого года. В Петербурге сезон был так несчастлив, что я едва мог выехать в Москву; в Москве постом ничего не мог заработать, потому что драматические представления с 1882 года запрещены; летом ездил в Тулу, вернулся ни с чем, истратил на дорогу свои собственные деньги, осенью ездил в Тамбов, и там то же случилось, что в Туле, зимой думал пристроиться в Москве, и тут тоже не удалось, Лентовский и Корш объявили мне, что у них труппы полны и они не могут принять меня по причине плохих театральных дел. Вследствие таких обстоятельств дела мои запутались до того, что мне в скором времени грозит совершенная нищета, все мои вещи заложены и за квартиру должен почти за два с половиной месяца: если бы я был один, я бы не потерялся, но у меня семейство... Не буду вам описывать, сколько я вытерпел нужды и горя в продолжение одиннадцати месяцев; т. е. со дня крушения Коровяковского театра¹ в Петербурге, без места и без всяких средств в продолжение одиннадцати месяцев содержать семью из четырех лиц. Никто об этом не знал, потому что я никому не объяснял моего положения, надеялся выпутаться, но теперь все надежды мои рушились, потому что на дворе половина ноября, а места нигде не предвидится; остается один исход дать литературно-музыкальный вечер. И если бы вы были настолько добры, приняли бы участие в предполагаемом мною вечере, прочитали бы хоть небольшую сцену из какого-нибудь вашего произведения, ваше бы участие помогло мне выйти из моего настоящего положения. Заручившись вашим согласием, я бы обратился бы с просьбою к другим лицам, которые, надеюсь, не отказали бы участвовать, во-первых, потому, что в этом вечере участвуете вы, а, во-вторых, зная, что и я когда-то по просьбе артистов участвовал безвозмездно в спектаклях с благотворительной целью, как-то в пользу недостаточных студентов, курсисток, раненых и проч. Без вашего участия я не решусь дать вечера на том основании: во-первых, не буду уверен в успехе, а, во-вторых, артисты не так сочувственно отнесутся к моему вечеру. Поэтому я покорнейше прошу вас, многоуважаемый Александр Николаевич, удостоить меня вашим уведомлением, удобно ли вам будет принять участие в предполагаемом литературном вечере, единственно, чтобы спасти меня. Поверьте, я настолько уважаю вас, что не смел бы беспокоить вас, если бы не отчаянное мое положение.

Остаюсь уважающий вас, готовый к услугам вашим

К. З а г о р с к и й

Адрес мой: Угол Тверской и Долгоруковский переулк. Номера Гофман К. В. Загорскому.

Ед. хр. 787, № 82228. Датируется по содержанию.

¹ Дмитрий Дмитриевич *Коровяков* (1849—1895) — театральный деятель, критик, педагог. В 80-е годы был организатором первых частных театров в Петербурге, директором первой частной драматической школы, основанной по его инициативе Обществом любителей сценического искусства. Преподавал там декламацию; автор первых учебных пособий по сценической речи; печатал статьи и рецензии в «Ежегоднике императорских театров» и в других органах.

8

⟨Москва. После 21 ноября 1883 г.⟩

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Получивши ваше обязательное письмо, я отправился искать помещение; был у Корша, он сказал, что все свободные вечера отдал обществу вспоможения бедных студентов. В немецком клубе за зал просят 200 руб. и, кроме того, деньги вперед, чего я сделать никак не могу. В дворянском собрании около этой цифры, был вчера в Славянском базаре, там берут с меня 60 руб., сбор около 600. Но я не решился кончить, предварительно желал бы знать ваше мнение: удобно ли дать вечер в этом помещении; впрочем, там давались литературные вечера и читались публичные лекции. Относительно же участвующих: так как вы были настолько добры, что выразили желание посодествовать, я покорнейше прошу вас, Александр Николаевич, посоветовать мне, к кому бы я мог обратиться, у меня, кроме актеров, знакомых никого нет. Зал я взял на 10 декабря в субботу; на том основании, что по субботам нигде нет спектаклей и императорские артисты свободны. Я бы хотел обратиться к кому-нибудь из них, но не знаю, к кому именно. Почему и прошу вашего совета. К довершению моих неудач в настоящее время лежу в постели. 21-го играл в немецком клубе, было очень жарко, потный пошел домой и простудился, не знаю, когда могу выйти из дому.

Остаюсь уважающий вас К. Загорский

Ед. хр. 788, № 82223. Датируется по содержанию последних строк.

9

⟨Москва⟩ 1 декабря ⟨1883 г.⟩

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Извините меня, что я вас беспокою. Не знаю, получили ли вы мое письмо, в котором я уведомлял вас, что я взял в Славянском базаре на 10 декабря и просил вас уведомить меня — удобно ли будет для вас это помещение и назначенное время, а также относительно вашего содействия к приглашению участвующих... Если вас не затруднит, уведомите меня записочкой о вашем согласии и программе, которую вы желали бы исполнить в предполагаемом мною вечере. Заручившись вашей записочкой, я решительнее бы стал действовать относительно полной программы, приглашения участвующих и напечатания анонса и афиш, будьте так добры, снабдите меня записочкой, которая много поможет мне.

Ваш покорнейший слуга
К. Загорский

Ед. хр. 789, № 82217.

〈Москва〉 14 апреля 〈1886 г.〉

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Поздравляю вас с высокотожественным праздником и желаю исполнения вашего желания; лично поздравить вас я не решился потому, что вы, вероятно, заняты приемом официальных лиц и ввиду ваших занятий, не желая отвлекать вас. Зная ваше благосклонное внимание ко мне, я решился обратиться к вам с просьбою: не можете ли вы посодействовать мне относительно поступления на сцену Малого театра в качестве актера, хотя за малое вознаграждение. Странствовать по провинциям в настоящее время очень трудно, и я желаю воспользоваться вашим советом, что мне сделать? Официально ли подать вам докладную записку с заявлением своих дебютов или как иначе? И можно ли иметь хотя малую надежду осуществить свое желание. Я решился написать вам ввиду того, что давно имею честь пользоваться вашею благосклонностью и потому надеюсь, что вы, во всяком случае, как и всегда, уделите мне несколько минут, удостоите вашим ответом.

Уважающий вас покорный слуга К. В. Загорский

Адрес: Тверская, дом Шаблыкина угол Газетного переулка, номер Нечаева.

Ед. хр. 790, № 82229.

П. И. ЗУБРОВ

Петр Иванович *Зубров* (Иванов, 1822—1873) — артист Александринского театра с 1850 г. и почти до конца жизни, писатель и переводчик. Публикуемое письмо представляет интерес как еще одно свидетельство осложнений, связанных с постановкой пьесы «Свои люди — сочтемся!», пролежавшей под цензурным запретом более одиннадцати лет. Премьера в Александринском театре состоялась 16 января 1861 г. в бенефис Ю. Н. Линской (роль свахи Устиньи Наумовны). Роль Рисположенского играл Зубров. Островский дважды положительно упоминает Зуброва: в статье «О положении драматического писателя» — «Во всех моих ролях играл совершенно моим тоном» (XII, 66) и в «Записке по поводу проекта «Правил о премиях за драматические произведения» (XII, 207). Зубров исполнял преимущественно характерные и комические роли — деревенских парней, мелких чиновников, слуг, приказчиков. Его самобытное дарование особенно полно раскрывалось в репертуаре Островского, где он исполнил 19 ролей, лучшая из которых — образ Силана в «Горячем сердце» (1869).

21 февраля 1873 г. Бурдин писал Островскому: «Зубров вышел в отставку — это большая потеря. Он болен, а самое главное не хочет переносить неприятности», связанные с деятельностью режиссера Яблочкина («Островский и Бурдин», стр. 170).

Выдержку из этого письма приводит А. Я. Альтшуллер в книге «Театр прославленных мастеров» (Л., 1968, стр. 103).

1

С. Петербург. 19 декабря 1860.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Я слышал, что комедия ваша «Свои люди — сочтемся» идет в бенефис Линской, и мне кажется, что обещанную вами роль Рисположенского играю не я. Можете себе представить, почтеннейший Александр Николаевич, мое положение! Когда я спросил Павла Степановича¹, кто назначает роли, то он мне сказал, что автор; но распределения еще не получено. Вследствие чего я и решился написать к вам и напомнить о себе. Я играл во всех ваших пьесах, ни в одной из них я роли не испортил, и по-



СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ГРОЗА»

Е. А. ПОЛЕВИЦКАЯ В РОЛИ КАТЕРИНЫ, Я. В. ОРЛОВ-ЧУЖБИНИН В РОЛИ БОРИСА
Харьков, антреприза Н. Н. Синельникова, 1912 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

тому не понимаю причины, по которой бы вы решились взять назад¹ свое слово и лишить меня обещанной роли.

Покорнейше вас прошу, почтеннейший Александр Николаевич, написать мне хоть два слова и сказать — буду я играть в пьесе или нет.

Я так озадачен разными слухами, относительно ролей в этой комедии, что решительно потерял голову, и потому прошу великодушно извинить меня в бессвязности этой записки.

Искренно преданный и глубокоуважающий вас П. Зубров
Р.С. Адрес мой: В Николаевской улице, в доме Семенова № 12.

Ед. хр. 800, № 68270.

¹ П. С. Федоров.

С. Ф. КАЛУГИН

Сергей Федорович *Калугин* — актер драмы. Играл в 1864 г. в Твери; в 1860-х годах в Петербурге.

В ГЦТМ есть три письма Калугина к историку театра Евгению Николаевичу Опочинину (ф. 196, ед. хр. 8—10), из которых явствует, что Калугин стал в 1880-х годах придворным корреспондентом «Правительственного вестника». Одно из этих писем написано на личном бланке, другое — с личным штампом, по которому устанавливается отчество автора письма к Островскому. Из трех писем датировано только одно — 24 февраля 1884 г.

〈Тверь. 4 марта 1864 г.〉

Милостивый государь
Александр Николаевич.

Имею честь уведомить вас, как покровителя своего, что сезон в Твери отыграли благополучно, — в ваших пьесах я был всегда на своем месте, преимущественно имел успех в Афоне «Грех да беда», но этот успех зависит от вас, вы сами руководили меня на репетиции в Пассаже в Петербурге прошлого года весной, вы заметили, что у меня масса было болезненности и советовали играть, как играет Горбунов, но я ведь тогда не видал Горбунова, а потому здесь я сам создал другой тип, за что был вызываем несколько раз. Краснов же был Платонов¹ и так играл плохо, что публика дремала в его сценах, что подтвердят прочие и Павлов. Успех я имел в Кабанове, Бородине, в других пьесах имел успехи — Алеха, «Чужое добро в прок нейдет»², меня больше всех вызывали. В «Горькой судьбине»³ помещика больного — с большим успехом.

При сем имею честь приложить афишу моего бенефиса. Данные 3 руб. я возвращаю вам с благодарностью.

Позвольте, Александр Николаевич, считать вас своим покровителем в сценическом искусстве. Данных на это поприще у меня много — только надо мне заниматься там, где за счастье считают играть в ваших пьесах, а не там, где ходят на ходулях и без ума от мелодрамных трагедий и вообще всякой рухляди французской.

На днях буду иметь честь представиться лично.

Ваш покорный слуга

Сергей К а л у г и н

Тверь. 4 марта 1864

Ед. хр. 827, № 82215.

¹ Какой Платонов играл в Твери роль Краснова в пьесе «Грех да беда на кого не живет» весной 1864 г. — установить не удалось.

² «Чужое добро в прок не идет» — пьеса А. А. Потехина (1855).

³ «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского (1859), первая постановка была осуществлена в 1863 г.

П. А. КАРАТЫГИН

Петр Андреевич *Каратыгин* (1805—1879) — артист Александринского театра, драматург-водевильист, брат знаменитого петербургского трагика В. А. Каратыгина. Обычно Петра Андреевича не называют среди почитателей таланта Островского, среди его творческих единомышленников, между тем публикуемое письмо свидетельствует о другом. Островский считал П. А. Каратыгина талантливым переводчиком (XII, 82, 153).

(Петербург. 8 марта 1873 г.)

Милостивый государь
Александр Николаевич.

В день моего 50-тилетнего юбилея В. И. Родиславский явился в СПбургское собрание художников депутатом и поздравил меня от лица членов Артистического московского клуба; в числе поименованных им особ я с особенным удовольствием услышал и ваше имя... Сердечным моим долгом считаю принести вам, почтеннейший Александр Николаевич, глубочайшую мою благодарность за то лестное для меня внимание, которым вы меня удостоили. Ваш любезный привет тем более дорог мне, что из наших петербургских литераторов (за исключением престарелого Б. М. Федорова)¹ никто не счел меня достойным этой чести...

Я высоко ценю ваше приветствие, как первого нашего драматурга и честного, правдивого человека!

Еще раз — удостойте принять искреннюю и душевную мою благодарность.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашим, м.г., покорнейшим слугою

П. К а р а т ы г и н

8 марта 1873

Ед. хр. 829, № 68269.

¹ Борис Михайлович Федоров (1794—1875) — журналист, детский писатель, драматург. Широко известна его пьеса «Чудные встречи, или Суматоха в маскараде» (1818).

Е. И. КЛИМОВСКИЙ

Евгений Иванович *Климовский* (Оглоблин; 1824—1866) — артист оперы (тенор) и драмы, композитор. В 1846 г. был принят в так называемый консерватор-класс Большого театра и в его оперную труппу. Пел партии 2-го тенора, в дивертисментах — песни и романсы своего сочинения; особенной популярностью пользовалась его песня «Хуторок» на слова Кольцова. В спектаклях Малого театра выступал в ролях с пением. Был первым исполнителем роли Яши Гуслина («Бедность не порок», 1854). В 1854 г. перевелся в Александринский театр.

С 1855 г. брал длительные отпуска и работал на провинциальной сцене, утверждая себя как артист драмы: в 1855—1857 гг. — в Костромском театре, где подружился с П. М. Медведевым. В сезон 1855/56 г. сыграл роль Мити («Бедность не порок»); в 1857—1858 гг. — в труппе Нижегородского театра. С апреля 1858 г. откомандирован из петербургской драматической труппы в московскую оперную, однако с 1 апреля 1859 г. берет отпуск в провинцию и на императорскую сцену не возвращается (уволён с 20 июня 1862 г.). В 1859—1861 гг. — снова в Нижегородском театре, на сцене которого идет в 1861 г. его оперетта «Сон в майскую ночь». В сезон 1862/63 г. вместе с Медведевым организовал в Пензе товарищество артистов, а летом того же 1863 г. вдвоем сняли театр в Саратове. Осенью 1863 г., в Пензе, из-за внезапного отказа К. Г. Вильде от антрепризы Климовский (его поручитель) вынужден был занять его место.

Дарование Климовского как характерного актера развернулось на провинциальной сцене. Этапной для себя он считал роль Ивана («Суд людской — не божий», драма А. А. Потехина, 1857). По признанию Медведева, Климовский стал к самому концу сценического пути большим актером. По воспоминанию того же Медведева, влияние Климовского на артистическую молодежь провинции, его советы и беседы об искусстве были весьма благотворны. Климовский возглавлял также борьбу труппы с антрепренерами против засорения репертуара и усиленно пропагандировал пьесы

Островского; в Нижнем Новгороде в сезон 1857/1858 гг. поставил в свой бенефис «Праздничный сон — до обеда». Был дружен с Островским, входил в кружок его московских знакомых, объединенных любовью к русской песне. Особенно сблизился с драматургом во время постановки комедии «Бедность не порок» в Малом театре.

1

С. Петербург. Сентября 23 1854 г.

Здравствуйте, наш дорогой, наш бесценный автор,
Александр Николаевич!

Давным давно я собирался начертать к вам послание; но сие мне, не зная почему, до настоящей минуты не удавалось.

После первого представления вашей, дорогой для меня, пьесы «Бедность не порок»¹ я задумал было дать вам подробный отчет о здешнем исполнении; но раздумал, потому что во время самого представления не мог следить, разумеется сколько позволяла мне моя роль, внимательно за игрою гг. актеров. Итак, пишу теперь — пишу после третьего представления, которое было не дальше вчерашнего вечера.

Начну с того, что я (не публика) вообще здешним исполнением «Бедность не порок» решительно недоволен — почему? Во 1-х, пьеса не так поставлена, как должно, по крайней мере, как вы поставили ее в Москве². Во 2-х, и самое важное, главное действующее лицо, Любим³, решительно не гармонирует — не клеится с целым: он, т. е. актер, со всеми своими шутками и выкрутасами так резко отделяется от всех, окружающих его действующих лиц, что я (может быть, и по неразумию своему) совсем не вижу в нем Любима *вашего*; пьяницу, правда, оборванного, искаженного наружно; но сохранившего в целости свою душу, — словом, того Любима, который может смело сказать в глаза всем и каждому — «Любим Торцов пьяница, а лучше всех». Нет, наш Любим взят целиком с Сенной площади Питера, погубивший в себе все, — да не одним пьянством и разгульной жизнью, а всем, чем только может человек погубить себя. Суха питерская натура, несмотря на всю сырость здешнего климата. Оттого-то к нашему питерскому Любиму и нейдут слова и характер вашего *русского* Любима. Чухонец наш Любим, батюшка Александр Николаевич; а не русский человек!.. Вы меня простите, что так резко пишу! не могу — кровь заговорила! Откровенно вам скажу — не люблю я этих актеров-импровизаторов — «Ты делай дело — а не мудри!» — вот мое правило, «ведь выше природы не станешь». А все-таки крайне неприятно, что такой даровитый актер, каков питерский, так дико исказил чудную роль Любима. Мне кажется, что только после П. М. Садовского один только он мог *истинно* исполнить эту роль. Да что же ты прикажешь делать!.. — все француз гадит: вот съездил за границу, посмотрел там этих разных Леметров⁴, ну и закружилась голова — я, говорит, буду такой актер, что и непривидано. Ну что ж — и бог с тобою!

За этим г-ном взглянем на Митю. Актер, исполнявший эту роль⁵, человек, обязанный чисто вашей пьесе «Сани» — своей доброй известностью в здешней публике, а потому, вполне сознавая *ваше* благодеяние, он занялся ролью Мити весьма добросовестно, и публика им очень довольна. А я скажу, что ни наш (московский), ни здешний Митя⁶ — неудовлетворительны. Почему? Ей богу, не знаю — только эта роль на сцене выходит совсем не та, которую *вы* написали. Скажу одно: роль эта очень, очень трудна, и (несмотря на, не глядя под) наш московский актер был гораздо ближе к истине, нежели питерский. У первого было, по крайней мере, все великолепно обдуманно; а второй понадеялся на природное чувство, которого бог дал ему не очень щедро.

Любушка была хороша⁷ — чувства бездна! Этой г-же как-то по плечу припелись ваши создания. Я видел ее и в других пьесах; но это все дрянь, сравнительно с исполнением ваших пьес. Дай бог ей здоровья!

Гордей Карпыч⁸ был бы решительно прекрасен, если бы дать ему больше жесткости в первых двух актах. Актер этот очень мягок в резкостях характера Гордея Карпыча. Зато в III-м акте сознание и пробуждение отеческого чувства выполняется этим г-ном отлично — хорошо!

Мать весьма близка к истине, да уж чересчур пересаливает свою роль купеческими ухватками⁹. Черт их знает, всех этих господ! Они почему-то изображают на сцене только купцов, а не людей, как будто бы купец не человек, не русский!?

Анна Ивановна¹⁰ добросовестна, ей даже можно сказать *большое* спасибо: после диких трагедий очень трудно хорошо изобразить такую *натуральную натуру*, какова натура Анны Ивановны.

Разлюляев¹¹ — дурачится, но гораздо меньше Любима... ну да, пожалуй, Разлюляев хорош — он делает из роли своей все, что умеет. Публика хохочет, хлопает и... он доволен.

Я¹² — все тот же, что и был, рабски исполняющий желание автора. На 1-ую песню написали для меня новую музыку и нехорошо, — при минорном тоне дан очень живой скорый темп, что решительно нейдет ни к словам, ни к сцене. Ваш Митя разругал бы меня за эту песню. «Меня миленький» всегда повторяется, пляска под гитару — тоже. Публика пьесой очень довольна, — вызывают всех... ах! да... Коршунов¹³! Ну, Александр Николаевич, несмотря на обширный талант зрешнего актера, это удивительное лицо совсем пропало. Бог знает, отчего только г. актер из этого лица сделал *ничто*. Впрочем, это не мое мнение, а многих, — самому мне не удавалось хорошенько взглянуть на него.

О хорах и прочем не стану говорить — все не так, как было в Москве, и, по-моему, очень дурно, что не так!

Затем несколько слов о себе: вам известно, Александр Николаевич, что я поехал в Питер за отпуском. (Мне ужасно надоело получать 240 р.с.) Отпуска мне не дали, а предложили чистую отставку, если я хочу в отпущ. Служить на том же жаловании в Москве мне показалось противно, и потому решил я перепроситься сюда на службу, надеясь на будущие блага. Меня оставили — и вот я теперь поджидаю будущих благ. Что будет со мною — не знаю; а Питер мне не вот-то по нутру. Ради бога, не говорите никому о моем послании к вам; а то, пожалуй, меня за мою откровенность съедят. Простите и моей безграмотности — писал, как умел. Желаю вам полного здоровья и счастья. Не забывайте всей душой привязанного к вам Евгения.

Прову Михайловичу, Филиппову, Эдельсону, Горбунову¹⁴... Всем, всем мой сердечный привет. Если будет охота, напишите и ко мне что-нибудь.

Ед. хр. 857, № 82207.

¹ Премьера комедии «Бедность не порок» в Александринском театре состоялась 9 сентября 1854 г.

² В Малом театре «Бедность не порок» была поставлена 25 января 1854 г. при ближайшем участии Островского.

³ Первым исполнителем роли Любима Торцова на Александринской сцене был В. В. Самойлов.

⁴ Фредерик Леметр (Антуан Луи Проспер; 1800—1876) — знаменитый французский актер; гуманист, виднейший представитель романтизма, один из основоположников критического реализма во французском театре.

⁵ Первым роль Мити на Александринской сцене исполнил Бурдин.

⁶ И. В. Самарин, первым на московской сцене сыгравший роль Мити, не подходил к роли. Он занимал тогда амплуа героя-любownika, блестяще исполнял салонные роли.

⁷ Роль Любви Гордеевны весьма удалась Александре Матвеевне Читау 1-й (по мужу Огаревой; 1832—1912). По окончании петербургского театрального училища

поступила в 1849 г. в Александринский театр на роли молодых героинь. Первой на петербургской сцене воплотила образы Авдотьи Максимовны («Не в свои сани не садись», 1853), Марьи Андреевны («Бедная невеста», 1853, в свой бенефис) и др. Покинула сцену в 1855 г. В 1868—1882 гг. Читаю снова в Александринском театре уже на ролях грандам и старух; первой исполнила роли Мамаевой («На всякого мудреца довольно простоты», 1868), Гурмыжской («Лес», 1871) и др.

⁸ Роль Гордея Карпыча исполнил Петр Григорьевич Григорьев 2-й (1807—1854) — драматический актер и водевилист. Окончил петербургское театральное училище (1829). С 1831 г. до конца жизни работал в Александринском театре: специализировался на бытовых и характерных ролях; имел успех в ролях купцов: Русакова («Не в свои сани не садись», 1853) и др.

⁹ Роль Пелагеи Егоровны начинается список ролей Юлии Николаевны Линской в пьесах ее любимого драматурга (о ней см. настоящ. том, стр. 354—355).

¹⁰ Роль Анны Ивановны сыграла Прасковья Ивановна Орлова (урожд. Куликова, по первому мужу — Орлова, по второму — Савина; 1815—1900). Воспитанница московского театрального училища; работала в Малом театре в 1835—1847 гг.; была постоянной партнершей Мочалова. Белинский считал Орлову замечательной артисткой и для драмы, и для комедии. В 1847—1851 гг. играла на одесской сцене. В 1851—1859 гг. Орлова в труппе Александринского театра. В «Не в свои сани не садись» первой исполнила роль Арины Федотовны (1853).

¹¹ Разлюляева играл Семен Яковлевич Марковецкий (1819—1884). Выпущен из петербургского театрального училища в 1839 г. в труппу Александринского театра на роли простаков. Первым на Александринской сцене исполнил роль Вихорева («Не в свои сани не садись», 1853), Разлюляева (1854) и Павлика («Козьма Захарыч Минин, Сухорук», 1866, в свой бенефис). Оставил Александринский театр в 1880 г.

¹² И в московской, и в петербургской постановках Климовскому как оперному певцу и музыканту была поручена роль Яши Гуслина.

¹³ Роль Коршунова играл А. Е. Мартынов.

¹⁴ П. М. Садовский, Т. И. Филиппов, Е. Н. Эдельсон и И. Ф. Горбунов.

2

Нижний Новгород. Сентября 7, 1857.

Великолепный мой Александр Николаевич!

Се предстоит пред вами Платон Андреевич Кашин, юноша, жаждущий почерпнуть несколько мензурок аптекарского знания из огромного озера наук, сиречь Московского университета.

Сей юноша родной племянник того длиннейшего актера (Александрова)¹, который подарил вам полотенце. В бытность вашу в Н. Новгороде вы обещали Александрову оказать некоторую помощь сему юноше, т. е. облегчить несколько его поступление в университет. Что ему собственно нужно — он вам объяснит сам. С моей стороны я могу прибавить только, что он парнюга неглупый, очень добрый и весьма честный; если в ваших силах будет помочь ему, то, пожалуйста, помогите.

Пишу наскоро, ибо с похмелья — после буду писать больше и лучше, а теперь обнимаю вас мыслию моею и мощно прижимаю к моей неширокой груди.

Вся труппа нижегородского театра² кланяется вам низенько.

Весь ваш до гроба и за гробом.

Евгений К л и м о в с к и й

25 августа я произведен в папильки — у меня родилась дочь Маша, чего и вам желаю от искреннего сердца.

Жена моя³ жмет вам крепко руку!

Ед. хр. 858, № 82208.

¹ Александров — провинциальный драматический актер на роли простаков; в 1850—1860 гг. работал в труппе Нижегородского театра. Как вспоминает П. А. Стрепетова, она впервые увидела Александрова в Нижнем Новгороде в самом начале 1850-х годов, когда была совсем малым ребенком; встречала этого актера громадного роста и позднее: «Звали его — «дядя Александров». Он был актер и всеобщий дядя, хотя родственников в Нижнем у него никогда никаких не было» (П. А. Стрепетова. Воспоминания и письма. М. — Л., 1934, стр. 94).

В одной из рецензий Александров характеризовался так: «Г. Александров недурен в ролях мужиковато-глупых, имеет приятный голос» (там же, стр. 514).

² В 1856 г. и 1857 г. Островский совершил путешествие от истоков Волги до Нижнего Новгорода. В Нижегородском театре он встретил старого знакомого Климовского, познакомился с членами группы — артистами Александровым, Н. Платоновым и др.

³ Ольга Яковлевна *Браво* — жена Климовского, сестра известных провинциальных комиков Егора и Николая Браво.

3

(Нижний Новгород. Сентябрь 1857 г.)

Мой бесценный и глубокоуважаемый
Александр Николаевич!

Не считаю нужным рекомендовать вам Владимира Федоровича кн. Голицына¹ — вы его знаете.

Но вот о чем вас попрошу: примите его в ваш литературный круг и окажите ему помощь в напечатании его поэтических произведений.

Вообще же я бы желал, чтоб этот человек вам столько же понравился, сколько нравлюсь вам я нижеписанный

Евгений Климовский

Бог даст, скоро свидимся, — мысленно прижимаю вас к моей слабенькой груди.

Агафье Ивановне мой низенький поклон.
Жена тоже кланяется.

(Приписка Н. Платонова)

Бесценный мой Александр Николаевич!

Позвольте напомнить о бедном Платоше² и пожелать вам всего хорошего. Мы помним о вас, — дай бог, чтобы частичка была памяти и о нас маленьких. Подай вам бог исполнения ваших желаний именно насчет «Доходного места»; жалко, что до сих пор не приводится в дело ваш труд. Мой нижайший поклон Прову Михайловичу. Писал с похмелья. Ваш покорнейший

исполнитель Н. Платонов³

Ед. хр. 859, № 82211.

Датируется сентябрем 1857 г. по связи с письмом Климовского 7 сентября 1857 г.

¹ Владимир Федорович. кн. *Голицын* (1834—1876) — в 1851 г. служил в Бородинском егерском полку. Был ранен в Крымскую кампанию под Севастополем. Вслед за тем состоял адъютантом нижегородского военного губернатора А. Н. Муравьева. Писал стихи.

Островский познакомился с Голицыным в Нижнем Новгороде, когда совершал путешествие по Волге в 1856 и 1857 гг. Позднее Голицын вступил с Островским в переписку.

² П. А. *Кашин* — см. предыдущее письмо.

³ Н. П. *Платонов* — см. настоящ. том, стр. 374.

4

(Нижний Новгород. 5 ноября 1857 г.)

Бесценный, сердечно любимый и глубокоуважаемый
Александр Николаевич!
Мир ти!

Падаю в прах, сиречь на пол, и слезно вопию: выхлопочите нам дозволение поставить ваши пьесы «Праздничный сон»¹ и «Доходное место»² хотя бы в половине декабря — ведь народ ждет не дожидется, а нашему брату актеру, пробавляющемуся в сей скорбной юдоли посредством бенефисов, было бы это паче председательского места в казенной палате.

В самом деле, нельзя ли как-нибудь сотворить, т. е. выслать какую-нибудь казенную бумажку, хотя в таком роде: «Разрешается, дескать,

Нижегородской дирекции дать такие-то пьесы г. Островского». А то, ведь бог знает, когда вы их отхватаете в столицах.

А ну, а батюшка Александр Николаевич, а помоги, голубчик, — заставь за себя вечно бога молить!!!

Целую вас и вашу пишущую длань, и жду с нетерпением какого-либо ответа. Вся наша труппа и дирекция слезно умоляет вас о том же.

Ваш по гроб жизни Евгений К л и м о в с к и й,
актер таковский

Нижний Новгород. 5 ноября 1857 г.

Адрес мой: Актеру С. Питерских театров (известному вам). Меня здесь всяка собака знает.

Ед. хр. 860, № 82212.

¹ Комедия «Праздничный сон — до обеда» была представлена в Москве и Петербурге в 1857 г.

² Комедия «Доходное место» была дозволена драматической цензурой к представлению 19 сентября 1857 г., но 16 декабря того же года последовало ее запрещение. Комедия находилась под запретом драматической цензуры, снятом в июле 1863 г.

5

(Нижний Новгород. 6 января 1858 г.)

Мой бесценный и глубоко уважаемый
Александр Николаевич!

С Новым годом!

Не нахожу нужным рекомендовать вам Якова Васильевича Ключевского¹, несколько уже и знакомого человека; да я думаю, доброго человека и рекомендовать не надо — сам скажется. В мой бенефис шла ваша пьеса «Праздничный сон» — как шла расскажет Ключевский. Здешний губернатор и все благомыслящие люди сильно хлопочут о постановке вашей пьесы «Доходное место». Если бы можно было достать афишу столичную, то, несмотря на запрещение², она бы у нас пошла. Коли можно, то высылайте афишу и обозначьте карандашом, кому из нас какую роль играть. Ключевский в этом случае может быть вам полезен, как человек весьма хорошо знающий все таланты нашей труппы.

Если увидите Прова Михайловича, скажите ему, что я кланяюсь ему в ноги!

Затем до радостного свидания великим постом.

Весь ваш и телом и душой

Евгений К л и м о в с к и й

Нижний Новгород.
6 января 1858 г.

Ед. хр. 861, № 82209.

¹ С Ключевским, жителем Нижнего Новгорода, Островский встречался во время своих приездов в этот город в 1856 г. и 1857 г. По свидетельству П. Морозова («Воспоминания о Нижегородском театре 60-х годов». — «Ежегодник имп. театров», 1910, вып. 3), в Нижнем Новгороде были свои завзятые театралы. В число восторженных поклонников театра входили как сам Морозов, так и его товарищ по гимназии Павел Ключевский, впоследствии поступивший на сцену. Как видно, любителем театра и завсегдатаем спектаклей был и Яков Ключевский.

² Только один Казанский театр успел в 1857 г. поставить «Доходное место» до запрещения пьесы драматической цензурой.

И. А. ВСЕВОЛОЖСКИЙ
 Фотография
 с дарственной надписью:
 «Александр Николаевичу
 Островскому.
 И. Всеволожский.
 1882 г.»

Центральный театральный музей,
 Москва



*Александр Николаевич
 Островскому
 И. Всеволожский
 1882 г.*

6

⟨Нижний Новгород, 26 января 1861 г.⟩

Здравствуйте, глубокоуважаемый и сердечно любимый
 мною Александр Николаевич!

Как вас господь милует? Необъяснимое для меня явление, в Нижнем, Вани Шестакова¹ принесло мне много приятных минут и напомнило еще более приятнейших дней, вечеров и ночей, проведенных в вашем обществе. Он мне сказал, что вы все еще помните меня грешного. Дай бог вам за это крепкое здоровье! Не знаю, говорить ли вам о том, что мне в Нижнем весьма хорошо, т. е. что я здесь любим как актер и человек. Сценически я, серьезно, несколько подвинулся вперед, так что теперь я уже смело могу назвать себя *незловредным* актером. Между прочим, хотя и самоучкой, не перестаю вникать в музыку. Мое великое произведение, оперетка «Сон в майскую ночь», будет в будущем месяце поставлена на здешней сцене. Об успехе и прочем сообщу вам, коли поинтересуетесь. Более о себе писать не стану, потому что Ваня, как очевидец, наверное уже все передал вам.

Теперь к вам просьба: обрадуйте двоих людей, искренне любящих и уважающих вас, т. е. меня и дядю Александрова, вышлите нам по экземпляру вашего портрета; а мы постараемся выслать вам наши рожи.

Еще просьба — эта уже от меня: я имел счастье получить от вас все ваши сочинения включительно по «Воспитанницу»; нельзя ли будет

со временем, получить и все вновь изданное вами в свет? Голубчик Александр Николаевич, если можно, не откажите.

Передайте мое глубокое почтение Евгению Николаевичу, Прову Михайловичу, Ивану Егоровичу², и всем другим, кто помнит меня. Скажите Агафье Ивановне, что я целую у ней ее пречистые ручки.

Будьте же здоровы сами и не забывайте вечно вам преданного Евгения Климовского. Адрес ко мне просто в Нижний.

Жинка моя низенько вам кланяется.

26 января 1861 года.

Вот так штука! До чего же может человека довести рассеянность или, вернее, беспутность в жизни. Напишите, Христа ради, что я такое прислал к вам вместо сего предлагающего письма. Сию секунду только я спохватился, что наделал. Хотелось мне сегодня еще написать кое-что к Леонидову³, ищу давно начатого к нему письма, и вот что попадаетея. Голубчик Александр Николаевич! Умоляю вас простить меня беспутного. Если бы... да что если бы... Пожалуйста, простите, вперед не буду! В понедельник это письмо отправляется прямо к вам, а Леонидовское употребите в случае крайности в необходимнике. Жду прощения!

Лобзает и кланяется низко вам, Ивану Федоровичу Шестакову дядя⁴ иже от разумных человек нарицается Евсеич. Скажите: вместо Верстовского⁵, какой Львов⁶ назначен в Москву управляющим? Уж не автор ли «Предубеждения» и «Света не без добрых людей»? Мне это очень нужно знать.

Ед. хр. 863, № 82213.

¹ Иван Федорович Шестаков — общий знакомый Островского и Климовского. Шестаков и Климовский входили в число лиц, группировавшихся в Москве в начале 1850-х годов вокруг Островского.

² Е. Н. Эдельсон, П. М. Садовский и И. Е. Турчанинов.

³ С Леонидовым Климовский находился в оживленной переписке. Его письма хранятся в фонде Леонидова (360) в ГИМе.

⁴ Александров. См. о нем прим. 1 к письму 2.

⁵ Алексей Николаевич Верстовский (1799—1862) — композитор и театральный деятель; с 1825 г. инспектор музыки имп. московских театров, с 1830 г. — инспектор репертуара; в 1848—1860 гг. — управляющий московской конторой императорских театров. По признанию Островского, был знатоком в сценическом искусстве. Играл в течение 35 лет виднейшую, весьма благотворную роль в жизни Большого и Малого театров. Как композитор начал с музыки к водевилям, утверждал жанр оперы-водевиля, позднее перешел к романтической опере, которой придавал национальный колорит. Из шести его опер широко известна «Аскольдова могила».

⁶ Преемником Верстовского на посту управляющего московскими императорскими театрами стал в 1860—1864 гг. Леонид Федорович Львов (ум. 1865); увольнением в видах экономии полезных актеров разрушал целостность московской труппы, так тщательно подобранной Верстовским. Одновременно не жалел расходов на водворение в Москве итальянской оперы. Оставил после своего управления московскими императорскими театрами неслыханный для Москвы дефицит — свыше двухсот тысяч рублей.

⁷ Автором пьес «Предубеждение, или Не место красит человека, а человек место» (Александринский театр, 1858) и «Свет не без добрых людей» (там же, 1857) был драматург Николай Михайлович Львов (1821 — 1872). Сатирическая направленность его лучшей комедии «Свет не без добрых людей», в которой разоблачается разложение среди чиновничества, послужила причиной снятия пьесы с репертуара.

К. П. КОЛОСОВ

Константин Петрович Колосов (Фризановский, 1823—1888) — актер Малого театра с 1842 г. 9 октября 1870 г., в его бенефис, с большим успехом прошла первый раз в Москве пьеса «Бешеные деньги» (первая постановка в Петербурге — 16 апреля 1870 г. — успеха не имела).

(Москва. Конец лета 1876 г.)

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Свидетельствую глубочайшее почтение и честь имею известить, что я в мой бенефис, назначенный 1 октября, даю одну из ваших пьес, а именно «Василису Мелентьеву», с новым персонажем. Г-жа Федотова в отсутствии, и я просил ее роль играть г-жу Ермолову, а г. Вильде¹ отказался, находя, что он стар, и потому я передал г. Решимову².

Надеюсь, добрый Александр Николаевич, что вы будете ко мне снисходительны и не станете сердиться, что я распорядился без вашего согласия. Во-первых, вас не было здесь, а, во-вторых, краткость времени не позволяла этого сделать. Искал чего-нибудь нового, но ничего не нашел, а то, что есть, не решался дать, находя все очень слабым.

Глубокоуважающий ваш слуга

К. Колосов

Ед. хр. 884, № 68300.

Письмо датируется по записным книжкам С. А. Черневского и по его репертуарному журналу, где значится, что 1 октября 1876 г., в бенефис актера Колосова, шел спектакль «Василиса Мелентьева» (ф. 299, ед. хр. 1975, № 137062/12 и ед. хр. 1886, № 161819, л. 36). Данное письмо интересно предполагаемым распределением ролей в бенефисном спектакле Колосова.

¹ Н. Е. Вильде.² Михаил Аркадиевич Решимов (Горожанский или Горожанкин; 1845—1887) — артист Малого театра с 1869 г. Ему особенно удавались роли фатов.

Е. М. ЛЕВКЕЕВА

Елизавета Матвеевна *Левкеева* (по сцене Левкеева 1-я; 1827—1881) — драматическая актриса. Воспитанница Петербургского театрального училища. Работала в Александринском театре с 1845 г. до конца жизни. Характерная актриса на молодые бытовые роли, с неменьшим успехом играла позднее и роли комических старух.

Дарование Левкеевой развернулось в пьесах Островского, успеху которых она весьма содействовала своей игрой. Была первой исполнительницей на Александринской сцене ролей Груши («Не так живи, как хочется», 1855), Капочки («Праздничный сон — до обеда», 1857), Варвары («Гроза», 1859), Липочки («Свои люди — сочтемся!», 1861), Евгении («На бойком месте», 1865). Как и некоторые артисты театра, убеждала дирекцию возобновить перед цензурой ходатайство о разрешении к постановке «Дходного места». По снятии с пьесы цензурного запрещения в июле 1863 г. взяла ее для своего бенефиса, который состоялся 27 сентября 1863 г.; первой исполнила роль Вышневецкой. В свои же бенефисы показала впервые и пьесы: «Богатые невесты» (28 ноября 1875 г.; Бедонегова), «Дикарку» (12 ноября 1879 г.; Мавра Денисовна).

Вместе с немногими передовыми деятелями труппы Левкеева способствовала утверждению на Александринской сцене русского национального репертуара и реалистических принципов игры.

1

(Петербург. 26 июля 1861 г.)

Добрейший мой Александр Николаевич.

Приближается день моего бенефиса, и я желала бы украсить его вашей новой пьеской «Свои собаки дерутся, чужая не приставай»¹.

Позвольте мне просить вас сделать мне эту честь *разрешить* сыграть ее в моем бенефисе².

Ежели вы на это согласны, то прошу вас написать об этом к нашему начальству³, а я в благодарность за вашу любезность постараюсь исполнить роль Антрыгиной сколько позволяют мои сценические средства.

Заранее приглашаю вас к себе в гости, а уже на репетицию-то непременно должно приехать.

До свидания, мой добрейший Александр Николаевич. Остаюсь в приятном ожидании получить от вас ответ.

Л. Левкеева

26 июля 1861 года.

P.S. Прошу вас распределить роли по вашему желанию, мой бенефис 27 сентября.

Ед. хр. 1080, № 68276.

¹ Правильно — «Свои собаки грызутся, чужая не приставай».

² На просьбу Левкеевой Островский согласился и дал ей роль Антрыгиной. Пьеса намечалась на ее бенефис. Однако Левкеева, как свидетельствует Ю. Н. Линская, не взяла пьесу (см. письмо Ю. Н. Линской 18 октября 1861 г., *настоящ. кн.*, стр. 356).

³ 16 августа 1861 г. Островский написал Федорову о своем согласии, прибавив к этому: «Если я этой малостью могу услужить г-же Левкеевой, я буду очень рад; она так много способствовала успеху моих пьес, что эту может вполне считать своей собственностью» (XIV, 89).

2

〈Петербург. 1 августа 1863 г.〉

Добрейший мой Александр Николаевич.

До меня дошли слухи, что пьеса ваша «Доходное место»¹ пропущена и что дирекция желает ее поставить непременно в сентябре месяце или в казну, или кому-нибудь в бенефис, рассчитывая на сборы. То покорнейше прошу вас дозволить мне взять ее в свой бенефис, который будет в конце сентября.

Что же касается до хлопот с дирекцией на счет этой пьесы у меня не будет больших, потому что ей уже известно давно, что я хлопотала об этой пьесе еще в прошлом году вместе с *Ваней Горбуновым*, который поручится вам в справедливости моих слов, и я уверена заранее, что в нынешнем году дирекция мне ее позволит дать в свой бенефис, было бы только на то ваше согласие.

Умоляю вас не оставить моей просьбы без внимания и дать мне скорейший ответ: да или нет.

Вот мой адрес: На Владимирской улице, в доме Фридрихса кв. № 34-й.

Остаюсь многоуважающая вас

Л. Левкеева

1 августа 1863 года.

Ед. хр. 1081, № 68277.

¹ О цензурных мытарствах комедии «Доходное место» — см. *настоящ. кн.*, стр. 238.

3

〈Петербург, 20 августа 1863 г.〉

Добрейший мой Александр Николаевич.

Не могу понять причину, почему я до сих пор не получаю от вас ответа на мое письмо, когда я знаю наверно, что вы его получили. Может быть, вы затрудняетесь в том, что думаете, не действую ли я против уста-

новленного дирекцией правила *потихоньку*, и поэтому вы не желаете ей сделать неудовольствие, хотите отстранить себя от этого, то вы ошибаетесь, я с согласия дирекции обращаюсь к вам вторично с просьбою, позволить мне дать вашу пьесу¹ в мой бенефис. И ежели вам неужгодно написать мне лично ваш ответ, то прошу вас — напишите Павлу Степановичу² такого рода письмо: «что вот я просила вас дать вашу пьесу в мой бенефис и что ежели дирекция найдет это возможным, что с вашей стороны к этому препятствий не будет³. Вот все, чего я прошу у вас и позволить мне как бенефициантке сыграть роль жены генерала⁴, потому что у меня нет никакой другой роли.

С истинным почтением имею честь быть
вашей покорнейшей слугою

Л. Левкеева

20 августа 1863 года.

P.S. Вот мой *адрес*: На Владимирской улице в доме Фридрихса № кварт. 34-й.

Ед. хр. 1082, № 68278

¹ «Доходное место».

² Федоров.

³ Раньше Левкеевой обратилась к Островскому с просьбой Ю. Н. Линская (летом 1863 г.) дать ей пьесу «Доходное место» для бенефиса, на что Островский в июле дал ей письменное согласие. Этим, видимо, и объясняется его задержка с ответом Левкеевой.

Дирекции и автору, получавшему перспективную плату, было выгодно, чтобы пьеса ставилась с начала сезона; бенефис Левкеевой как раз приходился на сентябрь, в то время как бенефис Линской был назначен на январь. На этом основании «Доходное место» получила Левкеева, и премьера комедии в Александринском театре состоялась 27 сентября 1863 г. в ее бенефис; Е. М. Левкеева сыграла роль Вышневецкой, Ю. Н. Линская — Кукушкиной.

⁴ Роль Вышневецкой.

4

⟨Петербург. 29 марта 1864 г.⟩

Добрейший мой Александр Николаевич.

Я слышала, что вы окончили давно ожидаемую всеми вашу пьесу «Сон на Волге»¹. Пользуюсь этими слухами и обращаюсь к вам с покорнейшей просьбою, позволить мне дать ее в мой бенефис, который будет в сентябре месяце. Если вы будете согласны на мою просьбу, то покорнейше прошу вас назначить и роли по вашему усмотрению.

Чем премного обяжете

многоуважающую вас Л. Левкееву

29 марта 1864 года.

P.S. Вот мой *адрес*: на Владимирской улице, дом барона Фридрихса кв. № 34-й.

Ед. хр. 1083, № 68279.

¹ Пьесу «Воевода» («Сон на Волге») Островский закончил 7 января 1865 г.; дозволена драматической цензурой к представлению 25 января; премьера состоялась в Александринском театре 28 апреля 1865 г., в бенефис Е. В. Владимировой (на сцене Марининского театра); Левкеева исполнила роль вдовы Ульяны.

(Петербург. 29 августа 1865 г.)

Красота моя неоцененная.

Нет пределов моей к вам благодарности за ваше милое внимание ко мне¹. Я так была им тронута, что скажу вам откровенно, я заплакала от радости и в ту же минуту хотела вам отвечать, но, не зная вашего адреса, должна была выждать встречи с Горбуновым, чтобы узнать его, а этот *беспутный* по целым неделям рыскал по болотам, его не найти было и с собаками. Ангел божий, бенефис мой² 25 или 29 октября, и я надеюсь, что вы удостоите нас своим посещением и приедете к тому времени. Теперь прошу вас от имени Павла Степановича³ прислать ваше распределение ролей и приказать переписать пьесу с цензурованного экземпляра, которая бы была уже скреплена подписью режиссера, и чем скорее, тем лучше. Между прочим, пишу вам новость, что Павел Васильев⁴ снова поступает к нам на сцену, ежели он вам будет нужен для новой вашей пьесы, имейте его в виду.

Прощайте, мой прелестный Александр Николаевич, еще раз благодарю вас за вашу память обо мне и прошу вас впредь не забывать искренно преданную вам и уважающую вас

Л. Левкееву

29 августа 1865 года.

Ед. хр. 1084, № 68280.

¹ Левкеева благодарит Островского за согласие предоставить ей пьесу «На бойком месте» для бенефиса.

² Бенефис Левкеевой состоялся 25 октября 1865 г.

³ Федоров.

⁴ О П. В. Васильеве см. настоящ. том, стр. 288—290.

(Петербург. 6 сентября 1865 г.)

Добрейший мой Александр Николаевич.

Я все исполнила, что только от меня зависело, тотчас же отправилась к Павлу Степановичу¹ и узнала от него, что ваша пьеса² была прочтена на другой же день по получении ее из Москвы и одобрена. 2 же сентября была послана в цензуру. Я сегодня отправилась туда и узнала, что пьесу вашу еще до сих пор не рассматривали, потому что Цензурное правление отделено от Третьего отделения и на этих днях только что перебралось на новую квартиру, по этой самой причине они немножко замедлили, а завтрашний день она пойдет на рассмотрение *цензурными властями*. Я убедительно просила г. цензора³ не замедлить ее и завтрашний день, хотя к вечеру, переслать ее обратно в дирекцию, чтоб немедленно отослать ее в Москву, он мне дал слово исполнить мою просьбу, и я думаю, что в среду или в четверг вам ее перешлют.

До скорого свидания, добрейший мой Александр Николаевич. Остаюсь многоуважающая вас

Л. Левкеева

6 сентября 1865 года.

P.S. Сейчас только что из театра. П. Васильев⁴ явился в Любиме Торпове и был неподражаемо хорош. Публика его встретила великолепно, и аплодисментам не было конца.

Ед. хр. 1085, № 68281.

¹ Федорова.

² «На бойком месте».

³ Иван Андреевич Нордстрем (1814—1878) — цензор драматических сочинений.

⁴ Первый выход П. В. Васильева 2-го по возвращении его на Александринскую сцену состоялся 6 сентября 1865 г.

7

⟨Петербург, 12 сентября 1865 г.⟩

Добрейший мой Александр Николаевич.

Я надеюсь, что вы не забыли вашего обещания поторопиться переслать мне экземпляр вашей новой пьесы «На бойком месте». Павел Степанович ждет от вас с нетерпением распределения ролей, а я пьесу¹. Может быть, мой бенефис подвинут поближе, если я только соглашусь перемениться днем с Бурдиным, его бенефис назначен 15 октября; если пьесу вашу я получу из Москвы скоро, то, может быть, я соглашусь перемениться днем; во всяком случае, я вас уведомя письменно, чем покончу, чтобы видеть вас непременно к этому времени у нас в Петербурге.

Остаюсь в приятном ожидании получить от вас ответ

Л. Левкеева

12 сентября 1865 года.

Ед. хр. 1086, № 68282.

¹ Островский писал Бурдину 10—12 сентября 1865 г.: «Когда я кончил комедию «На бойком месте», я долго думал, кому отдать ее в бенефис. Самая видная, по моему мнению, роль (Евгении) должна принадлежать Левкеевой, ей, по всей справедливости, следовало отдать и пьесу» (XIV, 131).

8

⟨Петербург, 21 сентября 1865 г.⟩

Добрейший мой Александр Николаевич!

До сих пор я еще не имею вашей пьесы и не могу понять тому причину, отчего ее до сих пор мне не высылают? Думала, думала, да и придумала одно обстоятельство, которое я узнала вчера на репетиции, дело вот в чем: до вашего любезного ко мне письма, я заявила для своего бенефиса пьесу г. А. Потехина «Отрезанный ломоть»¹ и писала к г. Богданову² о том, чтобы он ее приказал как можно скорее переписать и послать в Петербург, что он и исполнил в точности; но, когда я получила ваше письмо, я уступила эту пьесу г. Зуброву³, который, как оказывается, до сих пор еще не послал за переписку пьесы заработанные деньги. Бывши вчерашний день на репетиции этой пьесы, я тут-то и узнала в чем дело, сейчас же отдала за г. Зуброва деньги Семикатову⁴ и просила его переслать их немедленно в Москву и передать кому следует, и просить как можно скорее выслать к нам вашу пьесу. Остается очень мало времени, бенефис мой 15 октября⁵, и я вас прошу убедительно, добрейший мой Александр Николаевич, захватить в театр и передать кому следует, чтобы они не сомневались насчет денег, а чтоб делали свое дело, как следует; золотой мой, похлопочите для тети, и приезжайте к нам поскорее, на будущей неделе, 27-го числа, идет у нас «Воевода»⁶; и есть некоторые новые персонажи, например, роль Владимировой⁷ отдана г. Подобедовой⁸, а за Подобедову будет играть г-жа Сибирская⁹. Приезжайте посмотреть новых персонажей, да и прочтите нам «На бойком месте», тогда нам будет легко учить роли.

Остаюсь в приятном ожидании скоро свидеться с вами.

Искренно преданная вам Л. Левкеева

21 сентября 1865 года.



В. Н. ДАВЫДОВ В РОЛИ
БАЛЬЗАМИНОВА
(«ЗА ЧЕМ ПОЙДЕШЬ, ТО И
НАЙДЕШЬ»)

Александринский театр, 1880 г.

Фотография

Центральный театральный музей,
Москва

Ед. хр. 1087, № 68283.

¹ Драма А. А. Потехина «Отрезанный ломоть» прошла на петербургской сцене (1865) с шумным успехом не только благодаря сильному составу исполнителей, но и благодаря животрепещущей теме: автор показывает помещика-крепостника, который не хочет примириться с раскрепощением крестьян и противится предоставлению им земли, пытаясь подкупить мирового посредника. Разоблачение закоренелого крепостничества послужило причиной снятия пьесы с репертуара.

² Александр Федорович *Богданов* (1810—1877) по окончании Московского театрального училища вступил в 1830 г. в балетную труппу московских императорских театров; в 1846 г. вышел по болезни на пенсию артистом второго разряда; в 1861 г. принят режиссером в Малый театр; прослужил в нем до конца жизни.

³ О П. И. *Зуброве* — см. выше, стр. 330.

⁴ *Семикатов* — служитель театральной конторы.

⁵ Бенефис Левкеевой состоялся 25 октября 1865 г.

⁶ Левкеева приглашает Островского на рядовой спектакль «Воеводы».

⁷ О Е. В. *Владимировой* — см. настоящ. том, стр. 292—293. В «Воеводе» исполняла роль Марьи Власьевны.

⁸ Екатерина Ивановна *Подобедова* 2-я (1839—1883) — жена артиста А. А. Нильского, артистка драмы. Воспитанница Петербургского театрального училища. По выпуске определена в 1858 г. в труппу Александринского театра на роли инженерю. Занимала первые роли, хотя обладала посредственным дарованием. Не удовлетворила Островского в роли Полинки («Доходное место», 1863; первая исполнительница). Сыграла также на премьере пьесы «Воевода» (1865) роль Олены и позднее в том же году (27 сентября вместо Е. В. Владимировой) — роль Марьи Власьевны. Выбыла из труппы по болезни в 1882 г.

⁹ Софья Викторовна *Сибирская* (урожденная Пвашкевич, с 1865 г. по мужу Аверькиев) — драматическая актриса. Пришла на императорскую сцену из провинции. Дебютировала в Александринском театре в мае 1861 г., но приглашена не была. В 1862 г. принята в труппу Малого театра; отзывы прессы об ее игре неблагоприятны: актрису упрекали в неестественности сценического поведения и в отсутствии самобытности. В конце 1864 г. переведена из Москвы на петербургскую сцену; 3 декабря

В. Н. ДАВИДОВ В РОЛИ
БАЛЬЗАМИНОВА

(«ЗА ЧЕМ ПОЙДЕШЬ, ТО И
НАЙДЕШЬ»)

Александринский театр, 1880 г.

Фотография

Центральный театральный музей

Москва



1864 г. играет роль Натальи в драме Н. Потехина «Доля — горе». Среди ее ролей, сыгранных в 1865 г. — Олена («Сон на Волге»), заменяла Подобедову 2-ю, и Анна, жена гетмана («Зиновий Богдан Хмельницкий, гетман Малороссии», историческое представление в стихах А. Соколова).

9

⟨Петербург. 8 октября 1865 г.⟩

Добрейший мой Александр Николаевич.

Уведомляю вас о том, что пьесу вашу мы уже разучиваем, и скоро начнутся репетиции. Теперь покорнейше просим вас приехать помочь нам. Я без ваших советов и помощи умру от страха.

Остаюсь в приятном ожидании скоро увидеться¹ с вами, душевно преданная вам

Л. Левкеева

8 октября 1865 года

Ед. хр. 1088, № 68284.

¹ Приехать к выпуску комедии «На бойком месте» Островский не смог.

Л. Л. ЛЕОНИДОВ

Леонид Львович Леонидов (Стакилевич; 1821—1889) — драматический актер. Окончил Петербургское театральное училище (1839). Работал в Александринском театре в 1839—1843 и в 1854—1888 гг. В 1843—1853 гг. служил в Малом театре. Занимал амплуа трагика.

Из произведений Островского выступал главным образом в исторических пьесах. Первый исполнитель на Александринской сцене ролей: Семена Бастрюкова («Воевода», 1865), Воеводы («Козьма Захарыч Минин, Сухорук», 1866), Дементия Редрикова («Тушино», 1867, в свой бенефис 23 ноября), Малюты («Василиса Мелентьева», 1868), Мстиславского («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», 1872).

Был одним из последних представителей школы В. А. Каратыгина. С 1850 г. стал стремиться к большей простоте игры. В 1882—1883 гг. преподавал декламацию в Петербургском театральном училище. Автор мемуаров.

1

⟨Петербург. 5 октября 1863 г.⟩

Александр Николаевич!

Дело вот в чем. Получил я вчерашнего числа уведомление от режиссера¹, что драма «Минин»² остановлена г. Потаповым³ до приезда кн. Долгорукова, который воротится из Крыма не ранее конца ноября; от цензора же И. А. Нордстрема⁴ узнаю, что пьеса с его одобрением находится у гр. Адлерберга; значит тут идут пути... Слухи носят, что, боясь расходов, дирекция не хочет ставить твоего «Минина», монтировка которого до сих пор не представлена, не утверждена и даже роли не розданы. Я поеду к г. Потапову и постараюсь отложить бенефис, а ты разунай все от г. Борха и попроси его ходатайства к гр. Адлербергу о нас грешных. Надо будет мое 1 ноября перенести на декабрь — предложу г. Бурдину, быть может, он согласится в нашу пользу...⁴ «Учи нас, вразумляй — Козьма Захарыч».

Что будет далее, уведомлю.

Да хранит тебя господь.

Твой Л е о н и д о в

1863 г. 5 окт.

Адрес мой по старому: в Канонерском переулке, дом Лундышевых.

Ед. хр. 1091, № 68303.

Письмо опубликовано почти полностью А. И. Ревякиным («Ученые записки» Московского городского пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. 48, вып. 5, 1955, стр. 293).

¹ А. А. Яблочкин. См. о нем настоящ. том, стр. 106.

² После одобрения пьесы «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» Театрально-литературным комитетом ее направили в 1863 г. в цензуру для драматических сочинений III Отделения; 7 октября цензура запретила пьесу к постановке. Только вторая редакция пьесы, в которой Островский несколько сгладил социальные противоречия, была допущена 12 октября 1866 г. к представлению.

³ Александр Львович Потапов — начальник III Отделения в 1861—1864 гг.

⁴ Леонидов имел в виду свой бенефис и предполагал предложить Бурдину поместиться днями их бенефисов.

2

⟨Петербург. 6 декабря 1867 г.⟩

Милостивый государь
Александр Николаевич.

От имени вашего получил я через В. Г. Васильева¹ поручение объяснить по поводу последней вашей драмы² с г. Бурдиным и заявить ему, что если мне роль Малюты³ не нравится, то я могу от нее отказаться? ! А не поменаться... На каких данных возродился вопрос: нравится или не нравится мне вышесказанная роль и какое отношение, помимо нашего лич-

ного объяснения, — имеет к передаче оной г. Бурдин, я предоставляю обсудить и разъяснить впоследствии... Но в настоящее время, честь имею заявить, что я никогда не навязывал гг. авторам моих услуг на выгоднейшие роли, — до которых есть много охотников, и также никогда не отказывался быть полезным их назначению, что вам очень хорошо известно. «Воевода»⁴ и «Минин»⁵ не представляли мне ролей на выбор, и я исполнял их по мере сил, не заявляя претензий, привыкши меж кулис чудесному внимать!..

Если же нашелся такой тиран, которому понадобилась роль Малюты, то я, не имея права отказываться, — могу ее уступить не иначе, как с согласия дирекции, с которой имею контракт, исполняемый с обеих сторон свято и ненарушимо.

Затем остаюсь, готовый к услугам

Л е о н и д о в

6 XII 67.

Ед. хр. 1092, № 68304.

¹ О В. Г. Васильеве — см. настоящ. том, стр. 287.

² Речь идет о драме «Василиса Мелентьева».

³ Роль Малюты («Василиса Мелентьева») была поручена Леонидову; Бурдин сделал ошибочное заключение, что тому роль не нравится и сообщил об этом Островскому. На этой почве возник конфликт, обсуждению которого посвящено и данное письмо Леонидова и последующее.

⁴ В роли «Воевода» Леонидов получил роль Семена Бастрюкова (отца).

⁵ В драме «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (вторая редакция) Леонидов исполнил роль Воеводы.

3

⟨Петербург. 16 декабря 1867 г.⟩

Александр Николаевич,

Вот мы и добрались до того начала, что между нами появилась сплетня, которая живет не в одном театральном мире, а всюду; и частенько самими же нами порождается...

Неприятность ее появления чувствуется везде, — но всего более оскорбительно ее присутствие в двадцатилетней дружеской среде. Не так ли?!. Я, сыздавна, быв поклонником моего реального поэта¹, никогда не помышлял быть ему помехою в его творчестве: навязыванием своих сценических услуг, — отлагая в сторону свой *интерес*. Прослушивал все его комедии, совершенно забывая о самом себе, — и потому мне стало загадочное предложение: «что если мне, в его новой драме, с новым сотрудником, такая-то роль не нравится, то я могу от нее *отказаться*», а не *обменить* ее на ту, которая мне *нравится*?!. Только сплетня и может сделать такое предложение, и я душевно рад, что она уничтожается именно между нами... Если актеру не нравится роль, принадлежащая к его амплуа, из этого еще ничего дурного не выходит и очень часто бывает, что в той-то роли он и превосходит себя; что и не дает ему права от нее отказываться. И наоборот, также ничего хорошего не приобретает авторское увлечение назначать первые роли лицам, не подходящим к ним ни по таланту, ни по жанру, ни по лицам. Тут их превосходство заключается в том, что оба — вместе, да не на своем месте, артисты пользы искусству не приносят, а, уложив под спуд плоды трудов, отдаляют от себя публику, более и более убеждающуюся, что не все то славно, что гремит, и не всяк тот хороший актер, которому она хлопает и глазами и руками. Что мы видали и в Москве, и в Питере, и в «Воеводе», и в «Лире», и в «Смерти Грозного» и многом другом²... И не заявляя никакой претензии на неожиданную передачу роли Минина³, исполняли свое дело по назначению, по-воеводски —

с твердостью. Но не в том вопрос, кому что достается, кому чего не дают, а дело в тоне нашей песни, которая должна идти под лад в общем составе пьесы... Мне кажется, может быть, я ошибаюсь — а когда назначается мне роль, с двойным авторским убеждением⁴, то она мне и принадлежит... Так зачем же сказывать заочно, что если она мне не нравится, то ее можно передать другому, которому, вероятно, она тоже не нравится, иначе бы он взял ее на свой бенефис. Дескать, мол, мы в вас не нуждаемся, а лишим вас перспективной платы, да и все тут. Неладно! Ведь оратору нужны слушатели. Драматическому писателю актеры, если я опять не ошибаюсь... Трудное дело написать сочинение, да и не легкое понять и разъяснить его. Шекспир велик, да и толкователи его не часами рождаются. Все это, конечно, старо и всем известно; да жаль, что в наше время больно часто противоречия повторяются... Ведь еще не забыто событие в трагедии «Смерть Грозного»⁵, совершившееся по желанию автора, в котором одному артисту не понравилось авторское назначение, а другому понравилось приобретение сановитой роли, и разыграли они: траги-комично-декорационное представление с смертью царя Грозного, где хитрый Борис обобрал неумящих зевак, а недорослый царь ясно доказал, что всякое большое произведение малые актеры не в своих санях далеко не увезут. И что театральные самозванцы, с своими перелетами, так же недолговечны, как и настоящие... Но кто же билетную смутил моего автора, когда после считки⁶ я не говорил об интересе драмы даже с ним, по случаю жестокой головной боли. И по уходе заметил только Ф. А. Бурдину, «что я недостаточно понимаю причину, заставляющую Колычева идти на отравление царицы», что можно было приписать тоже к моей головной боли и не взводить напраслины, будто Малюта может кому-нибудь не нравиться... Что же касается до слова о моем контракте с дирекцией, то смысл его в том, что так как пьеса написана в сотрудничестве с другим лицом⁷, которым утверждено и назначение ролей, то отказ мой тут был бы вовсе не уместен... Тем более, что я недавно перед этим отказался от роли «Грозного» в трагедии Толстого — на основании контракта и нежелания быть вредным автору в первой роли, оставаясь при той, которая мне вначале не нравилась⁸...

В заключение могу сказать, что я очень рад, что дело разъяснилось. Роль Малюты мною получена и будет разучиваться с достойным ее вниманием, без претензий на эффект.

Готовый к услугам

Л е о н и д о в

1867 г. 16 декабря.

Ед. хр. 1093, № 68305.

Леонидов продолжает выяснять недоразумение, возникшее между Островским и им в связи с назначением ему роли Малюты.

¹ Реальный поэт — поэт-реалист, в данном случае Островский.

² Леонидов намекает на не совсем удачное исполнение в Петербурге В. В. Самойловым ролей воеводы Нечая Шалыгина («Воевода», 1865) и Лира (1858); в Москве зритель не принял образа Лира в трактовке П. М. Садовского (1851), отказавшегося в силу этого от роли.

³ Леонидов претендовал на роль народного героя Минина, однако получил роль воеводы.

⁴ Леонидов был назначен обоими авторами драмы «Василиса Мелентьева» на роль Малюты.

⁵ В «Смерти Иоанна Грозного» (Александринский театр, 12 января 1867 г.) А. К. Толстой из-за отказа В. В. Самойлова от роли Грозного назначил ее П. В. Васильеву. Игра Васильева вызвала оживленную полемику; не выдержав травли, Васильев вскоре отказался от роли, и в ней выступил Самойлов. Сопоставляя игру обоих исполнителей, А. С. Суворин писал: «Если г. Самойлов превосходит г. Васильева технической отделкой подробностей, то г. Васильев обладает большим внутренним огнем и большей целостностью рисунка» (А. С. Суворин. Театральные очерки.

1866—1876. СПб., 1914, стр. 63—65). После Самойлова роль Грозного перешла к А. А. Нильскому (1868); Леонидов же выступил в ней в 1870 г.

Неудивительно, что Леонидов, как трагик старой школы, переигравший в мелодрамах множество ходульных ролей и выработавший определенный штамп образа героя, не мог согласиться ни с новым подходом П. В. Васильева к личности Грозного, ни с глубоко естественной манерой его игры.

О первой постановке «Смерть Иоанна Грозного» в Александринском театре — см. Е. В. Филиппова. П. В. Васильев 2-й. Жизнь и творчество. М.—Л., 1941, стр. 36—43.

⁶ Считка пьесы «Василиса Мелентьева».

⁷ В сотрудничестве с С. А. Гедеоновым.

⁸ Речь идет о роли Захарьина.

4

⟨Петербург. 18 июля 1878 г.⟩

Александр Николаевич.

Прочел я сегодня в фельетоне «Голоса» приятную весточку, что ты готовишь новую комедию: «Добрый барин»¹ и приступаю прямо к делу. Если наше предположение о Посаднике² не удовлетворится действием, то не угодно ли тебе будет порадовать меня вышеозначенным новым произведением³, если оно подойдет к моим средствам.

От души желаю, чтобы письмо мое нашло тебя здоровым и согласным быть полезным в пользу моего бенефиса.

Затем, пожелав тебе всевозможных благ, остаюсь готовый к услугам

Твой Леонидов

Адрес мой: в городе против Александринского театра в доме Консерватории кв. № 40.

На даче: Стрельна, дача Жукова.

18 июля 1878 г.

Ед. хр. 1097, № 68309.

¹ Начатая Островским в 1875 г. пьеска «Добрый барин» (переделка французского водевиля) отработана им в 1878 г. Одобрена Театрально-литературным комитетом 29 декабря и дозволена драматической цензурой к представлению 30 декабря 1878 г.

² О «Посаднике» — см. настоящ. том, стр. 215—218.

³ Островский не исполнил просьбу Леонидова относительно «Доброго барина»; эта шутка в одном действии была отдана им Савиной и впервые прошла на Александринской сцене в ее бенефис 17 января 1879 г. Роль Дуни Савина сыграла до 1902 г. четырнадцать раз.

5

⟨Петербург. 30 января 1884 г.⟩

Старому другу
Александру Николаевичу.

Мое искреннейшее поздравление с Новым годом!
Новым счастьем и пожизненным пенсионом!!!¹
Всему дому мой поклон.

До свидания.

Леонидов

С. П. Бург.
Генваря 30 1884 г.
Разъезжая д. № 16, кв. № 4

Ед. хр. 1099, № 68312.

¹ 28 января 1884 г. Островскому была «пожалована» пожизненная пенсия — см. об этом настоящ. кн., стр. 269.

⟨Петербург. 3 февраля 1884 г.⟩

Многоуважаемый друг мой
Александр Николаевич,

Горькую истину подтверждаешь ты мне, что у нас радость идет вместе с горем, — ответ твой порадовал меня и вместе опечалил — недугом твоей сердечной половины¹. Но никто как бог! Силой терпения зло пройдет и настанут лучшие дни для продолжения начатого дела на честном пути. Да сохранит вас господь!

Искренне преданный Леонидов

Р. S. Моя доля тоже не красна, — бездействие по репертуару² — сокрушает меня.

С. П. Б.

1884 — февраля, 3 д⟨ня⟩.

Ед. хр. 1100, № 68313.

¹ О состоянии здоровья своей жены Островский писал и П. А. Стрепетовой 26 января 1884 г.: «Марья Васильевна больна; она страдает хотя не опасною, но мучительною болезнью; и сам я, глядя на нее, расхворался: я не ем, не сплю и в постоянной лихорадке» (XVI, 98).

² Леонидов, представитель старой школы, вырос на мелодрамах. При всех сделанных им сдвигах в сторону большей естественности и речи, и сценического поведения, он все же оказался не на месте в пьесах современных модных авторов типа В. А. Крылова и постепенно выбывал из репертуара.

⟨Петербург. 26 сентября 1884 г.⟩

Никогда не забываемый Александр Николаевич,

Спешу уведомить, что наступающего 5 октября, на сцене Мариинского театра, разрешен юбилейный спектакль в честь 50-летнего служения искусству В. В. Самойлова¹, а 6 октября в Артистическом собрании обед по подписке.

Затем, при засвидетельствовании моего глубочайшего почтения, имею честь быть всегда готовый к услугам

Леонидов

Загородный проспект дом № 56, кв. № 12-й.

1884 26 сентября.

Ед. хр. 1101, № 68314.

¹ Не сойдясь с дирекцией императорских театров в условиях, Самойлов покинул в 1875 г. Александринский театр и выступал с тех пор эпизодически на петербургских частных сценах; тем не менее 5 октября 1884 г. отпраздновал на сцене Мариинского театра 50-летие сценической деятельности: шла 1-я картина III д. драмы Булвер-Литтона «Ришелье» с юбиларом в коронной роли кардинала.

⟨Петербург. Первая половина декабря 1884 г.⟩

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Я предполагал еще раз побывать в твоём радушном доме, с приветливою хозяйшккой, но судьба располагает иначе.

Продолжительное откладывание почетного юбилея И. В. Самарина лишает меня возможности лично присутствовать на его торжестве и



ОСТРОВСКИЙ

Фотография М. Б. Тулинова, 1860-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

заставляет просить тебя, как главного распорядителя по устройству празднования¹, принять на себя передачу юбиляру моих душевных излияний, по случаю его сценичных и товарищеских заслуг.

Юбилейные трофеи: адрес и венок от петербургской труппы уже пересланы в Москву.

А прилагаемый мною стихотворный порыв моей старческой музы я желал бы передать уважаемому ветерану московской сцены через первого представителя нашей драматической литературы, в память прежних дружественных дней — сердечным телеграфом. А ежели, почему-либо, найдется это невозможным — то передать исполнение кому бог на душу положит.

Всему дому твоему мой поклон.

Искренне преданный Лео н и д о в

Загородный проспект д. № 56,¹ кв. № 12.

Р. S. При сем представляю и привет В. В. Самойлова², здоровье которого находится также в медленном колебании.

Ед. хр. 1102, № 68311.

Датируется по упоминанию о предстоящем юбилейном бенефисе И. В. Самарина 16 декабря 1884 г.

¹ Как председатель ОДРП Островский принял деятельное участие в организации юбилея Самарина в Большом театре.

«Поклонники Самарина, — писал Островский, — к которым я не принадлежу, боялись, что его юбилейный спектакль большого успеха [иметь не будет], если устройство его не приму на себя я, и пришли кланяться ко мне. Они не ошиблись в своем расчете» (XII, 290).

Островский написал для юбиляра «Гимн искусству» (из Шиллера), а композитор А. С. Аренский положил стихи на музыку. Кроме того, вместе с распорядителями по устройству юбилея драматург пересмотрел неодобренную Театрально-литературным комитетом вторую часть «Пролога» Н. Е. Вильде, озаглавленную «Ряд воспоминаний»; в ней воспроизводились эпизоды, связанные с деятельностью Мочалова, Щепкина, П. Садовского. После сокращения и некоторых изменений эта часть была вновь представлена на рассмотрение цензуры (см. письмо Островского к И. А. Всеволожскому 6 декабря 1884 г. — XVI, 133—134). В результате «Пролог» Вильде вошел в программу юбилея полностью (в 2-х картинах). В концертном отделении шли отрывки из пьес, в том числе из «Горе от ума» с участием А. П. Ленского в роли Чацкого. Концерт закончился исполнением «Гимна искусству».

² В. В. Самойлов после случившегося с ним в 1881 г. инсульта был слаб здоровьем и регулярно выступать на сцене не мог.

Ю. Н. ЛИНСКАЯ

Юлия Николаевна *Линская* (Коробьина, в первом браке Громова; во втором — Аграмова: 1820—1871) — драматическая актриса. Работала в Александринском театре в 1841—1850 гг. и 1853—1871 гг. Выдающаяся исполнительница характерных ролей пожилых русских женщин. Способствовала утверждению на Александринской сцене как пьес Островского, так и реалистической манеры игры. Создала 18 образов в его произведениях, была их первой исполнительницей в Александринском театре.

Высоко ценя Линскую как художника, отлично знавшего русскую действительность, Островский постоянно назначал ей роли, отдавал пьесы для бенефисов. Первые ее роли — Хорькова («Бедная невеста», 1853), Пелагея Егоровна («Бедность не порок», 1854). В бенефисы Линской состоялись с ее участием первые постановки пяти пьес: «Праздничный сон — до обеда» (1857, Красавина), «Гроза» (1859, Кабанова), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1861, Антрыгина), «Свои люди — сочтемся!» (1861, Устинья Наумовна), «Горячее сердце» (1869, Матрена Харитоновна).

Островский создал для Линской роль Кукушкиной («Доходное место», 1863). С неизменным успехом она играла и роли Бальзаминовой («За чем пойдешь, то и най-

дешь», 1863), Жигулиной («Грех да беда на кого не живет», 1863), Василисы Перегриновны («Воспитанница», 1863), Глумовой («На всякого мудреца довольно простоты», 1868) и др. Среди шедевров Линской — роли Кабановой и Кукушкиной.

1

⟨Петербург. 9 декабря 1859 г.⟩

Голубчик наш Александр Николаевич.

Вот вам моя курносая физиономия, не взыщите, какова есть. Спешу вас, мой голубчик, еще раз за все благодарить и пожелать вам здоровья и скорей, скорей опять к нам по окончании вашей пьесы¹. Генерал² нам объявил, что императрице очень понравилась пьеса³ и нами очень довольна, — одним словом, я страшно рада за вас и за всех нас. Прощайте, голубчик, бог видит, что я вам страшно благодарна и молюсь только об одном, чтобы господь продлил дни нашего никем не заменимого автора.

Вот что желает вам многоуважающая вас

Юлия Л и н с к а я

1859 года декабря 9 дня.

Ед. хр. 1108, № 68263.

¹ «Старый друг лучше новых двух»; Островский начал ее в 1859 г., но отложил из-за «Грозы»; закончил лишь 17 апреля 1860 г.

² Андрей Иванович *Сабуров*, директор имп. театров в 1858—1862 гг.

³ «Гроза», премьера которой состоялась в Александринском театре 2 декабря 1859 г. в бенефис Линской, игравшей роль Кабановой. Тихона играл А. Е. Мартынов, Катерину — Ф. А. Снеткова 3-я, Варвару — Е. М. Левкеева 1-я, Кудряша — И. Ф. Горбунов.

2

⟨Петербург. Начало января 1861 г.⟩

С Новым годом.

Позвольте вас поздравить, добрейший голубчик Александр Николаевич, и с новой просьбой к вам. Я опять так счастлива, что приобретаю в свой бенефис такое сокровище, и благодарить вас, мой голубчик, за это, у меня нет слов, чтоб выразить вам всю мою радость; моя и вместе с тем общая наша просьба — просить вас приехать к нам в Питер¹ — как можно скорей, мой бенефис 16-го числа *этого месяца*. Павел Степанович Федоров затрудняется, как роли распределить, *Липочки* роль назначили г-же *Левкеевой*², а мы все полагали, что вы назначите г-же *Прокофьевой*³, и это мне казалось было бы лучше, у ней больше натуры и простоты. Пришлите, голубчик Александр Николаевич, хоть депешей; дайте знать нам, как бы вы хотели назначить, ваше желание закон нам всем. П. Ст. Федоров тоже не желает так сделать, как вы не желаете, а время летит, пора учить роли, мне вы, конечно, назначаете роль *свахи*, и я ее учить буду.

Прощайте, голубчик, еще раз благодарю вас за драгоценный подарок, и ждем вас и вашего ответа, как можно скорей.

Глубоко уважающая вас Юлия Л и н с к а я - А г р а м о в а

Мое искреннее поздравление и пожелание доброму голубчику Пров Михайловичу Садовскому и Любовь Павловне Косицкой.

Ед. хр. 1107, № 68264.

Датируется началом января 1861 г. в связи с новогодним поздравлением и сообщением Линской о ее бенефисе.

Это письмо опубликовано почти полностью А. Я. Альтшуллером — «Театр прославленных мастеров. Очерки истории Александринской сцены». Л., 1968, стр. 103.

¹ Островский приехал в Петербург после 3 января 1861 г. и руководил постановкой «Свои люди — сочтемся!» в Александринском театре; премьера комедии состоялась 16 января в бенефис Линской.

² Елизавета Матвеевна *Левкеева* 1-я создала образ Липочки, вполне удовлетворивший автора.

³ Александра Павловна *Прокофьева* дебютировала в Александринском театре в сезоне 1858/59 гг., оставила службу в 1882 г. Среди ее ролей — Пионова («Свои собаки грызутся, чужая не приставай», 1861).

3

⟨Петербург. 18 октября 1861 г.⟩

Милостивый государь Александр Николаевич.

Я бы очень хотела взять себе в бенефис вашу пьесу «Свои собаки грызутся»; мой бенефис 3 ноября, — то если вы не против этого, в таком случае будьте так добры уведомить меня с первой почтой, чтобы я могла ваше согласие объявить Пав. Ст. Федорову, тоже и распределение ролей, и я желала бы играть *Вдовы роль*¹, сами вы отдали *Левкеевой*² в бенефис ее, но она ее не взяла. Поэтому и прошу вас предоставить, после г-жи Левкеевой, честь воспользоваться *вашей пьесой мне*, которая всегда исполняла более или менее добросовестно главные роли почти во всех ваших *пьесах*, и как до сих пор всегда исполняла их порядочно, так и в этот раз постараюсь вам угодить. Павел Степанович непременно требует письменного Вашего согласия и не разрешает мне взять *этой пьесы*, потому что она прислана вами г-же Левкеевой, а не вашей покорной слуге

Юлии Л и н с к о й

18 октября 1861 г.

Простите, что пишу на лоскутке, пишу ночью после театра, и как нагло бумаги нет больше, жду скорейшего и доброго вашего ответа

Уважающая вас Ю. Л и н с к а я

Ед. хр. 1109, № 68262.

¹ Роль Антрыгиной.

² Удовлетворяя просьбу Линской, Островский писал ей 20 октября 1861 г.: «В вашем письме виден как будто упрек мне, что отдал эту пьесу Левкеевой, а не вам. Это объясняется очень просто: бенефис г-жи Левкеевой раньше вашего, а пьеса была готова еще весной, потому я и отдал г-же Левкеевой; так как ваш бенефис бывает обыкновенно поздно, то я думал написать вам другую пьесу и привезти ее в Петербург» (XIV, 90).

Премьера комедии «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» состоялась в Александринском театре 3 ноября 1861 г. в бенефис Ю. Н. Линской.

4

⟨Петербург. Июнь — начало июля 1863 г.⟩

Добрейший голубчик Александр Николаевич.

Обращаюсь к вам заранее с просьбой о вашей пьесе «Доходном месте», я сплю и вижу, чтобы мне быть такой счастливой и, если бы вы мне позволили взять ее в мой бенефис; если она не пропущена еще Комитетом или цензурой¹, то как хлопотать, научите, голубчик мой, и что делать, мне бы опять хотелось угостить публику тем прекрасным произведением *Александра Николаевича Островского*, как я почти всегда была так счастлива прежде². Надеюсь, что вы, добрый Александр Николаевич, не откажете мне в моей просьбе, я уверена, что, если вы только захотите, то для вас

должны пропустить ее. Вас все так уважают и любят и, конечно, должны дорожить произведениями *Островского*, и потому смело надеюсь, что она будет пропущена, только бы вы, мой голубчик, позволили Линской надеяться быть такой счастливой и получить в свой бенефис ее, чтобы я могла вполне назвать праздником мой бенефис, чем меня выше всего обяжете.

Много уважающая вас, вечно преданная вам

Юлия Л и н с к а я

Мой муж³ свидетельствует вам глубочайшее свое почтение. В полной уверенности, что вы почтите Линскую своим ответом.

При сем прилагаю свой адрес: у Харламова моста дом Небученого близ бань № 98-й.

Ед. хр. 1100, № 68265.

Датируется по ответному письму Островского от июля 1863 г. Опубликовано А. Я. Альтшуллером в указ. выше работе, стр. 107.

¹ О прохождении комедией «Доходное место» драматической цензуры III Отделения — см. настоящ. том, стр. 238.

² Островский отвечал Линской в июле 1863 г.: «Вы спрашиваете меня, как хлопотать о «Доходном месте»; не знаю, что вам посоветовать; я сам хлопотал много, но все без успеха. Лучше всего обратитесь к Павлу Степановичу, он может вам помочь. Что же касается того, чтобы эта пьеса шла в ваш бенефис, то можете быть уверены, что это было и моим желанием. В случае, если пьеса будет пропущена, заявляйте ее для своего бенефиса и покажите начальству, если это требуется, мое письмо как заявление моего согласия» (XIV, 107).

³ Михаил Васильевич *Аграмов* (Аврамов; ум. 1893) — драматический артист и режиссер. Оставив военную службу, поступил в 1862 г. в Александринский театр; среди ролей — Тропачев («Нахлебник» Тургенева), Михаил Нагой («Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого). Для сценической практики брал отпуска в провинцию; окончательно оставил службу в Александринском театре 1 августа 1870 г. В провинции служил как актер и режиссер; работал также режиссером в Москве — в театре Ф. А. Корша и театре М. В. Лятовского, в Петербурге — в театре Крестовского сада.

5

⟨Петербург. 24 июля 1863 г.⟩

Добрейший голубчик Александр Николаевич.

Спешу вас уведомить, что пьеса ваша «Доходное место» пропущена, и я, с вашего позволения, беру ее в мой бенефис¹. Но так как мой бенефис назначен 13 января, то я меняюсь бенефисами и беру 30 сентября именно для того, чтобы была общая польза как для вас², Александр Николаевич, так и для дирекции, и ее дадут на Мариинском театре. Теперь, добрейший Александр Николаевич, вот еще как⟨ая⟩ моя просьба до вас. Я знаю, вы получите от Пав. Степ. Федорова теперь письмо, где, вероятно, будут написаны уже, кому какая назначена роль, то я обращаюсь к вам, голубчик, чтобы вы были так добры и назначили бы моему мужу или Юсова, или Жадова, но лучше бы Юсова³, от вас зависит, добрый Александр Николаевич, если вы напишете П. С. Федорову, что вы желаете, чтобы он играл, то, конечно, желания автора исполняются свято, а вы дадите руку артисту молодому выйти на дорогу, — что он вам роль не только не испортит, но сыграет так, как вы бы желали, т. е. представит верно и типично, а одним словом верьте, Александр Николаевич, что тут говорит не жена — а только *Линская* об *актере Аграмове*, и ручаюсь вам всем, чем вам угодно, что роль не будет испорчена; если Аграмов — один раз только попадет в пьесу нашего знаменитого и великого русского писателя Островского, тогда на него уже иначе будут смотреть как публика, равно и начальство — тогда для него уже открыта хорошая дорога впереди. Еще пере-

даю вам просьбу г-жи Стрекаловой⁴, молоденькой, которая играла в «Однودворцах»⁵, она просит вас, чтобы вы были так добры и назначили бы ей одну из молоденьких Полинку или Юлиньку, то есть как вам будет угодно. Пав. Степ. Федоров мне сказал, что пьеса будет обставлена отлично, исключая ту роль, которая была назначена Мартынову⁶ — никому еще не отдана, вероятно, это Юсова.

Во всяком случае, прошу вас, будьте так добры и пришлите мне сами распределение ролей по вашему желанию⁷ — это будет лучше.

Жду скорейшего вашего ответа, если только вы будете столь добры почтить меня вашим письмом.

Много уважающая вас Юлия Л и н с к а я - А г р а м о в а

Муж мой свидетельствует вам свое нижайшее почтение.

1863 год июля 24 дня.

Ед. хр. 1111, № 68267.

Частично опубликовано А. Я. Альтшуллером в указ. выше работе, стр. 98.

¹ Премьера комедии «Доходное место» в Александринском театре состоялась 27 сентября 1863 г. в бенефис Левкеевой 1-й (а не Линской).

² Островский не продавал театру свои пьесы, а получал за них поспектакльную плату; ему было выгодно, чтобы пьесы ставились в начале сезона и исполнялись наибольшее число раз.

³ Михаил Васильевич Аграмов — см. предыдущее письмо. Островский не назначил ему ни роли Юсова, ни роли Жадова.

⁴ Елизавета Александровна Стрекалова (род. 1845) — драматическая актриса. Воспитанница Московского театрального училища. С 1862 г. по февраль 1865 г. работала в Александринском театре. Помимо ролей инжени в водевилях и комедиях играла в оперетте Ф. Зуппе «Десять невест и ни одного жениха» (1864) роль служанки Сидонии. Удачно дебютировала в Малом театре в роли Софи Арну (комедия «Я обедаю у маменьки», перевод с французского К. А. Тарновского), принята в его труппу 5 марта 1865 г.; здесь выступала под фамилией Стрекалова 2-я. Уволена в апреле 1871 г. за неявку в срок из отпуска.

В 1863 г. Островский не удовлетворил переданную ему через Линскую просьбу Стрекаловой дать ей роль Полинки или Юлиньки.

⁵ «Однодворец» — комедия Боборыкина. Стрекалова в первый раз выступила в ней в Александринском театре 18 июля 1862 г. (на Каменноостровском театре) в роли Лизы.

⁶ Роль Юсова была назначена автором в 1857 г. А. Е. Мартынову, но цензурное запрещение довело над пьесой до 1863 г.; Мартынов же умер в 1860 г. Первым исполнителем роли Юсова стал П. В. Васильев 2-й.

⁷ Островский назначил Линской роль Кукушкиной, которую писал, учитывая характер дарования артистки.

М. П. МАРТЫНОВА

Мария Павловна Мартынова, жена А. Е. Мартынова.

После смерти Мартынова (16 августа 1860 г.) Бурдин уступил свой бенефис в пользу семьи умершего. Смешанный спектакль состоялся 10 октября 1860 г. на сцене Мариинского театра. В центре внимания была премьера пьесы «Старый друг лучше новых двух» с прекрасным составом исполнителей. Игнали: П. К. Громова — Татьяну Никоновну; Ф. А. Снеткова 3-я — Оленьку; Ю. Н. Линская — Гушину; А. М. Максимов 1-й — Васютина-сына; П. И. Зубров — Васютина-отца; А. Т. Сабурова — Анфису Карповну; И. Ф. Горбунов — Ореста. И только Бурдин в роли Густомесова не вызвал одобрения зрителей.

Интересно сопоставить впечатления от этого спектакля, изложенные в письме Мартыновой, с тем, что писал в этот же день Островскому Бурдин. Как обычно, Бурдин не мог достаточно самокритично оценить свою игру («Островский и Бурдин», стр. 7).

〈Петербург. 12 октября 1860 г.〉

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Ждала вас с большим нетерпением, ко дню бенефиса нашего¹, но надежды мои не сбылись! И потому, позвольте мне, хоть письменно, изъяснить вам искреннюю благодарность мою за позволение взять в бенефис наш пьесу вашу! Признаюсь, я не решалась беспокоить вас просьбою о ней! Спасибо Павлу Степановичу², он взялся просить вас и устроить все. Весьма жалею, что вы не были с нами! Бенефис наш был — торжественно-грустный праздник, в память моего покойного друга! В особенности романс г. Тамберлика³ с новыми стихами в честь покойного, написанными Н. П. Куликовым⁴, произвел такое душевное настроение на всех, что крикам, вызовам и слезам — не было конца!.. Если б вы могли слышать, как он пропел стихи эти! Сколько чувства! Сколько было слез в голосе его! Не для меня одной! Нет, даже чужие плакали! Я называю чужими — иностранцев! А их было в этот вечер у нас довольно! Особенно на сцене! Одним словом, многие и многие могли завидовать покойному Мартынову в этот вечер... Ваш «Старый друг» прошел и был встречен — как и должно было ожидать! Слушали с любовью и приняли единодушно шумно! Нескольким раз вызывали всех! но в особенности публика была довольна гг. Линской и Снетковой! Досадно только, что многие не совсем довольны Ф. А. Бурдиным! Говорят, он ничего не сделал! Впрочем, это только «говорят!» Самой мне не удалось видеть его в спектакле, а на репетициях он был только — Ф. А. Бурдин, а не купец Густомесов. Любопытно мне услышать поскорее ваше любезное мнение об игре наших артистов.

Позвольте еще обеспокоить вас просьбою — написать мне о положении наших транспортных вещей, если вы хоть что-нибудь знаете о них! От Степана⁵ я только и могла узнать, что не он отправлял их.

Простите мою докучливость и дайте надежду когда-нибудь, наконец, увидеть вас.

Душевно преданная вам

М. Мартынова

12 октября 1860.

Ед. хр. 1223, № 82191.

¹ 21 сентября 1860 г. Бурдин в письме к Островскому высказал предположение, что бенефис состоится в половине октября («Островский и Бурдин», стр. 5).

² Федоров.

³ Энрико Тамберлик (1820—1889) — один из выдающихся итальянских певцов XIX в. (драматический тенор). В 1850—1863 гг. пел в итальянской опере в Петербурге.

⁴ Николай Иванович Куликов (псевдоним Н. Крестовский; 1812—1891) — автор многочисленных комедий и водевилей, в большинстве — переделок с иностранного, актер и режиссер. Кончил Московское театральное училище, в 1837 г. переведен в Петербург; в 1852 г. ушел из театра. Родной брат А. И. Шуберт и П. И. Орловой.

⁵ Степан — слуга А. Е. Мартынова, сопровождавший его в последней поездке. С. И. Турбин пишет Островскому 30 августа 1860 г.: «Вещи, кроме ящика, отосланного по почте, переданы Степану» («Неизданные письма», стр. 367—368).

А. Х. МОЗЕР

Александр Христофорович Мозер (род. 1845) — суфлер петербургских театров, «постоянный корреспондент» Самарского театра (как его называет Л. В. Платонов — см. его письмо далее), библиотекарь Александринского театра (1863—1882), литографировал новые пьесы членов ОРДП с 1875 по 1877 г. (XV, 241) для библиотеки Общества.

На обороте публикуемой телеграммы рукой Родиславского, по указанию Островского, подготовлен ответ Мозеру.

«Трудовой хлеб», написанный Островским в марте — сентябре 1874 г., был в конце года поставлен на сценах Москвы и Петербурга. Бурдин писал Островскому 16 января 1875 г., что спектакль «до сих пор игрался при полных сборах» («Островский и Бурдин», стр. 204). В печати тоже отмечалось, что давно уже ни одна пьеса Островского не имела такого успеха, как эта.

Т е л е г р а м м а

Петербург. 30 октября 1874 г.

⟨Адрес:⟩ Москва близ Серебр. бань Яузского моста свой дом Островскому

Многие театры просят выслать «Трудовой хлеб». Разрешите послать? Ответ уплачен.

М о з е р

⟨На обороте рукой В. И. Родиславского дан перечень городов и театров, куда можно послать пьесу⟩:

Можно разрешить тем театрам, которые платят, т. е. Киевскому, Харьковскому, Нижегородскому, Казанскому, Таганрогскому, Воронежскому, Калужскому, Костромскому, Николаевскому, Симферопольскому, Екатеринославскому, Оренбургскому, Пермскому, Ирбитскому, Пензенскому, Тамбовскому, Виленскому, Новочеркасскому, Ставропольскому, Ростовскому

Другим же разрешать не следует, пусть эта пьеса будет костью в горле, как «Василиса Мелентьева».

Ед. хр. 2814, № 163891.

А. А. НЕМИРОВА-РАЛЬФ

Анастасия Антоновна *Немирова-Ральф* (урожд. Немирова; 1849—1929) — провинциальная драматическая актриса, играла в разных городах, исполняла роли героинь. С 1900 г. была на Александринской сцене. После Октябрьской революции получила звание заслуженной артистки академических театров. Ее две телеграммы очень типичны для 70—80-х годов, когда почти все театры России стремились ставить «Василису Мелентьеву» несмотря на строгие цензурные ограничения.

Т е л е г р а м м а

⟨Тамбов. 1 января 1882 г.⟩

Покорнейше прошу разрешить с моим участием представление вашей пьесы «Василисы Мелентьевой» на тамбовской сцене, льщу себя надеждой, что не откажете моей покорнейшей просьбе, разрешение прошу телеграфировать на имя тамбовского полицмейстера Смирнова

Немирова-Ральф

⟨Адрес:⟩ Петербург дом министерства государственных имуществ Александру Николаевичу Островскому.

Ед. хр. 2832, № 163891.

На обороте ответ Островского — см. стр. 205 настоящ. кн.

Телеграмма

〈Кострома. 25 месяц не установлен 1884 г.〉

Уважаемый Александр Николаевич прошу вас разрешить сыграть в Костроме «Василису Мелентьеву», чем много обяжете, ответ прошу прислать на имя губернатора

Немирова - Ральф

〈Адрес:〉 Москва близ церкви Николы Александру Николаевичу Островскому Пречистенские ворота дом кн. Голицына

Ед. хр. 2833, № 163891.

На обороте — ответ Островского: см. стр. 241 настоящ. кн.

НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

〈Январь — начало апреля 1852 г.〉

Здравствуйте, голубчик Александр Николаевич!

Я оглянулся и — сам испугался, сколько времени я не писал в Москву ни строчки, как будто бы я позабыл ее; как будто бы ничего дорогого не осталось в ней. Выехал я из нее непримиренный, ни с собою, ни с людьми; как преступник какой скрылся я, почти ни с кем не прощаясь. А кто знает, чего стоило мне это? Тяжело не сметь сказать прощай тому, кого хотел бы обнять, как брата; а поведение мое в Москве в последнее время вполне доставило мне это удовольствие.

Почти ни на кого не смел я взглянуть прямыми глазами — пред каждым был я чем-нибудь виноват, и от того-то, как я теперь понимаю, сделался я так раздражителен, так глупо подозрителен и дерзок. Я сам над собой смеялся, сам себя презирал, когда казалось мне, что смеются и презирают меня другие, а кому до меня дело? Что я за человек? — эти естественные вопросы как-то не входили в мою голову. И перед вами, добрый мой Александр Николаевич, сделал я несколько таких выходов, которых никогда себе не прощу; наконец, я потерял ваш портрет — это меня страшно мучило, я не имел духу сказать вам про это, — ждал, ждал и... уехал, не простившись с вами. Та же причина заставляла меня так долго не писать в Москву. Наконец невыносимо стало мне так жить, как я живу. Я совершенно один, не найду, с кем бы сказать слово, — дураков нигде не переслушаешь, а здешние умники еще несносней дураков. Служба, сплетни и хозяйство — вот вечный разговор, вот интересы окружающих меня. А ваше общество избаловало меня — я не могу привыкнуть ни сплетничать, ни рассуждать о литературе, ставя в параллель Пушкина с Булгариным — два светила... одним словом — отведавши сладкого, не захочешь горького. Правда, здесь много смешного, да с кем посмеяться?

Хорошо быть таким художником, как вы, сколько бы можно было найти тут смешных характеров. Я от нечего делать сравниваю всех с животными — более всего нашлось петухов. Да поневоле оборотиться к Москве, как заставят вот этак одного за 600 верст от нее пожить в уезде, не зная ничего о том, о чем хотелось бы знать, да вдобавок не читая ничего. Верите ли, я ни одного журнала, как уехал из Москвы, в глаза не видал? Что же я делаю, спросите вы? — ничего! Не правда ли порядочное развлечение? Но довольно о себе... скажу только, что по слитии воды я буду в Москве непременно.

Теперь мне хочется знать, как вы, Александр Николаевич, поживаете? Пишете ли что-нибудь новенькое? Напечатана ли ваша «Бедная невеста»? Я хочу просить вас, голубчик мой, напишите мне, Христа ради, хоть из

жалости. Напишите про себя, про Евгения Николаевича, Екатерину Алексеевну, про их Бориса¹, про Садовского, Филиппова², Алмазова³, Аркашу⁴, Сергея Николаевича⁵, Модестова⁶, Мальцева⁷, про всех, про всех, которых я знаю, и поклонитесь им всем, выздоровела ли Наталья Николаевна, приехала ли и здорова ли Елизавета Николаевна⁸, как проживают Агафья Ивановна и Лёня; не случилось ли чего замечательного...

Письмо с утраченным концом (или незаконченное), без даты и без подписи датируется не позже конца апреля 1852 г. по содержанию двух поставленных автором письма вопросов: напечатана ли «Бедная невеста» и как здоровье Натальи Николаевны (сестры Островского, жены Н. И. Давыдова): «Бедная невеста» была напечатана в № 4 «Москвитянина» 1852 г., т. е. в конце февраля; сестра Островского умерла 13 марта. Кроме того, автор письма собирается приехать в Москву «по слитию воды», которое не могло быть раньше конца апреля по старому стилю.

Безусловно, автор представляет для нас интерес как человек, близкий кружку «молодой редакции» «Москвитянина». Интересен перечень лиц, которых он упоминает, в том числе и Агафью Ивановну с сыном Лёней.

Ед. хр. 2616, № 68093.

¹ Е. Н. Эдельсон, его жена — Е. А. Эдельсон — и их сын Борис.

² Т. И. Филиппов.

³ Борис Николаевич Алмазов — поэт, критик, член «молодой редакции» «Москвитянина».

⁴ Вероятно, брат Е. Н. Эдельсона, умерший в 1855 г.

⁵ С. Н. Островский — младший брат драматурга.

⁶ Модестов. Возможно, А. Модестов, передавший в 1904 г. П. Н. Сакулину письма нескольких писателей (в том числе — Островского) Родиславскому (ГЦТМ, ф. 228, ед. хр. 113).

⁷ Константин Мальцев — студент, вместе со студентами С. В. Максимовым (будущий этнограф и биограф Островского) и И. Колубакиным (Кулебякиным) сблизился в начале 1850 г. с кружком Островского.

⁸ Елизавета Николаевна Бастамова(?) — сестра Б. Н. Алмазова.

Н. А. НИКУЛИНА

Надежда Алексеевна Никулина (по мужу Дмитриева; 1845—1923) — драматическая актриса, с 1863 г. официально — в Малом театре, где с успехом выступала, будучи еще ученицей театральной школы. Никулина занималась у И. В. Самарина, пользовалась советами М. С. Щепкина. Островский был горячим поклонником таланта Никулиной и много содействовал его развитию. «Лучшая, блестящая ingenue, Никулина — совсем мое создание», — писал драматург в «Автобиографической заметке». В письме к влиятельному Н. С. Петрову (16 апреля 1885 г.) Островский тоже отмечал ее «редкий, непосредственный талант». В семье Островских она была принята как родная. «Нашей милой птичкой» — называет драматург Никулину в письме к жене из Петербурга 1—2 января 1868 г. Островский написал для нее роль Верочки в «Шутниках», исполненную ею 12 октября 1864 г. с блистательным успехом. На первых представлениях пьес Островского Никулина сыграла 15 ролей, в том числе такие ответственные, как Глафира («Волки и овцы»), Варя («Дикарка»), Варвара («Гроза»), Надя («Воспитанница»). Почти каждую роль Островский проходил с Никулиной отдельно.

В свою очередь, Никулина высоко чтит Островского, хорошо понимая его роль и значение не только в своей творческой жизни, но и его бессмертные заслуги перед всем русским театром. В дни празднования столетнего юбилея со дня рождения великого драматурга она послала Южину такое письмо:

Дорогой Александр Иванович!

В эти великие дни мыслями и душой я с вами, но телом прикована к постели и не могу чествовать со своим Малым театром память незабвенного, бессмертного Александра Николаевича. Он мой учитель, мой руководитель с первых шагов моих, мой друг и кум. Он помогал мне своими бесценными советами и указаниями, он писал блестящие, дивные образы, в которых мои товарищи и я находили высокое наслаждение развивать и проявлять свое дарование.

Какая радость была для меня, какое счастье играть «Глафиру» или «Варвару», или поэтичную несчастную «Царицу Анну», «Купаву» и «Липочку», «Верочку» и «Поленьку»... Чувство правды жизни, мягкость, проникновение в женскую душу, бесподобный язык, юмор—всем наградила его господь бог, и он не зарыл свой талант—он неутомимо работал и делился своим творчеством с артистами и публикой. Пройдет еще сотня лет, а произведения его будут по-прежнему дороги и понятны и артистам и русскому народу.

Кланяюсь земно, от глубины моей благодарной души, Тебе, великий, гениальный русский драматург, незабвенный дорогой друг,

Александр Николаевич!

Надежда Никулина

Это письмо лишний раз свидетельствует о том глубоком и непреходящем почтении и признании Островского, которое лучшие деятели русского театра пронесли через всю свою жизнь.

Т е л е г р а м м а

Петербург. 28 октября 1880 г.

Задержала(сь?) случайно. Пятницу утром буду на репетиции. Роль здесь учу, не сердитесь.

Никулина

<Адрес:> Москва Пречистенка дом Голицына, Александру Николаевичу Островскому

Ед. хр. 2834, № 163891.

Никулина в октябре 1880 г. гастролировала в Петербурге. Из-за перемены спектакля она вынуждена была там задержаться, о чем и сообщала Островскому, обещая приехать к репетиции «Светит да не греет», в которой готовила роль Ренёвой.

Т е л е г р а м м а

Москва. 22 декабря 1881 г

Пожалуйста, привезите¹ скрепленный режиссером водевиль «Единственная»². Я даю бенефис

Никулина

<Адрес:> В Петербург, дом министра государственных имуществ Александру Николаевичу Островскому

Ед. хр. 2835, № 163891.

¹ 15 декабря 1881 г. Островский поехал в Петербург, чтобы присутствовать 16 декабря в Александринском театре на дебюте П. А. Стрепетовой в «Грозе» (роль Катерины).

² «Единственная» — комедия в двух действиях А. М. Дмитриева (переделка с польского). Спектакль состоялся 27 декабря 1881 г. на сцене Малого театра. Сначала шла пьеса г. Павлова «Помешанная», в которой Никулина играла роль Волжинской, затем «Единственная», завершался спектакль шуткой в одном действии, заимствованной с французского актером С. Байковым — «Два медведя в одной берлоге не уживутся». В двух последних пьесах бенефициантка не участвовала (см. в афишном отделе ГЦТМ, переплет № 11449, аф. № 202).

А. А. НИЛЬСКИЙ

Александр Александрович Нильский (Нилус); (1840—1899) — артист Александринского театра в 1860—1883 гг. и 1892—1897 гг., с 1883 г. по 1889 г. гастролировал в провинции и на частных сценах Петербурга и Москвы. В 1889—1892 гг. — антрепренер Александровского театра в Гельсингфорсе. Автор воспоминаний «Закулисная хроника». СПб., 1897. Член Театрально-литературного комитета. Был близок к

влиятельным кругам, держался независимо. Пользуясь расположением театрального начальства, имел возможность выбирать себе роли по своему усмотрению и желанию. Островский недолюбливал Нильского, но ему приходилось считаться с его капризами: «Нам нельзя обойтись без этих господ», — писал Островский Бурдину (XV, 70). Нильский недооценивал значения и места Островского в истории русского театра, что проступает в его «Закулисной хронике», написанной после смерти драматурга, на которого Нильский был, видимо, в большой обиде за отказ в мае 1886 г. принять его в труппу Малого театра.

Предлагаемые письма Нильского дополняют и объясняют опубликованные письма Островского к нему и переписку Островского с другими лицами, прежде всего с Ф. А. Бурдиным, Н. Я. Соловьевым, П. С. Федоровым.

1

⟨Петербург. 27 декабря 1871 г.⟩

Милостивый государь
Александр Николаевич,

Считаю своей обязанностью объяснить вам одно обстоятельство, которое меня крайне огорчило и раздосадовало.

До меня дошли слухи, что вы выразились обо мне, что я будто бы не желаю принять вашего предложения и поставить «Самозванца»¹ в мой бенефис; на это не могу не написать вам и не разъяснить истину. Так как предложение ваше, за которое я вас искренне благодарю, было передано мне через режиссера² и я надеялся с вами еще увидиться до вашего отъезда из Петербурга, то я и не мог тотчас же передать вам мой ответ; но вслед за тем г. Жулева³ заявила мне свои права на вашу пьесу, объяснив мне, что она была обещана ей, еще при покойном графе Борхе; а потому, не смея не верить ей, я должен был уступить, полагая, что вам это уже известно.

Не знаю, кому из моих доброжелателей, котор⟨ых⟩ у меня немало, вздумалось объяснять вам мои поступки не в настоящем их виде.

Будучи с вами так давно знаком и глубоко уважая ваш талант как писателя, я никогда не позволил бы себе быть невежливым и неблагодарным за ваше любезное предложение.

Признаюсь вам, многоуважаемый Александр Николаевич, я не потропился говорить с вами о моем бенефисе, потому что меня останавливала мысль, что, может быть, вы не совсем желаете, чтобы я играл Дмитрия, это и оправдалось, так как вы назначили ее Монахову⁴. В последние года я совершенно не играю в ваших пьесах, что меня и заставляло думать, что мое участие и тут будет не совсем приятно, а пользоваться правом бенефицианта в этом случае не в моих правилах. Как бы то ни было, еще раз спешу благодарить вас и уведомить, что ваша пьеса уступлена мною Жулевой.

Примите уверение в моем искреннем и душевном уважении

А. Н и л ь с к и й

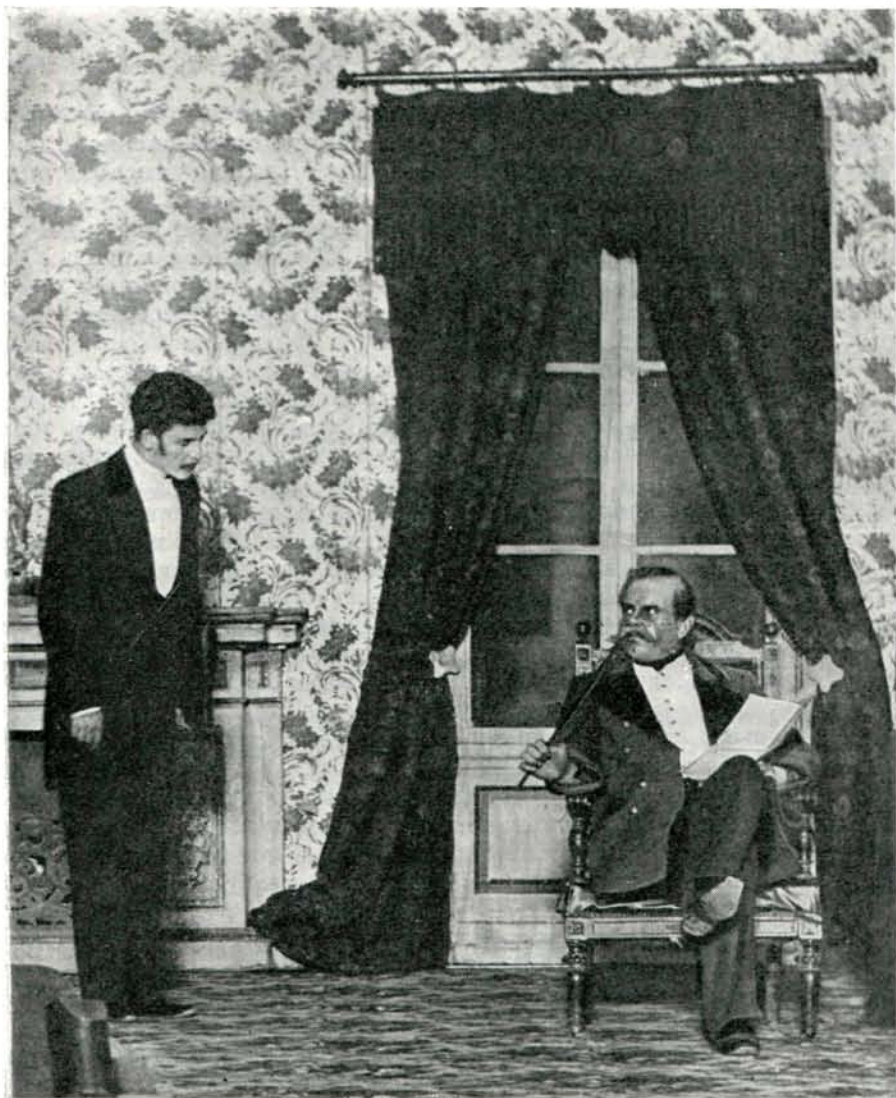
Р.С. Горбунов просил меня передать вам, что я с Жулевой бенефисами не менялся.

27 декабря 1871.

С. Петербург.

Ед. хр. 1403, № 68316.

¹ «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», драматическая хроника; поставлена впервые в Малом театре 30 января 1867 г. Первая петербургская постановка состоялась 17 февраля 1872 г. в бенефис Е. Н. Жулевой на сцене Мариинского театра. Дмит-



«СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ»
ГЛУМОВ—П. М. САДОВСКИЙ, КРУТИЦКИЙ—Н. М. ПАДАРИН

Малый театр, 1896 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

рия играл Монахов; В. Шуйского — Васильев 2-й; Марфу — Жулева. Нильский в спектакле не участвовал.

См. письмо Островского Нильскому в ответ на его претензии, и письма Островского Бурдину об этом (XIV), а также публикуемые в настоящ. томе письма к Островскому П. С. Федорова.

² А. А. Яблочкин.

³ Екатерина Николаевна Жулева (1830—1905) — артистка Александринского театра (1847—1905). Особенно хорошо играла роли пожилых светских женщин. В фонде Островского есть от нее телеграмма, посланная из Петербурга 11 января 1879 г. (ед. хр. 2783). Но ни в Петербурге, ни в Москве пьеса тогда поставлена не была из-за отсутствия костюмов и оформления, что крайне возмутило Островского (см. письмо к Бурдину — XV, 133, 134).

⁴ И. И. Монахов.

Петербург. 19 октября 1879 г.

Простите мне, душевноуважаемый Александр Николаевич, что позволяю себе беспокоить вас и отнять несколько минут моим письмом, которому вы не откажете в вашем добром внимании. Для меня весьма неприятны недоразумения с людьми, которых я привык уважать и к которым был всегда искренне расположен. Дело вот в чем: еще до появления на суд цензуры пьесы «Дикарка», я говорил Н. Я. Соловьеву и просил его известить вас, что роль Ашметьева я играть не могу по причинам весьма важным и уважительным для меня¹. Амплуа, которое я переменял с некоторых пор, ставит меня в совершенно новое и лучшее положение на сцене; все новые роли, сыгранные мною до сей минуты, кроме успеха и похвал (даже недружелюбной ко мне журнальной критики) ничего не принесли; наконец после 22-хлетней службы на самых неблагоприятных ролях молодых людей, я начинаю дышать свободно и, играя характерные роли стариков, как комических, так и драматических, могу быть разнообразнее, чего невозможно было, появляясь постоянно в роли любовника. Роль же Ашметьева, по-моему, такая же роль любовника, несмотря на то, что ему дано 50 лет; в моем исполнении он будет тем же, чем видали меня прежде, тысячи раз, а следовательно, и пьеса от этого много потеряет. Все это я объяснял Соловьеву и убедительно просил передать вам; тогда Соловьев предложил мне играть одну из двух (не назначая, именно какую) ролей, которую вы в распределении, присланном вами Соловьеву, назначили гг. Варламову и Бурдину. Вам, конечно, не могло быть неизвестно предложение Соловьева, чтобы я играл, а между тем вашим назначением ролей вам угодно было отстранить меня от участия в пьесе. Если это сделано, уважаемый Александр Николаевич, в наказание за мой отказ от роли Ашметьева, я ничего не имею сказать и приму это наказание покорно; но если это не так, то простите меня, мне непонятно, скажу более, обидно, что вы пожелали исключить меня из пьесы, участвовать в которой уже просил меня Соловьев.

Я имел честь играть в лучших ваших произведениях и, кроме лестной для меня похвалы вашей, ничего не получал; что же в настоящую минуту заставляет вас так поступать и отвергать мое участие в «Дикарке»?

Прошу вас, уважаемый Александр Николаевич, как величайшего одолжения, удостоить разъяснить это обстоятельство. Зная вас за обязательнейшего из людей, я надеюсь, что вы исполните мою просьбу и не оставите меня без ответа.

При желании вам всего лучшего, остаюсь неизменно преданный и уважающий вас

А. Н и л ь с к и й

Мой адрес: СПб., Фонтанка, д. № 47 Лыткина, кв. № 16.

Ед. хр. 1407, № 68320.

¹ На премьере «Дикарки» в Александринском театре 17 ноября 1879 г. роль Ашметьева, по совету Бурдина, исполнял Иван Платонович Киселевский (1839—1898) — провинциальный актер из любителей, недавно принятый в Александринский театр (1879—1889). 18 октября 1879 г. Островский писал Бурдину: «... отдать роль Ашметьева Киселевскому я согласен; только, как говорят, за ним есть маленький недостаток: он никогда и никаких ролей не учит и без суфлера не разговаривает!» (XV, 160). Как явствует из писем Островского к Соловьеву и Бурдину (XV, 160—164), в недовольстве Нильского был виноват Н. Я. Соловьев, который не сообщил Островскому о бывших ранее переговорах с Нильским по поводу его участия в предстоящей постановке «Дикарки», поставив тем самым Островского в неловкое положение. См. характеристику образа Ашметьева в письмах Островского к Соловьеву от 12 и 13 октября 1879 г. (XV, 156, 157).

3

〈Петербург〉 24 марта 〈1880 г.〉

Душевноуважаемый Александр Николаевич,

В субботу, 22 марта, я послал через контору московских театров на ваше имя пакет с пьесой г. Невежина¹; при ней находится письмо из Главного управления печати о том, что цензура находит затруднение пропустить пьесу к представлению.

Пишу вам, чтобы вы послали за ней в контору, а затем кланяюсь вам низко и желаю всего лучшего в мире

Искренно ваш А. Н и л ь с к и й

Ед. хр. 1409, № 68322.

¹ Петр Михайлович Невежин (1841—1919). Очевидно, речь идет о пьесе «В капкане» — см. о ней стр. 233 настоящ. кн., а также письмо Островского к Бурдину 10 сентября 1881 г.: «У Невежина есть недурная пьеса «В капкане», только она запрещена Комитетом. Он теперь ее переделывает, в чем и я ему несколько помогу» (XVI, 23). Пьеса была дозволена цензурой к представлению 27 сентября 1884 г.

4

Т е л е г р а м м а

〈Петербург〉 23 декабря 1881 г.

Убедительнейше прошу, добрейший Александр Николаевич, сделать мне одолжение поручить вместо роли Великатова какую удобно, только другу, ибо я совсем уже не играю этого амплуа. Премного обяжете.

Н и л ь с к и й

〈Адрес:〉 Москва Преч(истенка). Хр(ам) Спасителя, д. князя Голицына, Островскому

Ед. хр. 2841, № 163891.

Пьеса «Таланты и поклонники» впервые была поставлена в Москве на сцене Малого театра 20 октября 1881 г. в бенефис Н. И. Музиля (роль Нарокова). В Петербурге — 14 января 1882 г. на сцене Мариинского театра в бенефис М. Г. Савиной (роль Негинной). Нильский играл Дулебова, а роль Великатова была поручена Киселевскому.

5

〈Петербург〉 23 окт(ября) 1882 г.

Не браните меня, добрейший и душевноуважаемый Александр Николаевич, что до сих пор не писал к вам, причин тому множество. От Бурдина я знал об вас и искренно сожалел об нездоровьи вашего сына и о всех семейных беспокойствах, которые вам пришлось испытать. Посылаю вам мои сердечные пожелания, всякого блага, спокойствия и здоровья как вам, так равно и всему вашему семейству.

Не писал я вам, потому что у самого было много и хлопот и неприятностей, жена моя все лето и даже до сих пор все прихварывает, дела же служебные находятся в таком положении, что после моего 25-тилетнего юбилейного бенефиса, я решил окончательно и положительно оставить петербургский театр навеки. Что у нас происходит в театре под предводительством А. А. Потехина¹, того ни в сказке сказать, ни пером описать — нет возможностей никаких.

Гораздо счастливее меня артисты, которых этот мудрый реформатор оставил за штатом: ибо быть в настоящем штате и видеть все несправедли-

вости, грязь, кумовство и оплевание всего, что прежде уважалось в театре, истинное наказание и несчастье. Я считаю дни, когда кончится мой контракт, для того, чтобы вздохнуть свободно и вылезть из этой помойной ямы. Рассказывать вам не стоит, что делается; если же вас это поинтересует — читайте «Суффлера» и «Петербургский листок», а я вам присягну, что это истинная правда, а не клевета и ложь. Теперь позвольте обратиться к вам с всепокорнейшей просьбой, в вашей воле будет отказать мне или исполнить, но признательность моя будет искренна и бесконечна.

Я хочу просить вас осчастливить мой юбилей и дать мне на бенефис пьесу, которую вы, вероятно, пишете². Если она не готова, то времени останется достаточно, чтобы ее окончить, если она уже начата. Для меня вы сделаете огромное удовольствие, а юбилею — праздник, я буду гордиться, что в мой последний спектакль, после 25-ти лет службы, пойдет пьеса вашего произведения, доставьте же мне эту радость и честь. Не сомневаюсь, добрейший Александр Николаевич, что если вы не отвергнете мою просьбу, то, вероятно, не откажете позволить сыграть более или менее выгодную роль в этой пьесе; во всяком случае обращаюсь к вам без боязни, как к человеку, которого я с детства моего привык уважать и любить, зная наперед, что вы не рассердитесь за беспокойство, которое вам доставляю.

Бенефис мой должен быть после Нового года.

Не откажите мне в нескольких строчках, уведомьте об себе и дайте ответ на мою убедительнейшую просьбу. Жена³ моя низко вам кланяется, а я прошу передать мое почтение уважаемой Марье Васильевне и поклон вашим детям.

Не собираетесь ли вы в Питер?

Как бы хорошо сделали, если б приехали хоть ненадолго, поговорить и порассказать было бы много интересного.

Пожалуйста, напишите поскорее об своем здоровье и о житье-бытье московском. Буду ждать с нетерпением. Поклонитесь Садовскому, Музилю и всем друзьям.

Простите, драгоценный Александр Николаевич, позвольте заочно вас обнять и пожелать всего лучшего на свете.

До свиданья.

Остаюсь искренне уважающий и любящий вас

А. Н и л ь с к и й

С. Петербург.

Мой адрес: СПб., Фонтанка, Чернышов мост, д. 47, кв. 9.

Ед. хр. 1414, № 68327.

¹ А. А. Потехин в 1881 г. был назначен начальником репертуарной части имп. театров, с 1886 г. — только петербургских. Островский считал, что Потехин не умеет руководить театром и плохо подбирает артистов. С начала 1885 г. отношения Островского с Потехиным особенно обострились. В частности, Островского крайне возмущала настойчивость Потехина в деле устройства в Малый театр его дочери Райсы Алексеевны (1867—1890). По мнению Островского, она была бездарна, неуклюжа, шепелявила, «еще зла, капризна и люта я интриганка» (см. письмо Островского к брату — XVI, 154). В том же письме Островский пишет о Потехине, что он «ни уха, ни рыла не понимает в драматическом искусстве». И в других письмах Островского к его друзьям, в частности к Бурдину, содержатся неслестные отзывы по адресу Потехина.

² В это время Островским была начата комедия «Красавец-мужчина», но окончил он ее только 10 декабря 1882 г. Пьеса шла в юбилей Бурдина 6 января 1883 г. В октябре 1882 г. Островский вынужден был прекратить временно почти всякую работу из-за плохого состояния здоровья.

³ Екатерина Ивановна Подобедова 2-я.

(Петербург. 7 января 1886 г.)

Глубокоуважаемый Александр Николаевич,

Дозвольте обратиться к вам, не как к новому начальству московского театра, а как к человеку, которого, зная десятки лет, я привык любить и уважать, со школьной скамьи. Ваше доброе расположение и внимание, коими я имею счастье так давно пользоваться, дают мне смелость обратиться к вам с покорнейшей просьбой не отказать в вашем участии ко мне и как к артисту, а еще более как к человеку.

Вам хорошо известно, что вот уже скоро три года, как по личной неприязни г. Потехина, я принужден был отказаться от всякой деятельности и вследствие незаслуженного оскорбления оставить петербургскую сцену. Служба на провинциальных театрах, как я убедился, для меня невозможна и тем более, вы сами хорошо знаете результаты наших провинциальных антреприз. Жизнь без занятий меня просто нравственно убивает и бог знает, до чего может довести. Вот почему, долго раздумывая о своем положении, я решаюсь прибегнуть к вашему дорогому для меня участию и осмеливаюсь просить вас, если вы найдете возможным, не отказать мне в чести, принять меня на службу под ваше просвещенное начальство. При последнем нашем свидании, вы, желая меня утешить, сказали мне, что скоро, может быть, многое переменится, и я опять буду служить на петербургской сцене; на это могу вновь ответить вам, многоуважаемый Александр Николаевич, что для меня — это немыслимо: даже и тогда, если сменят г. Потехина. Я слишком самолюбив для того, чтобы забыть, что однажды позволили сделать со мной г. Потехину, и возвратиться на ту же сцену. И если в настоящую минуту я позволяю просить за себя, то единственно потому, что во главе театра стоите ВЫ, всякое ваше решение и указание я готов принять с должным уважением к вам и вашему великому таланту; точно так же не смею ставить никаких условий материальных, а потому буду просить вас, по вашему усмотрению, не отказав мне в деятельности, назначить и содержание, все будет принято мною с сердечной благодарностью.

Что касается до гг. артистов, то я не желал бы быть кому-либо помехой и мечтать о каких-нибудь личных успехах и ролях; буду искренно доволен тем местом, которое вам угодно будет мне указать в труппе, не делая своим присутствием никому неприятного.

Вот моя почтительнейшая просьба, которую осмеливаюсь принести вам, как родному отцу. Если возможно — не откажите и удостоьте ответом. Исполнением этой просьбы вы заставите вечно и глубоко благодарить вас.

Желаю душевно вам всякого счастья и остаюсь всегда искренно преданный вам

А. Н и л ь с к и й

7 января 1886 г.

СПб. Екатерин. канал, д. 67

Ед. хр. 1416, № 68329.

12 января 1886. СПб.

Премного благодарю вас, душевноуважаемый Александр Николаевич, за ответ на мою просьбу. Еще раз прошу извинить меня, что позволил себе беспокоить вас, смею надеяться, что вы не забудете обо мне, когда покончите главные хлопоты об театре.

Великим постом я рассчитываю на удовольствие увидеть вас в Москве, куда я приеду за вашим решением. А теперь примите мои пожелания вам

всего лучшего, всякого счастья и успеха, низко кланяюсь вашей супруге и всему семейству и остаюсь всегда преданный и готовый к услугам ВАШИМ

А. Н и л ь с к и й

Ед. хр. 1417, № 68330.

8

⟨Москва. 7 марта 1886 г.⟩

Господину начальнику репертуарной и художественной части императорских московских театров, Александру Николаевичу Островскому

Актера императорских С.-Петербургских театров, Александра Нильского

П р о ш е н и е

Желая вновь поступить на службу театра, осмеливаюсь почтительнейше просить вас, милостивый государь Александр Николаевич, если признаете полезным и возможным для дирекции, не отказать мне, сделать честь и принять меня в состав русской драматической труппы Малого театра, на службу дирекции императорских московских театров с назначением оклада содержания по вашему милостивому благоусмотрению.

Актер императорских театров
Александр Н и л ь с к и й

Марта 7 дня 1886 года

Ед. хр. 3310, № 164256.

В левом верхнем углу прошения другой рукой написана дата: «11 марта 1886».

9

СПб. 7 мая 1886 г.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Благодарю вас за любезный ответ на письмо мое.

Тысячу раз прошу вашего прощения за дерзость, что осмелился беспокоить и позволил себе надеяться на ваше милостивое участие, которого, видимо, не заслуживаю как артист. Позвольте надеяться, что вы по доброте вашей великодушно извините меня и забудете доставленное вам беспокойство.

От души желаю вам здоровья и всего лучшего.

Остаюсь навсегда преданный

вам А. Н и л ь с к и й

Ед. хр. 1420, № 68333.

Между прошением 7 марта 1886 г. и этим письмом есть еще два (см. аннотированный список).

10 января 1886 г. Островский, в ответ на неофициальную просьбу Нильского принять его в Малый театр, написал ему: «О принятии артистов мы можем подумать только постом, когда разберемся с бюджетом» (см. полный текст первого ответа Островского — XVI, 227).

На обороте ответа Островского Нильский написал: «Это письмо адресовано мне А. Н. Островским, вскоре по занятии им должности управляющего московскими теат-

рами; передаю его для любопытного альбома автографов О. И. Фельдману» (XVI, 344).

Окончательного отказа Островского Нильскому мы не видели. Это последнее письмо Нильского к Островскому 7 мая 1886 г. является ответом на окончательный отказ Островского. Письмо полно скрытого негодования и обиды.

АННОТАЦИЯ К ОСТАЛЬНЫМ ПИСЬМАМ НИЛЬСКОГО

Кроме публикуемых нами писем, в ф. Островского имеется еще 12 писем Нильского. В самом раннем письме — 8 декабря 1870 г. — из Петербурга Нильский обращается к Островскому с просьбой: «...если вы желаете, чтобы пьеса <«Лес»> была поставлена на сцену в скорейшем времени, дать мне позволение взять ее в мой бенефис, самый ближайший в настоящее время. Все хлопоты в цензуре и комитете, равно и в постановке на сцену я возьму на себя, а в признательности моей вы не будете сомневаться!» (ед. хр. 1402, № 68315).

Это письмо освещает содержание опубликованного письма Островского, отвечающего Нильскому вежливым мотивированным отказом (XIV, 194).

Первое представление «Леса» состоялось в Петербурге в Александринском театре в бенефис Бурдина (роль Несчастливцева) 1 ноября 1871 г. В Малом театре «Лес» был поставлен в бенефис С. П. Акимова (роль Улиты) 26 ноября 1871 г.

15 ноября 1875 г. Нильский спрашивает Островского, кому для бенефиса он даст пьесу «Богатые невесты» — С. Я. Марковецкому (1819—1884; артист Александринского театра с 1838 по 1884) или Левкеевой (ед. хр. 1404, № 68317). Бенефис Левкеевой состоялся раньше — 28 ноября 1875 г., она играла роль Бедоноговой, Нильский — Гневышева (см. XV, 230 и VII, 338). В этом же письме Нильский высказывает сожаление, что из-за зубной боли не будет присутствовать в Комитете на чтении Островским этой пьесы. Островский сам читал в субботу 15 ноября 1875 г. в Театрально-литературном комитете пьесу «Бедная невеста», вызвавшую одобрение (см. письмо Островского к Музилю 12 ноября 1875 г. — XV, 230).

Письмо 24 декабря 1878 г. является ответом на письмо Островского к Н. Я. Соловьеву 21 декабря 1878 г., где Островский просит поторопить Нильского с присылкой пьесы «На пороге к делу» (XV, 130). Нильский пишет: «...пьеса Соловьева будет выслана мною на ваше имя в начале будущего месяца. Позвольте еще раз напомнить вам ваше обещание, что пьеса не будет поставлена в Москве прежде моего бенефиса, который должен состояться 26 января, и еще покорнейше просить вас, не выпускать литографированный экземпляр пьесы в продажу и по провинции ранее того, как она будет сыграна у нас в Москве, все это может вредить как автору, так и нашим бенефисам» (ед. хр. 1405, № 68318).

Это письмо объясняет раздражение Островского на Нильского, высказанное в письме к Соловьеву 9 января 1879 г., и подтверждает предположительный комментарий (XV, 262) о преднамеренной задержке Нильским цензурованного экземпляра из-за опасения, что пьеса в Москве будет поставлена или литографирована раньше, чем пройдет его бенефис.

Пьеса «На пороге к делу» впервые шла в бенефис Нильского 26 января 1879 г.; в Малом театре — 2 февраля 1879 г. в бенефис Н. А. Никулиной.

9 января 1879 г. Островский с возмущением писал Соловьеву: «Подозрительность Нильского переходит всякие границы. Разве я во всю свою жизнь не только ему, но и кому бы то ни было, подал хоть какой-нибудь повод не верить мне?» (XV, 133).

Наконец, в записке 8 января 1879 г. Нильский извещает Островского о том, что послал «в Контору московских театров пьесу Соловьева «На пороге к делу» (ед. хр. 1406, № 68319).

26 октября 1879 г. Нильский благодарит Островского за разъяснение о назначении ему роли в пьесе «Дикарка» и объясняет возникшее между ними недоразумение ошибкой Соловьева (ед. хр. 1408, № 68321). Письма Нильского, в том числе и целиком публикуемое 19 октября 1879 г., прекрасно комментируют письма Островского к Соловьеву и Бурдину, написанные в октябре 1879 г. (XV).

30 марта и 8 апреля 1880 г. Нильский сообщает Островскому о приготовленном ему талоне на получение денег (1131 р. 44 коп.) за 1879 г. и за начало 1880 г. (419 р. 82 к.). Для скорейшего получения денег рекомендует Островскому выслать доверенность. Предупреждает, что за 1879 г. ранее фоминой недели денег не будет (ед. хр. 1410—1411, № 68323—68324).

27 марта 1882 г. Нильский посылает Островскому короткое поздравление с праздником (ед. хр. 1412, № 68325).

3 апреля 1882 г. сообщает о «давно» состоявшемся утверждении Н. И. Давыдова в его должности и о предстоящем утверждении нового штата, который пока еще не может быть выслан в Москву. Разъясняет, что недоразумение с задержкой жалования чиновникам произошло из-за невыполнения инструкции о высылке требования и асигновки (ед. хр. 1413, № 68326).

18 декабря 1885 г. Нильский выражает радость в связи с предстоящим назначением Островского к руководству московскими театрами и сожалеет, что из-за нездоровья не может поздравить лично. «Искренно радуюсь за артистов и за всех, кому дороги интересы русской сцены» (ед. хр. 1415, № 68328).

13 апреля 1886 г. Нильский поздравляет Островского с пасхой (ед. хр. 1418, № 68331).

1 мая 1886 г. в неофициальном письме просит дать ответ на прошение о принятии в Малый театр (ед. хр. 1419, № 68332). См. последнее из публикуемых здесь писем Нильского, из которого явствует, что Островский ответил Нильскому отказом.

М. М. ПЕТИПА

Мариус Мариусович *Петипа* (1850—1919), драматический артист; сын балетмейстера Мариуса Ивановича Петипа от брака с Терезой Бурден.

Первые сценические шаги сделал в провинции в 1875 г., где выступал в опереттах. В 1875—1888 гг. — в труппе Александрийского театра. Имел огромный успех в ролях героев-любовников и фатов. Наряду с изяществом внешнего рисунка, мастерством ведения диалога Петипа было присуще и умение внутренне перевоплощаться. Блистал в пьесах французских авторов.

В 1887 г. ввиду отказа Н. Ф. Сазонова от роли Дульчина («Последняя жертва») Островский, укрепив сердце, согласился, чтобы эту роль исполнил Петипа. Так он стал первым ее воплощением на Александрийской сцене. Успех артиста был полный. С тех пор драматург весьма охотно занимал Петипа в своих пьесах. «Хорошо в нем то, — писал Островский, — что он постоянно совершенствуется; <...> не грешит против художественной дисциплины, <...> и старается, по мере сил своих, держаться типа» (XII, 225).

Петипа был также первым исполнителем ролей: Вершинского («Дикарка», 1879), Баркалова («Блажь», 1881), Бакина («Таланты и поклонники», 1882), Окомова («Красавец-мужчина», 1883), Незнамова («Без вины виноватые», 1884), Кочуева («Не от мира сего», 1885). Играл уже не первым роли Глумова («Бешенные деньги») и Булацова («Лес»).

Покинув Александрийский театр, работал в провинции; иногда гастролировал в столицах: в 1890—1891 гг. играл в Москве в театре Е. Н. Горевой, в 1915—1916 гг. — в Камерном театре (роли Сирано и Фигаро).

СПб. 10 января 1885 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Вчера мы играли вашу пьесу «Не от мира сего» ¹ с большим успехом. Театр был полон, государь император почтил нас своим присутствием и мне передал Иван Александрович Всеволожский, что он выражал свое удовольствие. Публика долго не переставала вызывать вас и нам оста-

валось только сожалеть, что вас, дорогой Александр Николаевич, не было среди нас. Полина Антиповна передала мне ваше желание иметь мою фотографическую карточку², которую я считаю за особенную честь и удовольствие послать вам, многоуважаемый Александр Николаевич.

В театре у нас идет все по-старому, ничего не изменилось с тех пор, как мы с вами виделись в последний раз в Петербурге³.

Примите уверение в моем глубочайшем уважении и душевной готовности быть вашим покорным слугой

М. П е т и п а

Ед. хр. 1814, № 68258.

¹ Премьера пьесы «Не от мира сего» состоялась в Александринском театре 9 января 1885 г. в бенефис П. А. Стрепетовой, игравшей роль Ксении Васильевны; М. М. Петипа играл Кочуева.

² История с получением карточки Петипа тянулась долго. В 1880 г. Островский в письме к Бурдину 28 декабря поручает ему просить карточки у Петипа, В. Н. Давыдова и Левкеевой 2-й (XV, 204). 29 декабря 1884 г. в письме к Стрепетовой просит ее напомнить Петипа, что он обещал ему свой портрет (XVI, 140).

³ В предыдущем 1884 г. Островский посетил Петербург два раза: в марте и в октябре—ноябре (XVI, 398—399).

Л. В. ПЛАТОНОВ

Лука Васильевич *Платонов* — драматический актер провинциальных театров.

В 1853 г. играл в Костроме; в 1855—1856 гг. — в Нижнем Новгороде. Удачно исполнял роль Расплюева в пьесе А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» («Театральный и музыкальный вестник», 1856, № 15, стр. 292). О Платонове — см. Клиничны, т. VI, стр. 817.

⟨Самара. 21 сентября 1870 г.⟩

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Служа актером на провинциальных театрах и принадлежа к самым жарким поклонникам вашего прекрасного таланта, которому я обязан многими моими успехами на сцене в ваших превосходных пьесах; я бы желал поставить в свой бенефис (как и прежде уже ставил ваши пьесы) вашу новую комедию «Бешеные деньги»¹, но наш постоянный корреспондент суфлер петербургских театров Мозер² пишет мне, что без вашего разрешения эта пьеса не может быть выслана для нашего театра, а без цензурованного экземпляра нам здесь не дозволяется играть ни одной новой пьесы.

А потому я и взял на себя смелость беспокоить вас моей покорнейшей просьбой, если можно, дозволить мне поставить в свой бенефис вашу прекрасную комедию; я всегда считал мои бенефисы лучшим праздником для артистов и публики, когда мог поставить одно из ваших произведений; и потому смею надеяться, что, если не встретится каких-либо сильных и неустрашимых препятствий, вы доставите мне величайшее наслаждение украсить и нынешний мой бенефис вашим новым произведением.

Примите уверение в моей глубочайшей преданности и всегдашнем уважении, с которыми имею честь быть, милостивый государь, всегда готовый к вашим услугам

артист Самарского театра

Л. П л а т о н о в

21 сентября 1870 г.

Адрес мой: В г. Самару в театре, Луке Васильеву Платонову

Ед. хр. 1910, № 82188.

¹ Премьера пьесы «Бешеные деньги» в Александринском театре — 16 апреля 1870 г. Спектакль успеха не имел. В Малом театре пьеса впервые была поставлена 9 октября 1870 г. в бенефис Константина Петровича Колосова (1823—1888). Спектакль пользовался большим успехом. Широко прошли «Бешеные деньги» по сценам провинциальных театров.

² Об А. Х. Мозере — см. стр. 359—360 настоящ. кн.

Н. П. ПЛАТОНОВ

Николай Платонович *Платонов* — актер Тульского театра.

Видимо, Островский с ним познакомился через Е. И. Климовского (см. стр. 337 настоящ. кн.) в Нижегородском театре во время экспедиции 1856/57 гг.

В его письме 3 сентября 1860 г., как и в ряде писем от других лиц, мы находим скорбный отклик на смерть А. Е. Мартынова. По пути следования тела Мартынова из Харькова в Петербург лучшие люди России отдавали ему последний долг.

1

〈Тула〉 3 сентября 1860 года

Достопочтеннейший
Александр Николаевич,

Пожелав вам всего прекрасного, спешу уведомить вас. Тело бессмертного артиста Александра Евстафьевича встретила вся тульская труппа актеров, и, уважая его, отдала ему свой последний долг, отслужила панихиду в 10 часов утра 3 сентября и проводили в Москву.

Будьте здоровы, поклонитесь Прову Михайловичу и всем знаемым мя.

Ваш покорный слуга Никола Платонов актер

П л а т о н о в

Актеры: Г. Беляев, Павловы, Платонов, В. Линдрот, П. Беляева, М. Легошина, Никифоров, Турчанинов

Ед. хр. 1911, № 82186.

2

Тула. 12 сентября 1861 года.
Чтоб отпереть замок нужно
подобрать слово Азия

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Очень рад, что сумел заслужить ваше внимание и расположение ко мне. Письмо ваше я получил от Клавдии Андреевны¹ на другой день моего приезда из г. Белева. Это было 4 сентября.

От нечего делать летом в Туле я с частичкой тульской труппы отправился в г. Белев не из выгод, а, собственно, для прогулки и разнообразия, да об этом после. В знак моей искренней признательности к вам как любителю и собирателю древней литературы позволяю подарить вас на память обо мне комедией «О блудном сыне», приобретенной мною с большим трудом и, собственно, для вас. Я думаю вы не знакомы с этим оригинальным произведением давних времен. Поделитесь ею в чтении с добрейшим Провом Михайловичем, это и его займет. А Ванечке Горбунову предложите выучить и приготовить посерьезнее роль Блудного сына; она ему



И. П. УМАНЕЦ-РАЙСКАЯ В РОЛИ ЛАРИСЫ («БЕСПРИДАННИЦА»)

Малый театр, 1881 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

по плечу придет, и пусть его декламирует у православных, авось, и обузда-ет кого-нибудь. Он пишет, чтоб я прислал замочек похитрее, такой, чтобы сам черт не отпер, да на что ему. У него, я думаю, запирать-то так креп-ко тоже нечего, как и у меня! Просил бы лучше игрушечку, дескать от не-чего делать забавляться! Ну да, бог с ним, передайте ему, пусть его тешит-ся; но только, чтоб к посту непременно приготовил Блудного сына, вы не подумайте в натуре! Нет! да и где ему, а роль Блудного сына, оно пос-том-то будет и душеспасительно и жалостно, а то ведь беспутство да пьян-ство, и глаза бы не глядели. Ну Ванечка, невестке на отместку, это выхо-дит: «Не ходи курица по улице, не танцуй с петухом». Он меня кольнул в вашей записке, чтоб я помнил изречение: Помни бога, царя чти, пьян-

ства аки яда бегай. Теперь мы квиты с ним. Что-нибудь о себе, живехонек, здоровехонек и иногда пьянехонек, но будущее что-то не радует, нет фундаментальной актрисы, целых 8-м штук (положим, хоть и не целых), а толку ни в одной нет. Надеялись на г-жу Николаеву, из Сибири, по рекомендации г. Рассказова², и та погрязла и провалилась в ваших «Саянах», игравши Дунюшку, так что просят более и не выпускать. Да не стоит наших актрис вам и пересчитывать. Публика бредит только Легошиной; так что не придумашь, кем бы ее заменить. Клавдия Андреевна г-жа Васильева играла первый раз в водевиле «Живчик»³ роль Милочки; совсем неопытна или не умеет, или не хочет ролей учить; но мы, с своей стороны, все сделали, даже ее за эту роль вызвали. Вы, как доброжелатель ее, попросите, чтоб она хоть роли тверже учила при ее неопытности, а за остальное я ручаюсь. Нет ли у вас на примете актриски, которая бы твердой ногой могла стать на тульской сцене, за жалованьем мы не постоим, вы нам сделаете большое одолжение, а то придется хоть бежать из Тулы куда придется.

Засвидетельствуйте мое нижайшее почтение и уважение добрейшему Прову Михайловичу, вашим домашним и тем, кто хоть немного помнит меня из ваших знакомых. Всею душою преданный вам актер Николай Платонов.

П л а т о н о в

Жду известия от вас о получении комедии и даже скорого.

Ед. хр. 1912, № 82187.

¹ Клавдия Андреевна *Васильева* — актриса Тульского театра, знакомая Островского.

² О А. А. *Рассказове* — см. стр. 87 настоящ. кн.

³ «Живчик», водевиль в одном действии, переделка с франц. К. Тарновского и Ф. Руднева (роль Милочки исполняла Васильева).

А. В. ПРАХОВ

Адриан Викторович *Прахов* (1846—1916) — петербургский издатель, историк литературы и искусства, археолог, профессор, сотрудник М. О. Микешина по журналу «Пчела. Русская иллюстрация», издаваемому в 1876—1878 гг.

Его письмо к Островскому лишний раз напоминает о связях, существовавших между Островским и художниками смежных искусств — живописцами и скульпторами. 26 марта 1876 г. Микешин писал Островскому: «Сделался я ныне редактором-издателем русской иллюстрации «Пчела» в сообществе с таким солидным человеком, как профессор А. В. Прахов» («Неизданные письма», стр. 234).

[С. Петербург Вас. Остров 2 линия, д. 11—13, кв. 20
3 февраля 1877 г.]

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Глубоко сожалею, что не имел возможности насладиться еще раз вашей увлекательною беседою в последний мой приезд в Москву. К А. Ф. Писемскому не решился идти так прямо в среду вечером, не побывав у него предварительно, и попал только в воскресенье утром, он был так бесконечно добр, дал для прочтения свой новый роман, первую часть, вероятно, уже знакомых вам «Мещан».

Такую любезность относительно совсем незнакомого ему человека я объяснял вашим дружеским представительством и мысленно горячо вас благодарил.

Я имел счастье провести с вами лишь какие-нибудь два часа, но ваша свежая, оригинальная и пластическая речь навсегда останется в моей памяти, я не раз перебираю все те вопросы, которых мы, хотя и бегло, касались в беседе, и чувствую, что все слышанное от вас лежит во мне живым зерном. Первый раз как буду в Москве, а это произойдет, по всей вероятности, в непродолжительном времени, я позволю себе воспользоваться вашим радушным приглашением с полнейшею бесцеремонностью.

Позвольте мне пока продолжать с вами знакомство письменно, напоминая вам время от времени о небольшом кружке верующих в культурную миссию искусства, выражающем себя в «Пчеле. Русской иллюстрации». Имя А. Н. Островского, подкрепленное хотя бы и небольшим произведением, значительно придало бы весу этому кружку и его изданию, обратив на это издание внимание русского общества, которое уже научилось понимать и ценить литературу и ее деятелей, но далеко еще не привыкло придавать серьезное значение искусству. Вы как великий художник и глубокий знаток пружин личной и общественной жизни чувствуете, как важно подать руку помощи соседнему искусству, ратующему за те же культурные интересы, что и ваше собственное художество, и потому считаю не деликатным возобновлять своих просьб о вашем участии в «Пчеле».

Свидетельствуя свое низжайшее почтение вашей супруге, остаюсь глубоко и давно вас почитающим и преданным

Адрианом П р а х о в ы м

М. О. Микешин¹ вам усердно кланяется.

Ед. хр. 20005, № 67647.

¹ Михаил Осипович *Микешин* (1836—1896) — известный скульптор, академик живописи, друг Островского. См. интересную переписку его с Островским: XV и XVI и «Неизданные письма», стр. 224—258.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ АКТЕРЫ

<14 марта 1872 г.>

Александр Николаевич,

Проникнутые глубоким уважением к вам и вашим драматическим произведениям, мы, провинциальные актеры, спешим в день московского празднования вашего юбилея высказать с своей стороны те чувства, которые составляют одну общую мысль всего театрального мира в провинции.

Александр Николаевич! Все мы развивались под влиянием того нового слова, которое внесено было вами в русскую драму; вы нам наставник, и потому каждый из нас обязан вам многим.

Поэтому естественно, что нам так дорог ваш праздник.

Примите же те искренние пожелания, то неподдельное чувство, то глубокое уважение, с которыми подносим вам эти простые, душевные строки.

П. Чистяков¹, Бельский, Федотов, Васильева, Васильев, М. В. Литвина, Ив. Немов², Н. Лазарева, А. Казаков³, Н. Леонов, Я. Понизовский, В. Воронин, Е. Бельская, А. Федотов, Замкова, А. Васильев, В. Суровщикова, В. Кольцов, М. Бегичев, Ф. Рославский⁴, С. Лазарев, М. Ф. Яковлев⁵, В. Шумилин⁶, Н. Балишин, К. Берг⁷, В. Никифоров, Л. Орлов, Н. Анд-

реев, Н. Петров, Н. Струкова⁸, Аполлон Красовский, Николай Браво⁹, Сахарова 1-я, Сахарова 2-я, М. Радовский, П. Павлов, А. Иванов, Е. Коссакович, А. Рассказов, Д. Лаухин¹⁰, А. Дреер¹¹, Д. Озеров-Медведев¹², А. Пригожий, Васильев 2-й (белый) и др.

Ед. хр. 2698, № 163942.

Датируется днем празднования в Артистическом кружке 25-летнего юбилея творческой деятельности Островского.

От имени провинциальных артистов выступил актер П. Чистяков, чья подпись здесь стоит на первом месте.

В ответной речи Островского на это приветствие есть такие слова: «Не надо быть пророком, чтобы предсказать провинциальным театрам прекрасную будущность...» (XII, 87).

¹ П. Чистяков в 1841 г. служил в Харькове, в 1845 г. был вывезен Гагариным из Москвы в Одессу, где пробыл до 1853 г.; сезон 1846—1847 играл в Кишиневе (К л и н ч и н ы, т. VII, стр. 1058).

² Иван Константинович Немов — в 1850—1870-х гг. служил в разных городах России. В 1872 г. был антрепренером Рижского театра. В 1859—1864 гг. выступал и в Малом театре (К л и н ч и н ы, т. VI, стр. 708).

³ В. А. Гиляровский рассказывает об актере тамбовского крепостного театра помещика Мосалова — Сашке Казакове, которого выкупил из неволи Н. Х. Рыбаков и возил всюду с собой (В. А. Г и л ь р о в с к и й. Люди театра. М. — Л., 1941, стр. 83). По свидетельству журнала «Антракт» (1867, № 11, стр. 8) Казаков был лучшим актером тамбовской труппы.

⁴ Федор Рославский — умный, холодный актер, в 1860-х гг. играл роли драматических любовников и резонеров в Саратове и Астрахани (см. «Антракт», 1866, № 46, стр. 5 и К л и н ч и н ы, т. VII, стр. 870).

⁵ Михаил Федорович Яковлев (около 1825 — умер не ранее 1879) — на провинциальной сцене с 1849 г. Дебютировал в Александринском театре в 1851 и 1854 гг.; до 1875 г. играл в Москве, затем в Таганроге, Вологде. Трагик старой школы (К л и н ч и н ы, т. VII, стр. 1104—1110).

⁶ Василий Васильевич Шумилин — недолго был в Александринском театре. Играл в Ростове, сначала в оперетте, затем в драматическом театре. Приведен положительный отзыв об его игре из газеты «Донская пчела», 1876, № 48 (К л и н ч и н ы, т. VII, стр. 1084).

⁷ Константин Федорович Берг (Келлер; 1824—1881) — драматический актер, играл в разных городах России. В 1872 г. исполнял характерные роли в Народном театре на Политехнической выставке; в 1873 г. поступил в Малый театр. В 1880 г. играл в Саратове. В ролях Островского Берга упрекали за однообразие приемов игры и склонность к шаржу (П. М. М е д в е д е в. Воспоминания. М. — Л., «Academia», 1929, стр. 284—285, 300, 306—308).

⁸ Наталья Струкова — оперная и водеvilная примадонна в театре Млотковского (К л и н ч и н ы, т. VII, стр. 100).

⁹ Николай Яковлевич Браво — младший брат рано погибшего хорошего актера-комика Егора Браво в Вышнем Волочке. «Браво сделался очень недурным актером на роли простачков и хорошим рассказчиком вроде И. Ф. Горбунова», — вспоминает П. М. Медведев свое пребывание в Астраханском театре (Воспоминания, стр. 294). Есть сведения о нем и в журнале «Антракт» (1866, № 44, стр. 5).

¹⁰ Дмитрий Павлович (Петрович?) Лаухин дебютировал в Малом театре ролью Корина в комедии «Старшая и меньшая» М. М. Достоевского (1861); играл в Марковском кружке в Москве роль Чеглова-Соковина («Горькая судьбина») с Писемским в роли Аванья Яковлева (1862). Работал в Н. Новгороде, Калуге (под фамилией Добров). В начале 1870-х гг. держал антрепризу в Воронеже (К л и н ч и н ы, т. V, стр. 518—520). Среди его ролей Жадов, Хлестаков.

¹¹ Александр Дреер — играл в Курске (1853), Таганроге, Костроме, Саратове, Оренбурге, Киеве (1871), Самаре (1874—1875). Положительно отзываются о его выступлениях П. М. Медведев (Воспоминания, стр. 338) и журнал «Антракт» (1866, № 46, стр. 4), отметив, что он «оказался очень порядочным комиком».

¹² Дмитрий Михайлович Озеров (Медведев; умер 1880 г.) — младший брат П. М. Медведева. Начиная в Москве. С середины 1850-х гг. играл в труппах многих городов России. Выступал на сцене Народного театра в Москве (1872; К л и н ч и н ы, т. VI, стр. 753). «Мой братишка Дмитрий был принят И. Е. Новиковым, Астраханская антреприза» в число актеров с окладом 15 рублей в месяц. Он оказался способным, начал играть вторых любовников под псевдонимом Озерова» (П. М. М е д в е д е в. Воспоминания, стр. 293).

Н. А. РАМАЗАНОВ

Николай Александрович *Рамазанов* (1815—1867) — скульптор, академик, профессор Московского училища живописи и ваяния, беллетрист. В 50-х годах был близок к кружку «молодой редакции» «Москвитянина», где помещал рассказы из жизни художников и статьи по вопросам искусства. С конца 1849 г. приятель Островского и член его кружка. В 1850 г. подарил Островскому его бюст своей работы, выполненный в натуральную величину.

Помимо пяти писем Рамазанова к Островскому, хранящихся вместе в рукописном отделе, нами обнаружено еще одно письмо, ранее ошибочно приписываемое какому-то Самарину (не актеру Малого театра). Письмо без даты (ед. хр. 2315). Путем сравнения почерка, в частности манеры написания фамилии «Башилов», удалось точно установить, что это письмо написано Рамазановым.

Известны два письма Островского к Рамазанову (XIV, 28, 109).

1

⟨Москва. 1852 г.⟩

Александр Николаевич,

меня убедительно просил Александр Александрович Башилов устроить так, чтобы вы и Пров Михайлович услышали его комедию, которая, скажу откровенно, превосходна; да, кажется, он хочет и подарить ее Прову Михайловичу. В пятницу он просит к себе вечером; так если можно, известите меня, давши знать Садовскому; мы уж и отправимся от меня вместе.

Комедия очень интересная и написана прекрасными стихами.

Н. Р а м а з а н о в

Вторник ⟨?⟩

⟨Адрес:⟩ Е⟨го⟩ в⟨ысоко⟩б⟨лагоро⟩д⟨ию⟩ Александру Николаевичу Островскому, весьма нужное.

Ед. хр. 2315, № 67816.

¹ О каком Башилове идет речь, неизвестно.

2

⟨Москва. 6 января 1854 г.⟩

Александр Николаевич!

Я просил Мальцева¹ передать, что Башилов очень болен, однако ты понапрасну к нему не езд; он так плох, что до него никого не допускают.

Р а м а з а н о в

3. часа 6 генваря.

⟨Адрес:⟩ Е⟨го⟩ в⟨ысоко⟩б⟨лагородию⟩ Александру Николаевичу ⟨Островскому⟩ от Рамазанова.

Ед. хр. 2030, № 67813.

¹ О К. Мальцеве — см. стр. 362 настоящ. кн.

3

⟨Москва. 26 января 1860 г.⟩

Александр Николаевич.

Я уже говорил тебе о крайне бедном положении Анны Сергеевны Глинки, дочери Сергея Николаевича Глинки¹, которая существовала тем последнее время, что получала 15 к. за переписку листа писчей бумаги,

да тайком посылали ей незначительные суммы, дабы она не умерла с голоду. В последнее время болезнь свернула ее, так что она не может заняться и перепиской. Письмо за нее, которое я думал послать к графине Толстой; когда еще достигнет своей цели и расчувствует ведьму Авдотью Павловну; а у вас теперь в руках есть средства помочь несчастной. Если б ей положили в месяц 10 р., она сочла бы себя счастливейшей. Если исполнение этого возможно, потрудитесь уведомить, как поступить Анне Сергеевне в этом случае; живет она в Малой Бронной, в доме Мухина.

Передай, пожалуйста, эту мою просьбу и Аполлону Николаевичу². Обоим вам желаю доброго пути. Приехать хотел сам, но вчера на ночь натирался спиртом с уксусом. Богатырев³ внутреннее употребление вина запретил, зато обливает им снаружи.

Будь здоров!

Твой Р а м а з а н о в

26 января 1860 года.

Ед. хр. 2027, № 67818.

¹ Сергей Николаевич *Глинка* (1776—1847) — писатель и драматург, переводчик, автор трагедий, наиболее известная из которых «Наталья, боярская дочь» (1806), оперный либреттист, автор драматического пролога с хорами, которым открылся в 1808 г. Новый императорский (Арбатский) театр в Москве. В 1827—1830 гг. работал в Московском цензурном комитете.

² *Майков*.

³ *Богатырев* — врач

4

Москва. 14 марта 1860

Любезный Александр Николаевич, если есть время — ответь в двух строках, а нет — справившись о просимом, привези весточку сам. Сегодня я, обманутый ложным слухом о твоём приезде, был у тебя, но узнал, что ты будешь домой лишь к воскресенью.

С лишком полтора месяца взял биографию Тропинина¹ Григорович, дабы предложить ее Панаеву², и обещал тотчас известить; но до сей поры ни слуха, ни духа. Такая неаккуратность приводит меня в волнение, ибо экземпляр биографии Тропинина единственный, которым завладел Григорович, — и в случае потери этого экземпляра мало будет с моей стороны и тысячи анафем Григоровичу.

Тебе легко разузнать об этом; сделай одолжение! Премного обяжешь преданного тебе

Н. Р а м а з а н о в а

Ед. хр. 2028, № 67814.

¹ Василий Андреевич *Тропинин* (1776—1857) — знаменитый художник. Статья Рамазанова о нем напечатана в «Русском вестнике», 1861, ноябрь.

² Иван Иванович *Панаев* (1812—1862) — писатель, соредатор журнала «Современник». См. его письма к Островскому в сб. «Неизданные письма», стр. 321—334 и письма Островского к нему (XIV, №№ 7, 59, 61, 63, 69, 87, 89, 91, 95, 106, 126).

5

⟨Москва⟩ 29 марта ⟨1860 г.⟩

Любезнейший Александр Николаевич,

недели две тому назад я писал тебе в Петербург письмо, прося узнать у Панаева — что сделалось с моею биографией Тропинина, которую взялся, с лишком уже два месяца тому¹, Григорович предложить в «Сов-

ременник». Ни Григоровича не видал, ни обещанного извещения от него не имею. Уведомь меня по почте: справился ты и что? — Если нет, сообщи, пожалуйста, адрес Григоровича, где он? Крайне одолжишь.

Твой Р а м а з а н о в

Сам я 8-й день с вытянутой ахиллесовой жилой в левой ноге.

Ед. хр. 2029, № 67815.

¹ См. предыдущее письмо.

6

⟨Москва. Около 1862 г.⟩

Любезнейший Александр Николаевич.

Олеария¹ я достал; но очень хорошо было бы — если б ты заехал ко мне, не отлагая, вечером или утром, кроме завтрашнего вечера.

Н. Р а м а з а н о в

Ед. хр. 2031, № 67817.

¹ Адам *Олеарий* (Эльшлегер; 1599—1671) — путешественник, уроженец Саксонии. Секретарь и советник посольств в Московское государство с торговыми целями. Оставил подробное описание «Путешествия в Московию и Персию», являющееся важным источником изучения истории и быта Московского государства XVII в. (первое издание: Шлезвиг, 1647). Значительное место в его описании уделено обрядовым театральным зрелищам.

А. И. САБУРОВ

Андрей Иванович *Сабуров* (1797—1866) — директор императорских театров в 1858—1862 гг. Бывший полковник Сабуров держался с подчиненными высокомерно и требовал соблюдения строгой субординации.

Мало сведущий в театральном искусстве, он был совершенно равнодушен к участи русского драматического театра; зато неизменно уделял внимание балету, итальянской опере и французской труппе. Резкое различие в отношении Сабурова к отечественному и иностранным театрам обуславливалось не столько его личными вкусами, сколько политикой правительства; оно не без умысла покровительствовало иностранным труппам: их спектакли отвлекали посетителей от русской действительности, да и посещались они аудиторией, не вызывавшей особого сомнения в благонадежности, чего никак нельзя было сказать о демократическом зрителе верхних ярусов Александринского театра.

⟨Петербург. 1 октября 1859 г.⟩

Милостивый государь,
Александр Николаевич,

Письмо ваше, милостивый государь, от 28 числа минувшего сентября, я имел честь получить и, по содержанию одного, спешу уведомить, что, будучи одним из усерднейших почитателей вашего редкого таланта, обогатившего нашу отечественную сцену многими прекраснейшими драматическими произведениями, я с особенным удовольствием готов принять к театру новый труд ваш — пьесу «Воспитанница»¹, как только возвратится она из цензуры. Причем совершенно согласен и на предоставление вам следующего за нее поспектакльного вознаграждения, во всяком случае, как вам будет угодно распорядиться: т. е. отдать ли эту пьесу кому в бенефис или передать в дирекцию.

Что касается до актрисы Косицкой, для бенефиса которой вы предполагали эту пьесу, то имею честь уведомить, что день, назначенный в нынешнем году для бенефиса этой артистки, уже прошел, и она по собственной воле им не воспользовалась. На назначение же ей другого дня для бенефиса, о коем она испрашивала, я согласиться не мог, потому что чрез это изменился бы порядок по сделанному уже для всей труппы бенефисному расписанию³, и изъятие, допущенное для Косицкой, послужило бы примером и прочим бенефициантам на подобное же домогательство к отложению под разными предлогами назначенных им дней на позднейшее время, что никак не отвечало бы пользам дирекции.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

А. С а б у р о в

1 октября 1859 г.

Ед. хр. 2172, № 163913.

¹ Пьеса «Кошке игрушки, мышке слезки» («Воспитанница») была передана Островским в сентябре 1859 г. в Театрально-литературный комитет и цензуру III Отделения. В обстановке участвовавших выступлений крестьян против помещиков антикрепостническая пьеса встретила решительный отпор со стороны властей. Некрасов и Горбунов предупреждали автора об опасности, угрожавшей его пьесе. 23 октября 1859 г. «Воспитанница» была запрещена цензурой. Хлопоты, предпринятые по просьбе Островского Бурдиным в конце 1861 г., не увенчались успехом: при вторичном рассмотрении комедии цензура подтвердила свое запрещение. Оно было снято только в начале сентября 1863 г., и то благодаря временно занимавшему пост начальника III Отделения генерал-адъютанту Н. Н. Анненкову.

² В 1850-е годы московские императорские театры находились в полном подчинении у дирекции императорских театров в Петербурге: она определяла все — репертуар, прием в труппу и увольнение, оклады, разовые (поспектакльную плату), бенефисы и т. п. — так осуществлялся контроль над казенными театрами.

П. М. САДОВСКИЙ

Пров Михайлович *Садовский* (Ермилов, 1818—1872) — артист Малого театра с 1839 г. до конца жизни. С девяти лет воспитывался известными провинциальными актерами Г. В. и Д. В. Садовскими — братьями матери (отсюда псевдоним). Юношей играл в разных городах России, в том числе в Калуге, Рязани, Воронеже, Казани. При участии Щепкина перешел из Казани в Москву, где сразу зарекомендовал себя талантливым комическим актером. В комедиях Гоголя «Женитьба», «Игроки» и «Ревизор» прекрасно исполнял роли Подколесина, Замухрышкина и Осипа. Щепкин сказал о нем, что он постиг тайну гоголевского языка. До конца талант Садовского раскрылся в репертуаре Островского. Садовский стал одним из самых близких творческих единомышленников драматурга. В 28 пьесах Островского (до 1872 г.) он сыграл 29 ролей, в том числе Русакова, Любима Торцова, Беневоленского, Юсова, целую галерею купцов-самодуров. В пьесе «Грех да беда на кого не живет», в 1863 и в 1867 гг., в роли Краснова он проявил себя как прекрасный исполнитель сильного драматического характера. Глубокое и оригинальное раскрытие Садовским образа Расплюева в «Свадьбе Кречинского» стало традиционным на русской сцене. Садовский также принимал непосредственное участие в организации (1865) ч деятельности Артистического кружка, возглавляемого Островским.

1

Москва. 1862 года. Апреля 26 дня

Милейший наш друг, Александр Николаевич!

Мы получили от вас два письма, за которые благодарим душевно; потому что мы русские и привыкли ставить душу на первое место.

Покорнейше просим вас: описывайте все, что увидите, и утешайте нас несчастных вашими письмами, мы же ничего нового вам не можем написать, все как было так и есть; а что будет вперед, то вы сами лучше нас знаете.

Мы пишем письмо во московском трактире и пьем ваше слишком драгоценное для нас здоровье. Прощайте, наш любезный друг, дай бог увидаться с вами и побеседовать о вашем путешествии.

Истинно уважающий вас Пров Садовский, Яков Пуговкин, Иван Еремеев 2-й, Иван Обухов 1-й, С. Кошеров, Ив. Анофриев, а что в седьмой строке написано, я с тем не согласен, — Т. Сидоров.

Ветренному Ивану Федорову Горбунову посылаем поцелуй по ветру Пров Садовский, С. Кошеров, Ив. Анофриев.

Прими от всех нас душевный привет ничтоже сумняся

Тимофей Сидоров, Яков Пуговкин да Иван Еремеев.

Ед. хр. 2263_а, № 67835.

Весной 1862 г., с 2 апреля по 27 мая, Островский путешествовал за границей с Макаром Федосеевичем Шишко (1822—1888), заведующим освещением петербургских императорских театров, и И. Ф. Горбуновым, который присоединился к ним в Берлине 9 апреля.

Настоящее письмо к Островскому — ответ на три письма драматурга к друзьям из Берлина, Майнца и Дрездена 7, 16 и 17 апреля. Всего из своего путешествия Островский отправил друзьям девять писем, адресованных или С. С. Кошерову, или Садовскому и другим (XIV, 95—103). В письме из Парижа 14/26 мая Островский пишет: «Благодарю вас за письмо (от 26 апреля), оно много доставило мне приятного на чужой стороне. Благодарю всех подписавших, т. е. Анофриева, Пуговкина, Еремеева, Обухова и Сидорова».

2

⟨Москва. Октябрь — первая половина ноября 1867 г.⟩

В. П. Бегичев¹ находит неудобным поставить «Тушино» на Большом театре², потому что вся труппа будет занята, вследствие чего пьеса будет даваема редко — и для вас пользы будет мало.

Я просил вас напомнить Е. Н. Эдельсону³ и Ю. Н. Линской.

Поклон Михаилу Николаевичу и всем знакомым

Ваш П. Садовский

Ед. хр. 2265_а, № 211862.

Датируется временем, когда Островский находился в Петербурге и работал с новым директором театров С. А. Гедеоновым над пьесой «Василиса Мелентьева».

¹ О В. П. Бегичеве — см. стр. 300 настоящ. кн.

² «Тушино» было поставлено впервые одновременно в Москве в Малом театре и в Петербурге в Александринском театре 23 ноября 1867 г. Несмотря на участие хороших актеров оба спектакля успеха не имели.

³ Е. Н. Эдельсон.

3

⟨Москва. Январь? 1871 г.⟩

Многоуважаемый Александр Николаевич,

С неописанным наслаждением прочитал я ваше новое произведение «Лес». Вижу, что гений творчества не стареет и не умирает, это не то, что исполнители. В числе личностей типичных, художественно обрисованных, есть лицо — Гимназист, — я бы искренно желал, чтобы мой сын в этой роли испробовал свои молодые силы, чем вы меня очень бы обязали и вполне доказали бы душевное расположение, каковое во мне к вам ни

насколько и никогда не уменьшалось, несмотря на то, что житейские дразги лишили нас на время возможности видетъся, *как в былые времена.*

Любящий и уважающий вас

П. Садовский

Ед. хр. 2266а, № 215028.

Впервые опубликовано Н. Е. Эфросом в журнале «Культура театра», 1921, № 2, стр. 60—61. Письмо не датировано. Садовский мог прочесть «Лес» в рукописи, когда Островский закончил свою комедию, т. е. в декабре 1870 г., или в январском номере журнала «Отечественные записки» 1871 г., где впервые появилась эта комедия. Вероятно, правильнее датировать это письмо началом 1871 г. Первое представление комедии состоялось на сцене Малого театра 26 ноября 1871 г., в бенефис С. П. Акимовой. Роль Буланова исполнял М. П. Садовский.

Позже, в 1890-х годах, Михаил Провыч Садовский (1847—1910) с большим успехом играл в «Лесе» роль Аркашки Счастливецца.

Спасите Сережу, о чем покорнейше прошу, спасая его, вы спасете меня, потому что я люблю его как сына, брата и друга

Ваш Садовский

Ед. хр. 2264, № 68302.

Эту записку можно предположительно датировать началом 1868 г., если допустить, что речь идет о спасении брата Островского — Сергея Николаевича, умершего весной 1868 г. Оставшуюся без средств его семью содержал другой брат Островского — Михаил Николаевич.

Н. Ф. САЗОНОВ

Николай Федорович Сазонов (1843—1902) — драматический актер. По окончании Петербургского театрального училища (1863) поступил в Александринский театр, где работал до конца жизни. Вначале с успехом играл в водевилях и опереттах. В драме исполнял характерные и бытовые роли.

Опытный, работоспособный актер с отличной техникой и хорошими внешними данными, Сазонов был по складу чисто русского дарования желанным исполнителем для Островского, в пьесах которого создал галерею образов. Был первым исполнителем на Александринской сцене ролей: Недоросткова («Шутники», 1864), Юродивого («Козьма Захарыч Минин, Сухорук», 1866), Васи Шустрого («Горячее сердце», 1869), Буланова («Лес», 1871), Елеси («Не было ни гроша, да вдруг алтын», 1872), Дормедонта («Поздняя любовь», 1873), Грунцова («Трудовой хлеб», 1874), Мурзавецкого («Волки и овцы», 1875), Цыпунова («Богатые невесты», 1875), Платона («Правда хорошо, а счастье лучше», 1876), Дергачева («Последняя жертва», 1877), Иванова («Счастливый день», 1877), Белугина («Женитьба Белугина», 1878), Вожеватова («Бесприданница», 1878), Ераста («Сердце не камень», 1879), Рабачева («Светит да не греет», 1880), Олешунина («Красавец-мужчина», 1883) и др. Играл также (уже не первым) роли Тихона («Гроза»); Краснова («Грех да беда на кого не живет»), Жадова («Доходное место»), Деметрия Редрикова («Тушино»), Бородинки и Вихорева («Не в свои сани не садись»), Митю («Бедность не порок»), Леонида («Воспитанница»), Василькова («Бешенные деньги»), Прохора Васютина («Старый друг лучше новых двух»), Карандышева («Бесприданница») и др.

«Прекрасным, мастерским исполнением роли Белугина, — писал Островский о Сазонове, — он показал себя сильным и ловким артистом на драматические роли в русских пьесах; в моей драме «Тушино» в роли молодого Редрикова он обнаружил много нежности, много искреннего чувства, и опять — совершенно по-русски; а исполнение роли правдолюбивого приказчика в комедии «Правда хорошо, а счастье лучше» было уж совсем артистическое» (XII, 223). В 1888—1891 гг. преподавал на Драматических курсах при Петербургском театральном училище.



В. А. ШУХМИНА В РОЛИ ЛАРИСЫ («БЕСПРИДАННИЦА»)

Малый театр, 1911 г.

Центральный театральный музей, Москва

1

⟨Петербург. Июнь — середина июля 1874 г.⟩

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Позвольте мне обратиться к вам с просьбой. Я слышал, что у вас окончена новая пьеса¹. Если она никому еще вами не обещана, то я был бы очень рад взять ее в мой бенефис, который назначен на 27 декабря. Я не обращался к вам с этой просьбой ранее, потому что был связан словом с другим автором. Теперь этого нет и мне было бы весьма приятно поставить в свой последний бенефис пьесу всеми уважаемого драматурга. Ответ,

если возможно, пришлите с подателем этого письма. Если бы вы нашли нужным личные переговоры, то я немедленно явлюсь.

Искренне вас уважающий

Н. С а з о н о в

Мой адрес: Фонтанка, дом № 89, кв. 4.

Ед. хр. 2273, № 68255.

В этом письме, как и в последующих, Сазонов обращается к Островскому с одной и той же просьбой: дать ему новую пьесу для бенефиса, который состоится 27 декабря 1874 г. По аналогии со вторым письмом Сазонова настоящее письмо и датируется июнем—июлем 1874 г.

¹ Сазонов ошибается, думая, что Островский уже закончил новую пьесу: «Трудовой хлеб» еще не был написан. Островский согласился удовлетворить просьбу Сазонова и просил его напомнить о себе в половине августа.

2

⟨Петербург.⟩ Июль 25 1874 г.

Милостивый государь

Александр Николаевич!

Вы были так добры, что обещали дать мне на бенефис ваше новое произведение¹. Это налагает на меня приятную обязанность употребить все старания, чтобы пьеса ваша была обставлена сколь возможно лучше, и чтобы каждый актер усвоил себе и верно передал по мере своих сил и способностей мысль, которую имел автор. Вследствие этого, я беру смелость, несколько опередив срок, назначенный вами (вы позволили напомнить о себе в половине августа), обратиться к вам с покорнейшей просьбой дать мне возможность ознакомиться с пьесой заблаговременно. Чем скорее вы мне доставите ее,— тем более я буду вам благодарен. Принявши в соображение, при подробном знакомстве с ней, наличные силы нашей петербургской труппы, я счел бы долгом немедленно сообщить вам, в каком распределении ролей я вижу залог наиболее удовлетворительного исполнения. Вы с своей стороны, без сомнения, не откажетесь поставить меня в известность о тех изменениях, которым признаете нужным подвергнуть мой план; и я постараюсь сообразно с этим подготовить лиц, рассчитывающих или не рассчитывающих участвовать в вашем новом произведении, к тому, что будет вами указано. Такая подготовительная работа,— вы сами, конечно, согласитесь с этим, необходима. Заохотить актера к той роли, какую ему предлагают, примирить его с той, на какую он не рассчитывал, соблюсти надлежащее соотношение между талантом и важностью роли в пьесе — в этом вся тайна дружного исполнения. При этом, я позволил бы себе, многоуважаемый Александр Николаевич, выразить одно желание: чтобы постановка пьесы не возлагалась на какое-нибудь постороннее, третье лицо²; и чтобы *главные роли*, по крайней мере, не выпали на долю тех артистов³, благодаря которым пьесы ваши часто не имели того успеха, какого они заслуживали. Что же касается до меня, то мною будет руководить одна цель,— которой я считаю долгом подчинить всякие личные отношения,— это обставить вашу пьесу таким образом, чтобы исполнение ее явилось достойным вашего таланта. Только этим способом могу я посильно выразить вам мою благодарность за ваше доброе внимание и за одолжение, которое вы мне делаете, отдавая мне в бенефис свою пьесу.

С глубоким уважением и преданностью остаюсь готовый к услугам вашим

Н. С а з о н о в

Мой адрес: С. П.-бург. Площадь Александринского театра, д. Денеке. Николаю Федоровичу Сазонову.

Ед. хр. 2268, № 68248.

¹ Речь идет о пьесе «Трудовой хлеб». В ответном письме 3 августа 1874 г. Островский сообщал, что обещанная им Сазонову для бенефиса новая пьеса еще не написана.

² Островский на это отвечал: «Того, что вы мне пишете о третьем лице, я не понимаю. Когда я сам бываю при постановке своих произведений, то, сколько могу, стараюсь помочь артистам чтением для них пьесы, передачей тона их ролей, указанием костюма и вообще внешности изображаемого лица; если же сам не бываю при постановке, то хлопоты о ней вполне поручаю бенефицианту и репертуарному начальству и никаких посторонних лиц никогда в это дело не вмешивал» (XV, 42).

Есть основание предполагать, что под третьим лицом Сазонов имел в виду Бурдина. Летом 1874 г. в труппе ходили слухи о том, что режиссура будет поручена Бурдину. Письмо Островского Бурдину 20 июля 1874 г. объясняет причину возникновения слухов: П. С. Федоров действительно предлагал Бурдину занять место режиссера в случае ухода А. А. Яблочкина из театра. Когда же Яблочкин покинул театр (1874), Федоров свое предложение не возобновил. 20 июля 1874 г. Островский писал Бурдину: «А Федорова политика ясна: когда Яблочкин ломался и Федоров знал наверное, что он только ломается, а на месте останется, — тогда он тебе предлагал режиссерство, а теперь, когда место вакантно, он молчит» (XV, 40).

³ Здесь Сазонов намекает опять-таки на Бурдина, который проваливал ведущие роли (как, например, Краснова в «Грех да беда на кого не живет») и наносил большой ущерб успеху и пьес, и спектаклей, сокращая их пребывание в репертуаре.

3

Т е л е г р а м м а

⟨Петербург. 8 августа 1874 г.⟩

Бенефис назначен двадцать пятого октября, буду ждать от вас уведомления и надеяться, что вы порадуете нас всех скорым окончанием вашей пьесы¹.

С а з о н о в

⟨Адрес:⟩ Кинешма Костромской губернии усадьба Ицельково Александру Николаевичу Островскому.

Ед. хр. 2916, № 163891.

¹ Речь идет о комедии «Трудовой хлеб», которую Островский еще не закончил

4

Т е л е г р а м м а

⟨Петербург. 5 октября 1874 г.⟩

Ради бога, поторопите высылку пьесы¹ бенефис близок.

С а з о н о в

⟨Адрес:⟩ Москва у Яузского моста близ Серебрянских бань. Александру Николаевичу Островскому. Свой дом.

Ед. хр. 2917, № 163891.

¹ См. предыдущую телеграмму.

5

Т е л е г р а м м а

⟨Петербург. 7 октября 1874 г.⟩

Время остается мало, пьесы вашей¹ нет, высылайте умоляю.

С а з о н о в

⟨Адрес:⟩ Москва у Яузского моста близ Серебрянских бань Александру Николаевичу Островскому, свой дом.

Ед. хр. 2918, № 163891.

¹ «Трудовой хлеб».

6

Т е л е г р а м м а

⟨Петербург. 10 октября 1874 г.⟩

Самойлов¹ прочитав охотно согласен играть², но теперь болен, раньше ноября не выступит, начальство отложить бенефис отказало. Телеграфируйте передать ли роль Самойлова другому или пьесу другому бенефицианту³. Ответ уплачен

С а з о н о в

⟨Адрес:⟩ Москва Яузский мост близ Серебрянских бань. Александру Николаевичу Островскому. Собственный дом.

Ед. хр. 2919, № 163891.

¹ Василий Васильевич *Самойлов*.² Роль Корпелова в комедии «Трудовой хлеб».³ См. об этом следующее письмо.

7

⟨Петербург. 19 октября 1874 г.⟩

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Не считите за невежливость, что я, получив пьесу¹, ничего вам не писал: виноват в этом И. Ф. Горбунов, который просил меня предоставить ему списаться с вами. Дело вот в чем: как только была получена пьеса, мы с Ф. А. Бурдиным, не медля ни минуты, прочли ее и в тот же день режиссер свез ее к Самойлову, который был сильно болен и только что стал поправляться. Самойлов изъявил полную готовность играть в ней, но при этом объявил, что к 27 числу, т. е. к моему бенефису, он выйти не может. Вследствие этого мною была послана вам об этом телеграмма, на которую вы ответили телеграммой же: «распоряжайтесь как знаете». Этим ответом я был поставлен в большое затруднение: с одной стороны, мне не хотелось упустить вашу пьесу, а, с другой, я сознавал, что если за Самойлова передать другому, то этим значило жестоко повредить пьесе, так как, несмотря на выигрышность роли², у нас ее, кроме Самойлова, играть никто не может. В это-то время ко мне подвернулся И. Ф. Горбунов с просьбой уступить ее ему, так как у него бенефис гораздо позже моего и к тому времени Самойлов поправится. Я, с своей стороны, изъявил согласие, но сказал, что без вашего разрешения это окончательно решить нельзя. На это он отвечал, что немедленно известит вас и надеется, что вы, по старой дружбе к нему, не будете против этой передачи.

Сам же я беру в бенефис «Не в свои сани не садись» с новой обстановкой.

Смею надеяться, что вы не посетуете на меня за то, что я главным образом заботился о том, чтобы пьеса была обставлена надлежащим образом и вследствие этого имела бы тот успех, который она заслуживает.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть искренне вам благодарный

Н. С а з о н о в

P.S. Горбунов удивляется, что вы не получили его письма и вследствие этого посылает вам другое.

С. П. бург.

19 октября 1874 г.

Ед. хр. 2269, № 68249.

¹ Пьеса «Трудовой хлеб» закончена Островским в 20-х числах сентября 1874 г.; допущена драматической цензурой к представлению 15 октября.

² В. В. Самойлову Островский предназначал роль Корпелова и был очень заинтересован в его участии. 8 сентября 1874 г. он писал Бурдину, чтобы Сазонов известил его, можно ли рассчитывать на Самойлова. От капризного нрава Самойлова, отказавшегося от ролей, Островскому не раз приходилось страдать.

8

(Петербург. 1 ноября 1874 г.)

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Мой бенефис¹ всецело поглотил мое время, и потому я до сих пор не отвечал на ваше письмо; теперь же, вздохнув свободнее, спешу первым долгом принести вам мою благодарность за ваше доверие ко мне и уведомить вас, что «Трудовой хлеб» пропущен как театральным комитетом, так и цензурой. Роль студента², которую вы назначаете мне, я принимаю с благодарностью и буду словом и делом стараться сделать для пьесы все, что только в моих силах. Прилагаю при сем афишу моего бенефиса, из которой вы увидите распределение ролей в «Санях»³. Кстати, о распределении: было бы недурно, если бы вы теперь же написали, кому вы назначаете роли в «Трудовом хлебе». Зная это, можно бы заранее раздать роли и тем дать возможность артистам приготовить исподволь, а не на скорую руку, как это у нас обыкновенно делается.

Отдавая себя в полное ваше распоряжение, смею надеяться, что в извините меня за несколько запоздалый ответ.

Остаюсь глубоко преданный вам

Н. С а з о н о в

С. Петербург. 1 ноября 1874 г.

Ед. хр. 2270, № 68250.

¹ Бенефис Сазонова состоялся 27 октября 1874 г.; шла с новыми исполнителями и в новой обстановке комедия «Не в свои сани не садись».

² Сазонов имеет в виду Грунцова, ошибочно назвав его студентом (Грунцов уже окончил университет).

³ В комедии «Не в свои сани не садись» роль Бородинки исполнил Сазонов, роль Авдотьи Максимовны — Савина.

9

С. Петербург. 11 декабря 1874 г.

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Роли из пьесы «Трудовой хлеб» уже розданы и первое представление¹ назначено на 18 декабря, репетиции начнутся (считовка уже давно была) с четверга.

Незадолго до раздачи ролей Самойлов спрашивал Горбунова, кто играет Грунцова; тот отвечал, что эта роль вами назначена мне. Несмотря на это заявление Самойлов объявил, что «надо, чтобы Грунцова играл сын», и вообще дал понять, что если это не сделают, то он, пожалуй, и откажется от роли². Горбунов после этого разговора явился ко мне и передал желание Самойлова. Я, боясь, чтобы он в самом деле не привел своей угрозы в исполнение и тем не лишил видеть вашу пьесу на сцене, решился пожертвовать свою роль его сыну, о чем и заявил Горбунову, про-

ся его уведомить прежде всего обо всем вас, на что Горбунов и дал мне свое слово. Не знаю, сдержал ли он его. Что же касается до начальства, то оно взглянуло на это иначе и объявило, что изменить ваше распределение оно не желает, и, если бы Самойлов действительно вздумал отказаться, потребовать от него письменного объяснения. Что будет дальше, не знаю, но пока все тихо и роль он не возвращал.

Роли розданы все так, как вы желали³, за исключением роли лакея⁴, которую вы назначали, если не ошибаюсь, Марковецкому, но начальство, находя его дорогим для этой роли⁵, отдало Петровскому⁶.

Многие сожалеют, что роль жены отдана вами г-же Читау⁷, а не Жулевой⁸.

Затем пожелайте нам благополучно разрешить заданную вами нам задачу и вызвать у публики такое же одобрение, какое пьеса имела на московской сцене⁹.

Искренне преданный вам и всегда
готовый к услугам Н. С а з о н о в

Ед. хр. 2272, № 68253.

¹ Премьера пьесы «Трудовой хлеб» в Александринском театре состоялась 18 декабря 1874 г. в бенефис И. Ф. Горбунова.

² О Самойловых — см. стр. 393 и 394 настоящ. кн.

³ В. В. Самойлов играл с успехом роль Корпелова.

⁴ Другие роли исполняли: Натальи Петровны — Савина, Чепурина — Горбунов, Потрохова — Бурдин, Грунцова — Сазонов.

⁵ Роль Сакердона, слуги Потрохова.

⁶ Размер разовых, т. е. поспектакльной платы, получаемой актерами, достигшими известного положения в труппе, был неодинаков: разовые С. Я. Марковецкого были больше разовых Петровского; дирекции было выгоднее, чтобы эту эпизодическую роль играл последний.

⁷ Петр Александрович Петровский (Мещанинов, 1834—1903) — драматический артист. Окончил юридический факультет Московского университета (1856). Поступил в 1861 г. в труппу Калужского театра. В 1862—1863 гг. служил в Александринском театре; вернулся в него весной 1864 г. на роли резонеров. Покинул его в 1900 г.

⁸ О А. М. Читау 1-й см. стр. 335—336 настоящ. кн.

⁹ Екатерина Николаевна Жулева (1830—1905) — заслуженная артистка императорских театров. Окончила Петербургское театральное училище. В 1847—1905 гг. — артистка Александринского театра. Превосходно играла роли пожилых светских женщин.

Вначале Островский назначил роль Поликсены Григорьевны, жены разбогатевшего чиновника Потрохова, — Жулевой, затем решил, что Читау больше подходит к этой роли.

⁹ В Малом театре премьера «Трудового хлеба» состоялась 28 ноября 1874 г. в бенефис Н. И. Музиля; Шумский играл Корпелова; Федотова — Наталью Петровну.

10

⟨Петербург 19 декабря 1874 г.⟩

Т е л е г р а м м а

Вчера пьеса¹ прошла с большим успехом. Поздравляю вас.

С а з о н о в

⟨Адрес:⟩ Москва, близ Яузского моста Серебрянских бань. Свой дом Александру Николаевичу Островскому.

Ед. хр. 2920, № 163891.

¹ «Трудовой хлеб» поставлен в Александринском театре в бенефис Горбунова, 18 декабря 1874 г.

⟨Петербург. Октябрь 1877 г.⟩

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Ф. А. Бурдин¹ передал мне, что вами назначается мне в новой пьесе роль молодого человека, героя пьесы². Если это есть ваше неперемнное намерение, то я, конечно, возьму эту роль, но если есть возможность дать мне роль друга, то за эту перемену я бы был вам невыразимо благодарен, так как эта роль (если не ошибаюсь, Дергачева)³ мне более по сердцу, и я бы занялся ею с особенной любовью.

Извините, многоуважаемый Александр Николаевич, что я беспокою вас моею просьбой, но я решился на это, рассчитывая на ваше всегдашнее ко мне расположение, которым вы дарили

Искренне уважающего вас Н. С а з о н о в а

Р. С. Если бы вы пожелали удостоить меня своим ответом, то вот мой адрес: Александринский театр, Николаю Федоровичу Сазонову.

Ед. хр. 2267, № 68251.

Датируется октябрем 1877 г. в связи с окончанием Островским (11 октября 1877 г.) комедии «Последняя жертва» и прохождением ею установленных инстанций: пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом 22 октября и дозволена цензурой драматических сочинений III Отделения 23 октября к представлению.

¹ Бурдин получил от Островского пьесу «Последняя жертва» для своего бенефиса и извещал артистов о распределении ролей, сделанном автором.

² *Дульчин* — самая ответственная мужская роль в пьесе. Назначая ее Сазонову, Островский был вполне уверен в этом даровитом и опытном артисте; в предыдущем, 1876 г. Сазонов в полной мере удовлетворил автора в роли Платона («Правда хорошо, а счастье лучше»). Своим отказом от роли Дульчина Сазонов ставил, по мнению Островского, успех пьесы под угрозу.

29 октября 1877 г. Островский писал Бурдину: «Сазонов непременно должен играть Дульчина, я для него писал эту роль, так и скажи ему! В настоящее время стыдно делить роли на симпатичные и несимпатичные! <...>. Если Сазонов откажется, так делайте, как знаете, — я уж тогда отступлюсь от всего» (XV, 99).

³ Дергачев занимает в произведении скромное место.

⟨Петербург. Середина ноября 1877 г.⟩

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Тотчас же по получении вашего письма¹, я достал вашу пьесу и прочел ее вторично. Не полагаясь на первое впечатление, я обратил все свое внимание на роль Дульчина, я проследил ее с начала до конца, старался в нее вдуматься и найти тот тон, который должен буду взять. Но чем больше я над ней думал, тем ясней становилось для меня, что роль в моем исполнении не может выйти удачной. Бывают случаи, когда актер не может взять верного тона и это именно грозит мне теперь. Одно сознание, что роль мне не по силам, погубит ее окончательно. Вы не можете сомневаться в том, что я желал бы сделать для вас все, что в моих силах, но добросовестно ли будет с моей стороны, если я возьмусь за роль, которой вы сами придаете такое значение, и, испортивши ее, поврежу, если не успеху пьесы, — я в нем не сомневаюсь, то общему ансамблю, и обману тем ваши ожидания². Я уверен, что в этом случае Петипа³ будет для вас несравненно полезнее. Такие роли гораздо более входят в его амплуа, чем в мое. Я, с своей стороны, не знаю даже, как к ним и подойти. Еще раз прошу вас верить, многоуважаемый Александр Николаевич, что

если б не твердое убеждение, что я своим исполнением могу только повредить роли Дульчина, а никак ее не выдвинуть, то я ни в каком случае не позволил бы себе отказываться от нее.

Искренне вам преданный Н. С а з о н о в

Ед. хр. 2274, № 68252.

¹ Это письмо — ответ на письмо Островского 9 ноября 1877 г.; на этом основании датируется.

² Островский писал Сазонову: «Будете вы играть Дульчина или нет — от этого, по моему мнению, зависит успех всей пьесы; вот почему я и прошу вас убедительно взять эту роль. (...) Если вы откажетесь, пьеса не сладится: Нильский мне нужен для Лавра Мироныча, а Петипа такая ответственная роль едва ли по силам» (XV, 102).

³ О М. М. Петипа — см. стр. 373 настоящ. кн.

Опасения Островского оказались напрасными: на премьере «Последней жертвы» (2 декабря 1877 г. в бенефис Бурдина) Петипа в роли Дульчина имел большой заслуженный успех; Сазонов же оказался превосходным Дергачевым.

13

⟨ Петербург. Без даты ⟩

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Позвольте обратиться к вам с небольшой просьбой. Я до сих пор не могу получить бенефисных денег¹, так как контора не знает, сколько вам следует за 4-й акт «Доходного места»². Будьте так добры, напишите мне две строчки, чтоб я мог их представить в контору и тем положить конец недоумению.

Простите за беспокойство, многоуважаемый Александр Николаевич, и примите уверение в моем глубоком к вам уважении.

Н. С а з о н о в

Адрес: Фонтанка, № 89, кн. 4.

Ед. хр. 2274, № 68254.

¹ Бенефисные деньги выплачивались бенефицианту за вычетом всех расходов по спектаклю, в том числе и авторских за исполненные произведения.

² Помимо основной капитальной пьесы в программу бенефисного спектакля обычно включали или одноактную пьесу, или отдельный акт из крупного произведения; Сазонов также внес в свой бенефисный спектакль в виде добавления 4-й акт «Доходного места».

И. В. САМАРИН

Иван Васильевич *Самарин* (1817—1885) — драматический актер, педагог-режиссер и автор пьес. Воспитанник Московского театрального училища, ученик Щепкина. С 1837 г. до конца жизни — артист Малого театра. Блестяще играл роли первых любовников. Среди лучших образов — Чацкий (1839). С конца 1850-х годов постепенно переходит от героико-романтических ролей к характерным; его шедевры — Фамусов (1864) и городничий (1867).

Сыграл 15 ролей в первых постановках пьес Островского: Мити («Бедность не порок», 1854), пана Мнишека («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», 1867), Дементия Редрикова («Тушино», 1867), Городулина («На всякого мудреца довольно простоты», 1868), Ивана Грозного («Василиса Мелентьева», 1868), Телятева («Бешенные деньги», 1870), Милонова («Лес», 1871), Кочетова («Комик XVII столетия», 1872), Разновесова («Не было ни гроша, да вдруг алтын», 1872), Берендея («Снегурочка», 1873), Петрохова («Трудовой хлеб», 1874), Лыняева («Волки и овцы», 1875), Лавра Мироныча («Последняя жертва», 1877), Кнурова («Бесприданница», 1878), Ашметьева («Дикарь», 1879).

Мастерски отшлифовывая роли в пьесах Островского, играя с чувством, Самарин все же не стал актером его театра: он был недостаточно знаком с типами Островского и их средой; кроме того, его несколько устаревшие сценические приемы, как, например, напевная декламационность речи, шли вразрез с простотой и естественностью игры, достигнутыми соратниками драматурга.

⟨Москва. Январь 1867 г.⟩

Зачем вам было беспокоить себя и просить, чтобы я сыграл роль Мнишка? Островский должен делать простее: только назначить роль. И, вероятно, нет актера, который бы не отнесся сочувственно к делу, которое ставит нашу сцену на самобытную русскую почву и выдвигает таланты наших артистов.

Примите уверение в полном уважении

И. Самарин

Ед. хр. 2314, № 165481.

Датируется временем премьеры хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» на сцене Малого театра (30 января 1867 г.). Самарин исполнил назначенную ему автором роль пана Мнишка.

В. В. САМОЙЛОВ

Василий Васильевич *Самойлов* (1813—1887) — драматический актер, представитель театральной семьи Самойловых. Сын певца В. М. Самойлова и С. В. Самойловой, драматической и оперной артистки; премьер Александринского театра (1835—1875).

Питал пристрастие к ролям историческим и с переодеванием. Создал свою традицию игры: был виртуозом внешней техники и трансформации, детализации внешних характерных черт образа. Внутреннему миру человека уделял значительно меньше внимания.

В своей коронной роли кардинала Ришелье (Булвер-Литтона, 1866) поражал внешним сходством с историческим лицом. Лучшие образы Самойлова в отечественном репертуаре: граф Любин («Провинциалка» Тургенева, 1851), Вырин («Станционный смотритель» по Пушкину, 1854), Кречинский («Свадьба Кречинского» Сухо-во-Кобылина, 1856).

Играя в пьесах Островского, увлекался выделением особенностей быта; был первым исполнителем в Александринском театре ролей: Любима Торцова («Бедность не порок», 1854), Агафона («Не так живи, как хочется», 1855), Иванова («В чужом пиру похмелье», 1856), Архипа («Грех да беда на кого не живет», 1863), Оброшенова («Шутники», 1864), Бессудного («На бойком месте», 1865), воеводы Шалыгина («Воевода», 1865), Грозного («Василиса Мелентьева», 1868), Городулина («На всякого мудреца довольно простоты», 1868), Градобоева («Горячее сердце», 1869), Корпелова («Трудовой хлеб», 1874); наиболее удачны образы Оброшенова, Градобоева и Корпелова.

⟨Петербург. 22 октября 1865 г.⟩

Добрейший Александр Николаевич!

Вы мне говорили в Москве, что вы переводите стихами пьесу Шекспира: «Строптивая жена»¹ и что вы уже почти обещали дать ее Бурдину в бенефис. Вероятно, перевод ваш еще не совсем окончен, потому что в бенефис Бурдина, который будет на днях, идет пьеса Алек. Потехина: «Брат и сестра»². Я хотел лично поговорить с вами о вашем переводе, но неизвестно, когда вы приедете к нам в Петербург, а потому я и решился написать вам, чтобы не терять даром времени. Я желал бы поставить в свой

бенефис пьесу «Строптивая жена», в которой главную роль хочу дать моей жене³, так как это будет ее вторичным дебютом на сцене; сам же буду играть роль Петручио.

Итак, прошу вас не полениться мне ответить поскорее, не будет ли это против вашего желания, и как скоро может быть окончен ваш перевод⁴.

Готовый к услугам вашим

В. Самойлов

Жена посылает вам низкий поклон.

22 октября.

Ед. хр. 2317, № 68245.

Датируется 1865 г. по ответному письму Островского 27 октября 1865 г.

¹ В 1850 г. Островский закончил прозаический перевод комедии Шекспира «Укрощение злой жены»; в 1865 г. он перевел ту же комедию стихами, озаглавив ее «Усмирение своеправной».

² Пьеса А. А. Потехина «Брат и сестра» (1854) находилась под цензурным запретом до 1865 г.; поставлена под заглавием «Шуба овечья, да душа человечья» в Александринском театре 12 ноября 1865 г. в бенефис Бурдина.

³ Мария Алексеевна *Спорова* (урожд. Бибикина) — вторая жена Самойлова, драматическая артистка. Играла в любительской труппе (составленной офицером В. Д. Квадри) на сцене Пассажа и в клубах Петербурга. Отличалась красотой, но не дарованием; была подготовлена к дебюту в Александринском театре Самойловым; дебютировала в 1862 г. в роли Лизы («Горе от ума»). На премьере «Доходного места» (27 сентября 1863 г.) исполнила роль Юлиньки; по свидетельству А. И. Вольфа, сыграла ее «манерно и аффектированно». Выбыла из труппы в 1867 г.

⁴ В ответном письме Островский сообщал Самойлову, что перевод «Усмирения своеправной» им закончен и отправлен в Петербург Н. В. Гербелю (издававшему вместе с Некрасовым сочинения Шекспира в переводах на русский язык).

Н. В. САМОЙЛОВ

Николай Васильевич *Самойлов* 2-й (1838—1897) — драматический актер, сын В. В. Самойлова от брака с С. И. Дранше, балетной артисткой.

Выйдя в отставку с военной службы (был гвардейским офицером), весьма успешно дебютировал в Александринском театре 1 ноября 1868 г. в роли Глумова на премьере «На всякого мудреца довольно простоты».

По свидетельству А. И. Вольфа, «... играл потом не без успеха Кисельникова в «Пучине», Пенкина в «Мещанской семье» (Авдеева, 1869) и другие не менее видные роли» («Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 г.». СПб., 1884, стр. 41). Оставил службу в Александринском театре в 1883 г. Выезжал и в провинцию.

Занимался литературой; 26 сентября 1879 г. в Александринском театре в бенефис П. И. Малышева была поставлена в переводе Ф. Гридина и Н. Самойлова комедия А. Дюма-сына «Американка». 29 декабря 1889 г. — там же в бенефис Е. Н. Жулевой шла комедия в одном действии Н. В. Самойлова «По новой методе». В обеих пьесах играла Савина.

⟨Петербург. Начало ноября 1868 г.⟩

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Много, много благодарю вас за доверие, которое вы сделали, позволив мне дебютировать в вашей новой пьесе¹. Я употребил все мое старание, чтоб оправдать это доверие. Судя по приему, сделанному мне публикой, я имел успех полный, по газетам судить не могу, потому что их не читал.

С истинным почтением остаюсь

ваш покорный слуга Николай Самойлов

Ед. хр. 2318, № 68246.

Датируется по связи с прошедшей в Александринском театре 1 ноября 1868 г. премьерой «На всякого мудреца довольно простоты».

¹ В спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» Н. В. Самойлов исполнил роль Глумова. Эту роль Н. В. Самойлов, не состоя в труппе Александринского театра, получил помимо автора, благодаря настоянию своего отца В. В. Самойлова, который и приготовил сына к дебюту. Об инциденте, создавшемся в связи с этим выступлением Н. В. Самойлова, Островский писал Бурдину 23—24 октября 1868 г.: «... должно было директору (кем, неизвестно), что Н. Самойлов играет Глумова по моему назначению, но что, из уважения ко мне, он позволяет Самойлову сыграть два раза, а потом играть Нильскому. Вот какого рода дело. Надо узнать, кто на меня клеветает. Я уж давно замечаю, что некоторые люди стараются портить мои добрые отношения с директором, и уже многое я узнал по этому предмету, о чем буду на днях писать большое и обстоятельное письмо к директору» (XIV, 170).

А. Ф. СМЕРНОВ

Александр Федорович Смирнов (1824—после 1886). Из Петербургского театрального училища в 1844 г. выпущен в кордебалет; в 1846 г. переведен в Москву. Балетмейстер, режиссер московской балетной труппы в 60—70-х годах.

Это письмо раскрывает перед нами картину трагической судьбы рядового деятеля балетной сцены, возлагающего надежды на помощь нового руководителя в лице Островского.

1

(Москва. 1886 г., до мая)

1883 года, 1 октября, меня оставили за штатом, тогда как мне оставалось служить по контракту еще год и 3 месяца, и сказали в Конторе, что я получу двойную пенсию и, в награду, полуторогодовое жалование, но впоследствии оказалось, что ничего этого не дали, будто бы потому, что я служил по контракту; служба же моя не прерывалась, в продолжение почти 45 лет. Я не говорю о других артистах, оставленных вместе со мной за штатом, которые получили полуторогодовые, годовые и полугодовые в награду оклады жалования. Помощник балетмейстера Манохин¹, контракт которого кончился, за три месяца до его увольнения, также получил наградные деньги.

Вместо меня взяли Щербакова², которому дали 1880 р. жалованья; деньги эти совершенно брошенные, тогда как я мог закончить мою службу, год и три месяца, эти деньги были бы в экономии у дирекции.

Я начал мою службу с 200 р. жалованья и в продолжение 35 лет добился до 900, а последние почти 10 лет я получал полный оклад, т. е. 1143 р., которые бы по закону должны были обратиться в пенсию, но мне и этого не дали. Не знаю, чем я заслужил, что я сделал, что меня так быстро уволили, тогда как я постоянно был без балетмейстера, правил всеми балетами, и за службу при театре имею пять золотых медалей на шее. Впрочем, г. Богданов³, при поступлении в Москву на службу, сказал директору, что, если режиссер — Смирнов и танцмейстер Соколов⁴ останутся служить, то он не примет этого места и, благодаря г. Богданову, нас уволили; тогда как такого полезного артиста мимики, как Соколов, в настоящее время нет, да и вряд ли будет. И об себе скажу, я до сих пор в силах, и мог бы быть полезен театру, как опытный режиссер, прослуживший почти 45 лет. Г. Богданов забывает, что я также семейный человек, жена и четверо детей; мне надо жить и образовывать детей, две дочери в гимназии, сын в Университете, что я могу сделать с 900 р., кроме долга, ко-

торый растет с каждым днем, у меня ничего нет, вот почему я и прошу покорнейше исходатайствовать мою прибавку к пенсии 240 руб., что составит полный оклад, и полутороговой оклад жалованья, в награду, по примеру других артистов, оставленных за штатом.

Прибавка к пенсии пойдет на уплату за детей в гимназию, а наградными деньгами я расплачусь с моими долгами. Скажу о г. Соколове, он человек с большим талантом и мог бы быть даже балетмейстером.

Он поставил балет «Папоротник»⁵, который имел успех и давал хорошие сборы. Соединившись с г. Соколовым мы могли бы возобновить многие прежние балеты.

Смирнов

Ед. хр. 3311, № 163935. Письмо без обращения. Датируется по содержанию.

¹ Федор Николаевич *Манохин* (1822—1902). В 1843 г. окончил петербургскую балетную школу, в 1846 г. переведен в Москву на положение первого танцовщика и старшего учителя танцев; с 1856 г. — помощник балетного режиссера. Оставил сцену в 1882 г.

² Константин Александрович *Щербаков* (1842—1905) — танцовщик, корифей петербургской труппы. С 1878 г. получил пенсию за выслугу лет и оставлен помощником режиссера балетной труппы. С 1883 г. — режиссер московской балетной труппы.

³ Алексей Николаевич *Богданов* (1830—1907) — главный режиссер петербургской балетной труппы (1873—1883), затем московской балетной труппы. Оставил службу в 1890 г.

⁴ Сергей Петрович *Соколов* (1830—1893) — ученик Ф. Н. Манохина, балетмейстер и старший преподаватель танцев в императорском московском театральном училище (1874—1884).

⁵ «Папоротник, или Ночь под Ивана Купалу» — балет, поставленный в 1867 г. С. П. Соколовым. Почти все танцы строились на народной основе.

М. СОКОЛОВА-АНДРЕЕВА

Сведений об актрисе Марии Соколовой-Андреевой обнаружить не удалось.

⟨Петербург. 22 марта 1863 г.⟩

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Была я у вас чтобы, во 1-х, поклониться вам, а во 2-х, передать вам, что в четверг на Фоминой неделе назначен дебют новой артистке, именно м-м Фабиянской, в вашей пьесе «Гроза»¹. Вы, вероятно, не забыли вашего обещания прослушать ее до представления. Вот еще дело, по которому я заехала. До меня дошли положительные слухи, что В. В. Самойлов отказывается от роли Минина.

Актер Павел Александрович Никитин² почел бы за особенную честь, если бы вы его прослушали в этой роли, он уже несколько раз исполнял роли стариков и с успехом, и так как он читает стихи вообще очень хорошо, то не будете ли вы так добры, не позволите ли вы ему надеяться быть в числе кандидатов на эту роль, во всяком случае, по крайней мере, насколько я понимаю искусство, он будет выше Леонидова — это несомненно. Адрес Никитина, м-м Фабиянской и мой: на Фонтанке, между Цепным и Измайловским мостом, дом барона Фредерикса № 113, квартира № 12.

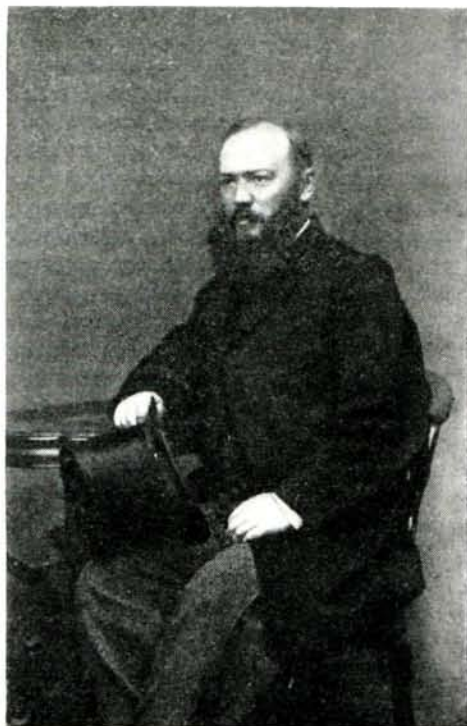
Будьте так добры — назначьте время, в какое вас можно застать дома.

Глубоко уважающая вас

Мария Соколова
по театру Андреева

22 марта 1863 года.

*Надежде Алексеевне Никулиной
от Островского*



ОСТРОВСКИЙ

Фотография 1860-х годов, с дарственной надписью Н. А. Никулиной:

«Надежде Алексеевне Никулиной от Островского»

Центральный театральный музей, Москва

Ед. хр. 2366, № 82176.

¹ Елена *Фабиянская* — провинциальная драматическая актриса. Первая исполнительница в Одессе роли Катерины в «Грозе», ее бенефис состоялся 29 декабря 1860 г.

² Павел Александрович *Никитин* (1835—1880) — муж Фабиянской; выступал в качестве актера на сцене Московского народного театра в 1872 г., чтец-рассказчик. Бурдин писал о нем Островскому: «На днях дебютировал Никитин в роли Чацкого и очень неудачно, несмотря на поддержку друзей, и во втором дебюте ему отказано, чему я весьма порадовался, ибо это темный каторжник» («Островский и Бурдин», стр. 163). Иную оценку дает ему в своих «Записках» Н. Н. Синельников, вспоминая его по житомирской сцене 1870-х годов, как «замечательного чтеца некрасовских стихотворений» и умелого постановщика массовых сцен. «Каждый исполнитель в массовой сцене наделялся своим характером, что в то время далеко не всегда практиковалось даже в больших столичных театрах» (стр. 145). А. И. Шуберт, вспоминая его как антрепренера-деспота Саратовского театра 1870-х годов, пишет, что он «был талантливый, хороший чтец, брался за всевозможные хорошие роли» («Моя жизнь», стр. 281). Вл. Лихачев оставил интересный отзыв о совместных выступлениях Фабиянской и Никитина: «Яркая, сочная, хотя и грубоватая игра мужа в соединении с тонкой, изящной, подобной кружеву, игрой жены, производила впечатление такого гармонического дуэта, какой редко приходится слышать даже на наших образцовых сценах» («Из театральных воспоминаний». — «Театр и искусство», 1908, № 51; 1909, № 29).

П. С. ФЕДОРОВ

Павел Степанович *Федоров* (1803—1879) — драматург. Автор 74 пьес; из них оригинальных 17. Занимался главным образом переделками французских водевилей и комедий, приспособлявая их к русской жизни. Среди пьес: «Архивариус», «Хочу быть актрисой, или Двое за шестерых», «Путаница», «Довольно», «Аз и Ферт», «Утка и ста-

кан воды», «Любовь и предрассудок». Как автор не ставил своей задачей сатирически обличать; занимательные произведения Федорова имели поэтому широкий доступ на сцены театров Александринского, Малого и провинции. Игра выдающихся артистов создавала им несомненный успех.

С 29 сентября 1854 г. (как указывает А. И. Вольф) до конца жизни Федоров занимал должность начальника репертуарной части Александринского театра и управляющего петербургским театральным училищем. Соединял в себе «угодливость чиновника, хитрость царедворца и тонкость дипломата»; властный бюрократ, бесконтрольно управлял театром и училищем; труппу держал в беспрекословном подчинении. Отличался крайним лицепрятием, — раздавая роли любимцам, создавал в театре атмосферу угодничества. Искусный интриган, умел разобщать людей, ослабляя таким образом награвавшую против него среди некоторых членов труппы оппозицию, выживал неугодных ему лиц, державшихся независимо, с начальством ладил — при нем сменилось пять директоров, а он неизменно сохранял свой пост и власть.

К Островскому относился недоброжелательно, учитывая недооценку драматурга со стороны императорского двора. Как член Театрально-литературного комитета имел вес и отрицательно влиял на судьбу некоторых произведений Островского.

1

⟨Петербург. 1 августа 1863 г.⟩

Милостивый государь
Александр Николаевич.

Наконец, удалось нам благополучно провести через цензуру ваше «Доходное место»¹: оно дозволено к представлению на сцене. С особенным удовольствием извещаю вас об этом и желаю поставить вашу пьесу не позже половины сентября, чтобы приобрести поболее сборов, — я обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою о доставлении мне, в возможной скорости: 1, Записки в дирекцию о принятии пьесы на перспективную плату; 2, Распределение ролей между артистами. — Не излишним считаю уведомить вас, что к числу известных вам артистов, играющих роли молодых барынь и барышень, прибавились еще Владимирова², возвратившаяся из отпуска, и Подобедова 2-я³, которая думала было оставить сцену, но по обстоятельствам опять возвратилась к нам.

Мне доставила г-жа Линская ваше письмо, которым вы уполномочиваете ее просить «Доходное место» для ее бенефиса. — Но дело в том, что ей назначен бенефис в январе, а отложить пьесу до этого времени нам невыгодно, да и вам мало пользы. Хотела она просить артистов, получивших дни для бенефисов в сентябре, поменяться с нею бенефисами; но удастся ли ей — еще не знаю.

«Минин»⁴ в цензуре. Благоволите также доставить мне распределение ролей и, если признаете нужным, ваши соображения насчет постановки пьесы.

Вероятно, вы сами пожелаете к нам ко времени постановки той и другой пьесы. Я извещу вас заблаговременно — когда они должны пойти.

Пользуясь этим случаем, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности

П. Федоров

С.П.бург.

1 августа 1863 г.

Ед. хр. 2495, № 69112.

¹ Комедия «Доходное место» с 19 декабря 1857 г. находилась под цензурным запретом; в результате усиленных хлопот была разрешена к представлению в июле 1863 г.

² Е. В. Владимирова.

³ О Е. И. Подобедовой 2-й — см. стр. 346 настоящ. кн.

⁴ Драматическая хроника «Козьма Захарыч Минин, Сухорук».

⟨Петербург. 17 сентября 1863 г.⟩

С особенным удовольствием спешаю уведомить вас, милостивый государь Александр Николаевич, что пьеса ваша «Воспитанница»¹ дозволена цензурою к представлению на сцене.— Она, вместе с сим, отправляется в Контору московских театров.

Предполагая как эту пьесу, так и другую вашу — «Тяжелое время»² — в скором времени дать на петербургской сцене, — покорнейше прошу вас доставить мне распределение ролей для обеих пьес.

Мы ожидаем вас, по обещанию, к 20 сентября, чтобы, при ваших указаниях, срепетовать «Доходное место». Пьеса эта пойдет в бенефис г-жи Левкеевой³, если не в последних числах сентября, то в начале октября. Жалею об одном, что роль Вышневого отказался играть г. Самойлов⁴, который теперь и болен. Роль эта передана г. Григорьеву⁵. Прочие роли розданы по вашему назначению.

«Минин» все еще в цензуре. Не понимаю, зачем его так долго держат там. Боюсь, что он не успеет к бенефису г. Леонидова.

Не имеете ли вы лишнего экземпляра «Воспитанницы»? Много бы обязали доставлением его ко мне.

Примите уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности

П. Федоров

17 сентября 1863 г.

Ед. хр. 2496, № 67544.

¹ О «Воспитаннице» — см. стр. 293 настоящ. кн.

² «Тяжелые дни». Премьера в Александринском театре состоялась 2 декабря 1863 г. в бенефис Бурдина.

³ «Доходное место» было впервые поставлено в Александринском театре в бенефис Е. М. Левкеевой 1-й 27 сентября 1863 г.

⁴ В. В. Самойлов отказался не только от роли Вышневого, но впоследствии и от роли Минина (в 1866 г.), чем глубоко огорчил Островского.

⁵ Петр Иванович Григорьев 1-й (1806—1871) — драматический актер и водевилист. В 1826 г. окончил Петербургское театральное училище; в 1826—1871 гг. — в труппе Александринского театра. Выступал преимущественно в водевилях. В пьесах Островского был первым исполнителем на Александринской сцене ролей: Ильи («Не так живи, как хочется», 1855), Вышневого («Доходное место», 1863), Дюжого («Воевода», 1865), Сеитова («Тушино», 1867) и др. В истории русского театра большой след оставил как автор-водевилист. Демократические тенденции и некоторые элементы общественной сатиры в лучших его произведениях настораживали цензуру и одновременно вызвали сочувствие передовой критики и прогрессивного зрителя. Среди его пьес: «Друзья-журналисты, или Нелзя без шарлатанства», «Мнимая Фанни Эльслер», «Дочь русского актера».

⟨Петербург. 9—10 октября 1863 г.⟩

Милостивый государь
Александр Николаевич.

По вопросу вашему о «Минине» я могу сообщить вам только то, что слышал от цензора г. Нордстрема¹. Он прочел пьесу и представил А. Л. Потапову рапорт с мнением, как он говорит, в пользу «Минина», но Потапов почему-то не решается сам лично дозволить пьесу к представлению на сцене и оставил решение этого вопроса до возвращения в Петербург князя В. А. Долгорукова, которого ждут в Петербург, кажется, в конце текущего месяца.— Впрочем, Нордстрем не теряет надежды на пропуск «Минина». Но как дело затянулось, то я посоветовал Леонидову поменаться с кем-нибудь днями для бенефиса; вследствие чего 1 ноября

пойдет бенефис г. Бурдина, а Леонидова 2 декабря. О дальнейшей участи вашей пьесы я уведомлю вас своевременно и буду стараться, что возможно, сделать в вашу пользу.

Покорнейше прошу принять уверение в отличном уважении вашего покорнейшего слуги

П. Федорова

9 октября 1863 г.

При отправлении же этого письма, я получил известие из цензуры о запрещении к представлению на театре «Минина»². Быть может, я разъясню причину и о последствиях уведомлю.

10 октября утром.

Ед. хр. 2497, № 67543.

Опубликовано полностью (разбито на две части) А. И. Ревякиным в статье «Островский и цензура (цензурные злоключения пьес «Доходное место», «Воспитанница» и «Козьма Минин»)». — «Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», т. 48, вып. 5, 1955, стр. 292 и 296.

¹ Об И. А. Нордстреме — см. стр. 345 настоящ. кн. Он дал положительный отзыв о «Минине», хотя и вычеркнул из 1 действия строки, в которых говорилось о лиховетии, — они могли вызвать ассоциации с современным положением в стране. Желая содействовать прохождению пьесы через цензуру, Нордстрем намеренно выдвинул на первый план религиозные мотивы в действиях героев. «... неизбежный в этой драматической хронике, — писал в своем отзыве Нордстрем, — демократический элемент уступает религиозным мотивам и покрывается высокою целью этого народного движения: восстановления государственного строя России на монархическом начале» (цит. по указ. статье А. И. Ревякина, стр. 289).

² Освободительный подъем народных масс в хронике XVII века был созвучен выступлениям крестьян, обмученных и возмущенных реформой 1861 г.: политическая обстановка в России была все более напряженной. Из этих соображений цензура запретила 7 октября 1863 г. «Минина» к постановке.

4

(Петербург. 17 декабря 1863 г.)

Милостивый государь
Александр Николаевич.

Степан Александрович¹ поручил мне уведомить вас, что он душевно рад увидаться с вами и просит пожаловать к нему, как вам заблагорассудится: он дома всякий день до 11-ти часов утра.

Пользуясь случаем, покорнейше прошу вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

П. Федоров

17 декабря 1863 г.

Ед. хр. 2498, № 67545.

¹ С. А. Геденов.

Ф. А. ФЕДОРОВ-ЮРКОВСКИЙ

Федор Александрович Юрковский, по сцене Федоров (1842—1915) — режиссер. Отец актрисы и общественного деятеля М. Ф. Андреевой.

По окончании Морского корпуса отказался от военной службы. Обучался сценическому искусству у А. М. Читау 1-й; выступал в спектаклях под ее руководством (Кронштадт, Морской клуб). При содействии Читау поступил в 1864 г. в Александринский театр актером. На премьере «Последней жертвы» Островского (1877) сыграл роль Салая Салтаныча. Проявил склонность к режиссуре. С 1880 г. занял должность режиссера, а с сезона 1893—1894 г. главного режиссера (после П. М. Медведева).

Федоров был связан с передовой интеллигенцией, общался с представителями искусства и литературы (Репиным, Чеховым и др.), проникся новыми веяниями эпохи. В свой бенефис (25-летие сценической деятельности) 31 января 1889 г. поставил «Иванова» Чехова с участием В. Н. Давыдова в роли Иванова, Савиной в роли Саши и Стрепетовой в роли Анны (Сарры). Резонанс этой постановки был весьма велик — она признана принципиально важной, этапной для театра. Оставил Александринскую сцену в 1896 г.

Ю. М. Юрьев, знавший его по совместной работе в Александринском театре, писал: «Ф. А. Юрковский — один из тех редких людей, которые сразу, при первой же встрече, внушают доверие и расположение к себе. Человек он был в высшей степени культурный, серьезный, с большой эрудицией и пониманием актерского творчества (...). Глубокое уважение к нему и благодарность я испытываю при воспоминании о нем» (Ю. Юрьев. Записки. М.—Л., 1948, стр. 340).

1

⟨Петербург. 19 декабря 1880 г.⟩

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Прошу вас, будьте добры, потрудитесь написать распределение ролей в комедии «Блажь» на прилагаемом при сем списке.

С истинным почтением имею честь быть всегда готовым к вашим услугам

Ф. Федоров

19 декабря 1880 г.

Ед. хр. 2500, № 82134.

Комедия «Блажь» написана Островским совместно с П. М. Невежиным, предложившим драматургу сюжет пьесы. Островский значительно переработал его, учти цензурные требования; вместе с тем углубил образы и психологически обосновал поступки героев. Отделка пьесы была закончена в декабре 1880 г. Комедия впервые показана в Александринском театре 16 января 1881 г. в бенефис Горбунова с участием Савиной в роли Насти.

2

⟨Петербург. 8 января 1881 г.⟩

Милостивый государь Александр Николаевич.

Спешу уведомить вас, что вследствие болезни г-жи Савиной бенефис г. Горбунова перенесется, по всей вероятности, на следующую неделю в пятницу, 16 января. Роли из пьесы «Блажь» розданы артистам по вашему распределению, но, вследствие поручения ролей почти во всех пьесах одним и тем же лицам, ведение репертуара крайне затрудняется, во избежание чего приходится обратиться к системе дублерства. Вот предполагаемая передача ролей в вашей пьесе:

За Читау 1(Сарытова)	— Малышевой ¹
Савину (Настя)	— Н. Васильева ² , Тютрюмова ³ , Читау 2 ⁴
Нильского (Бондырев ¹)	— Зубов, Степанов ⁵ , Киселевский ⁶ (если не против «Господа избиратели» ⁷) и Бурдин (если не против «Светит да не греет»)
Петипа (Баркалов)	— Горев ⁸ , Каширин ⁹ .
Давыдов ¹⁰ (пр. «Светит да не греет»)	— Горин ¹¹ , Панчин 1-й ¹² , Арди ¹³ .

Прошу вас почтить меня ответом: каково ваше мнение относительно лиц, которым предположено здесь передать роли? Жду вашего ответа.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть всегда готовым к вашим услугам

Ф. Федоров

8 января 1881 г.

Ед. хр. 2499, № 82132.

¹ Ольга Николаевна *Малышева* (по мужу, артисту Александринского театра П. И. Малышеву; урожд. Денисова; ум. 1896) — драматическая актриса. Окончила Петербургское театральное училище. Дебютировала в Александринском театре в 1863 г.; заняла роли кинженю. Первая исполнительница роли Машеньки («На всякого мудреца довольно простоты», 1868).

² Надежда Сергеевна *Васильева* (по мужу Танеева, 1852—1920) — дочь артистов С. В. и Е. Н. Васильевых, драматическая артистка (заслуженная артистка императорских театров) и театральная педагог. Актриса Малого театра в 1870—1878 гг. Среди дебютных ролей — Дуня («Не в свои сани не садись», 1870). Перешла в 1878 г. в Александринский театр; работала в нем до 1897 г. Среди ролей в пьесах Островского: Аксюша («Лес»), Лариса («Бесприданница»), Елена («Женитьба Белугина»); в некоторых ролях дублировала Савину. В 1902 г. вернулась в Александринский театр; выступала на его сцене до конца жизни в ролях грандам и характерных; среди них Огудалова («Бесприданница»), Мурзавецкая («Волки и овцы»), Гурмыжская, — эту последнюю роль исполняла и в 1918 г. в возобновленном ею спектакле «Лес».

³ Анна Захаровна *Тютрюмова* (1857—1931) — драматическая актриса. Окончила экстерном Петербургское театральное училище в 1875 г. Работала в Александринском театре в 1876—1881 гг.; среди ролей в пьесах Островского — Ольга Дмитриевна («Сердце не камень», 1879, первая исполнительница), Машенька («На всякого мудреца довольно простоты»), Юлинька («Доходное место»). После ухода с Александринской сцены участвовала только в благотворительных спектаклях.

⁴ Мария Михайловна *Читау-Кармина* (по сцене Читау 2-я, род. 1861) — драматическая актриса и литератор, ученица А. А. Яблочкина; работала в Александринском театре в 1878—1900 гг. В пьесах Островского исполнила роли: Полины («Доходное место»), Верочки («Шутники»), Коринкиной («Без вины виноватые») и др.

⁵ О. П. С. *Степанов* — см. стр. 100 настоящ. кн.

⁶ Об И. П. *Киселевском* — см. стр. 120 настоящ. кн.

⁷ «Господа избиратели», комедия в 5 действиях А. И. Пальма; премьера в Александринском театре состоялась 3 декабря 1880 г. (бенефис Н. И. Новикова с участием Савиной в роли Анны).

⁸ Федор Петрович *Горев* (Васильев, 1850—1910) — драматический артист; в 1866—1880 гг. выступал на провинциальной сцене. В 1880—1882 гг. работал в Александринском театре, где был первым исполнителем роли Мелузова («Таланты и поклонники», 1882). Среди его ролей Жадов («Доходное место»). Переведен в конце 1882 г. на роли драматических любовников в Малый театр, где работал до 1897 г. В его репертуаре героико-романтические драмы. Сыграл в пьесе «Воевода» Степана Бастрыкова. В 1897—1900 гг. в труппе Александринского театра. В 1901—1905 гг. служил на частных сценах Москвы (театр Ф. А. Корша) и Петербурга (театр Л. Б. Яворской). С 1 сентября 1905 г. вторично приглашен в Малый театр на характерные роли пожилых людей; работал в нем до конца жизни.

⁹ Леонид Александрович *Каширин* (1850—1901) — оркестрант и артист драмы. В 1869 г. выпущен из Петербургского театрального училища в оркестр императорских петербургских театров (корнет). В 1876 г. переведен в труппу Александринского театра на роли светских молодых людей. На петербургской сцене первым исполнил роли Пьера («Красавец-мужчина», 1883), Миловзорова («Без вины виноватые», 1884). В 1885—1889 гг. играл главным образом в модных пьесах авторов-ремесленников.

¹⁰ В. Н. *Давыдов* — см. стр. 169 настоящ. кн.

¹¹ Анатолий Михайлович *Горин-Горяинов* (ум. 1901) — драматический артист. Пришел в Александринский театр с десятилетним опытом работы на разных сценах Петербурга и в спектаклях Кронштадтского театра. Дебютировал в Александринском театре в апреле 1880 г. в ролях Платона («Правда хорошо, а счастье лучше») и Карандышева («Бесприданница»). Покинул Александринский театр в 1883 г.

¹² Александр Семенович *Панчин* 1-й (1857—1906) — артист драмы и оперетты. Сын капельдинера. По окончании Петербургского театрального училища принят с 27 мая 1878 г. в Александринский театр, где работал до конца жизни. С успехом выступал в драмах, комедиях, водевилях и опереттах. Среди ролей в пьесах Островского: Платон («Правда хорошо, а счастье лучше»), Разлюбяев («Бедность не порок»), Кудряш («Гроза»), Белогубов («Доходное место»), Петр («Лес»), Вожеватов («Бесприданница») и др.

¹³ Николай Иванович *Арди* (Нечаев; 1834—1890) — драматический и опереточный артист. Учился в Московском театральном училище. С 1855 г. в течение 16 лет играл на провинциальных сценах. В 1871—1877 гг. и 1878—1890 гг. работал в Алек-



СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ МАЛОГО ТЕАТРА «ДОХОДНОЕ МЕСТО» (ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА, 1863 г.)

В РОЛЯХ: ЮСОВ — П. М. САДОВСКИЙ, ЖАДОВ — С. В. ШУМСКИЙ, БЕЛОГУБОВ — А. А. РАССКАЗОВ

Литография

Центральный театральный музей, Москва

сандринском театре. Сначала выступал, главным образом, в опереттах (тенор) и водевилях; позднее с успехом исполнял характерные и бытовые роли в драматических спектаклях. В пьесах Островского первым на Александринской сцене исполнил роли: Робинзона («Бесприданница», 1878), Константина («Сердце не камень», 1879), Мигаева («Таланты и поклонники», 1882). Среди ролей также Бородин («Не в свои сани не садись»), Разлюбов («Бедность не порок»), Подхалюзин («Свои люди — сочтемся!») и др.

3

⟨Петербург. 4 января. 1882 г.⟩

Милостивый государь
Александр Николаевич!

Я хотел заехать к вам просить вас пожаловать завтра утром к 10³/₄ часа, ибо артисты соберутся на вашу пьесу¹. Угодно вам читать ее, тогда будет считка, если нет — то будет репетиция. Прости⟨те⟩, что несмотря на мое желание быть у вас, извещаю вас письмом — у меня очень много хлопот и болит голова.

Примите уверение в моем совершенном почтении и преданности, готов⟨ый⟩ к услу⟨гам⟩

Ф. Федоров

4 января 1882.

Ед. хр. 2501, № 82133.

¹ Речь идет о комедии «Таланты и поклонники», которую Островский окончил 6 декабря 1881 г. Драматург придавал большое значение своему непосредственному участию в постановках своих пьес, общению и работе с исполнителями. С этой целью он и приехал в Петербург в первых числах января 1882 г. — на 5 января была назначена читка автором комедии.

Г. Н. ФЕДОТОВА

Гликерия Николаевна *Федотова* (1846—1925) — драматическая актриса, народная артистка Республики (1924). Рано потеряв родителей, была удочерена Поздняковой. Выступала на сцене под этой фамилией до выхода замуж за актера и режиссера Александра Филипповича Федотова (1863).

Окончила Московское театральное училище (1862), ученица И. В. Самарина. Испытала на себе благотворное влияние уроков и заветов Щепкина. В 1863 г. зачислена в труппу Малого театра, где проработала до 1905 г. (оставила сцену по болезни). Исполняла главные роли в трагедиях, драмах и комедиях.

Ее лучшие создания в произведениях Островского и Шекспира. Свою первую роль в пьесах Островского Катерину («Гроза») сыграла в 1863 г. во время гастролей П. В. Васильева в Малом театре. Затем была первой исполнительницей 22 ролей: Аннушки («На бойком месте», 1865), Лизы («Пучина», 1866), Марины («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», 1867), Людмилы («Тушино», 1867), Марфы Борисовны («Козьма Захарыч Минин, Сухорук», 1867), Машеньки («На всякого мудреца довольно простоты», 1868), Василисы («Василиса Мелентьева», 1868), Параши («Горячее сердце», 1869), Лидии («Бешенные деньги», 1870), Аксюты («Лес», 1871), Натальи («Комик XVII столетия», 1872), Снегурочки («Снегурочка», 1873), Людмилы («Поздняя любовь», 1873), Натальи Петровны («Трудовой хлеб», 1874), Купавиной («Волки и овцы», 1875), Белесовой («Богатые невесты», 1875), Тугиной («Последняя жертва», 1877), Ларисы («Бесприданница», 1878), Веры Филипповны («Сердце не камень», 1879), Зои («Красавец-мужчина», 1882), Кручининой («Без вины виноватые», 1884), Ксении Васильевны («Не от мира сего», 16 января 1885 г. в свой бенефис). Играла также уже не первой роли: Чебоксаровой-матери («Бешенные деньги», 1893), Мурзавецкой («Волки и овцы», 1893) и др. Включая пьесы Островского в свой гастрольный репертуар, популяризировала их в провинции.

В 1912 г. на своем 50-летнем юбилее прощалась со сценой в роли царицы Марфы («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»).

Занималась педагогической и режиссерской работой; ревностно следила за ансамблем, помогая партнерам и молодежи. Была почетным членом труппы Малого театра до конца жизни. Как артистка и деятель, Федотова восхищала Станиславского, писавшего: «Она была мастером художественной формы воплощения и блестящим виртуозом в области актерской техники» (Собр. соч., т. I, 1954, стр. 39).

1

(Москва. Конец декабря 1884 г.)

Многоуважаемый мой
Александр Николаевич,

Я слышала, что вы окончили новую пьесу и решилась обратиться к вам с просьбой дать мне ее в бенефис¹.

Бенефис мой еще не назначен, и потому я могу взять его в том месяце, который вы найдете более удобным для постановки вашей пьесы. С нетерпением жду вашего ответа. Приехала бы просить вас сама, но еще не выезжаю, Сашенька² тоже не совсем здоров. Машу и детей целую.

Всегда готовая к услугам

Ваша Гликерия Федотова

Ед. хр. 2502, № 165739.

Датируется на том основании, что пьеса Островского «Не от мира сего», о которой идет речь, была закончена им 20 декабря 1884 г. Он написал ее для бенефиса П. А. Стрепетовой. Премьера в Александринском театре состоялась 9 января 1885 г.

¹ На просьбу Федотовой разрешить ей поставить «Не от мира сего» в свой бенефис Островский ответил согласием. В конце декабря 1884 г. он послал режиссеру

С. А. Черневскому свое предположение о распределении ролей. Федотова получила роль Ксении. В письме к Федотовой 3 января 1885 г. драматург предложил сделать считку пьесы 5 января, — она состоялась у артистки на дому. На московской сцене пьеса «Не от мира сего» поставлена 16 января того же года в бенефис Федотовой.

² Александр Александрович *Федотов* (1863—1909) — сын Федотовой. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Как театральный деятель формировался под влиянием Станиславского и актеров Малого театра (среди них А. П. Ленский). Участвовал в спектаклях «Общества искусства и литературы» (под псевдонимом Филиппов). В Малом театре работал в 1893—1909 гг. как актер (исполнял роли стариков и характерные бытовые) и очередной режиссер.

Н. И. ШАПОВАЛОВ

Николай Ираклиевич *Шаповалов* (1829? — 1872) — чиновник, помощник казначея московской дворцовой конторы. Вместе с другими чиновниками этой же конторы участвовал в любительских спектаклях так называемого Красноворотского театра в доме Н. И. Давыдова у Красных ворот.

В этом театре Шаповалов был выбран режиссером. Разбирая в своем «Театральном дневнике» игру Шаповалова в роли Жевакина («Женитьба» Гоголя), Н. А. Дубровский приходит к выводу, что Шаповалов «не создан быть актером». А рассказывая об его исполнении роли Кречинского, замечает, что он играл «сносно, но не хорошо», так как было «много рутины и фарсов». Однако как режиссера Дубровский его хвалит за находчивость (ГБЛ, ф. 94, карт. 1).

Публикуемое письмо представляет интерес тем, что оно написано под непосредственным впечатлением только что виденного первого представления пьесы «Грех да беда на кого не живет» на сцене Малого театра, в бенефис режиссера Богданова 21 января 1863 г.

Роли исполняли: Шумский — Бабаев, Садовский — Краснов, Колосова — Краснова, Таланова — Жмигулина, Дмитревский — Архип, Рассказов — Афоня, Акимов — Курицына, Живокини — Курицын, Кремнев — Карп, Никифоров — Шигалов, Немчинова — Зайчиха.

В ф. Островского имеется еще пять незначительных записок Шаповалова к нему: 1 декабря 1850 г., 26 августа 1860 г., 5 января 1867 г. и две недатированные (написанные в сентябре месяце), которые можно было бы отнести к 1869 г. по упоминанию оперы «Воевода», поставленной впервые 30 января 1869 г. в Москве в Большом театре. Но в этой же записке упоминается «Антракт» — театральная газета, которая, после смерти в октябре 1867 г. ее редактора и издателя А. Н. Баженова, в 1868 г. прекратила свое существование.

Таким образом, вопрос о датировке этих двух записок остается открытым.

Генварь 21. 1863. Москва

Любезный друг Александр Николаевич.

Сейчас из театра и вот что тебе скажу. Прова¹, ты знаешь, расшевелишь не скоро, но зато он прет, прет и чем дальше, тем лучше — выходит великолепно. Шумского долой бы следовало — это тот же Шумский, которого ты знаешь в водевилях. Вдобавок вначале и говорит так, что его не слышать. Не велика, мол, пьеса... Понимаешь? Рассказов еще не Афоня — трудно ладить с серьезными ролями². Таланова исправна³, а со временем будет очень хороша — помани мое слово. Она ведет дело честно, хотя подчас и подпускает, вроде Акимовой⁴, которая уже решительно (в твоей пьесе) подпускает, больше, чем сам Василий Игнатыч⁵.

Но зато — дай отдохнуть — на Колосовой⁶. Недаром она тебя слушала, недаром задумывалась у Васильевой⁷. Кроме того, что дело было честное, — художнически исполнено.

Твой Н. Шаповалов

P.S. Ни одной фальшивой, водевильной ноты.

Знаешь, Кат(ерина) Ник(олаевна) в «Бедной невесте» — в миллион раз выше. Спасибо ей.

Ед. хр. 2548, № 67825.

¹ П. М. Садовский.

² О А. А. Рассказове — см. стр. 87 настоящ. кн.

³ Хиония Ивановна Таланова (Стрелкова, 1822—1880) — артистка Малого театра с 1861 г. по 1800 г. Начинала в Нижнем Новгороде в конце 1830-х годов под фамилией Стрелкова. В 1864 г. с успехом сыграла роль Василисы Перегриновны в «Воспитаннице».

⁴ Софья Павловна Акимова (Ребристова, 1820—1889) — артистка Малого театра (1846—1889).

⁵ Василий Игнатьевич Живокни (1801—1874) — комический актер московских театров.

⁶ Александра Ивановна Колосова (Григорьева, 1834—1867) — артистка Малого театра с 1852 г.

И. Ф. ШЕСТАКОВ

Иван Федорович Шестаков — знакомый по Угличу Островского и его первой жены Агафьи Ивановны.

Письмо Шестакова интересно как еще одно свидетельство о первых гастролях П. М. Садовского весной 1857 г. в Петербурге, о полемике и критике по поводу пьесы «Доходное место», запрещенной цензурой к постановке в день первого спектакля, и о мелких театральных новостях и событиях.

Интересно это письмо также и тем, что в конце его имеется приписка от Агафьи Ивановны. В этом же письме упоминается Алексей (1848 или 1849 — начало 1870-х годов) — старший сын Островского и Агафьи Ивановны.

Москва. 19 мая <1857 г.>

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Начинаю письмо признанием: после вашего отъезда¹ я у Агафьи Ивановны сегодня в первый раз. Оправданий, разумеется, нет. Повинную голову, однако, не секут, не рубят. Итак, оставляю этот предмет и расскажу вам про московские происшествия. Начну с ужасного события, совершившегося накануне Вознесенья в 1/2 9 ч. утра.

Одна из арок каменного (старого) моста провалилась со всеми на ней работавшими людьми, числом 36 человек — из коих трое могли только передвигать ноги, 18 отправлены в ужасном виде в больницы, 9 человек найдены убитыми, а остальные 6 оторваны уже ночью из-под мусора, бревен, камней и проч., разумеется, тоже мертвыми.

И странно! кажется, катастрофа страшная, а как-то мало об ней толкуется и довольно холодно... Не менее тяжелое и грустное впечатление производят фельетоны «С. Петербургских ведомостей». В 100-м № разбирается игра П. М. в Любиме Торцове², и поэтому личность последнего (Любима) подвергается строжайшему разбору тоном самым пошлым, подлым и несправедливым до такой степени, что нет решительно никакой возможности читать... Этот же приятный тон господствует в № 79, где разбирается на двух листах «Доходное место», которое, конечно, не нра-

вится фельетонисту. Вам, вероятно, интересно было бы узнать этот разбор, но в коротких словах передать его невозможно, а переслать газету можно, если вы изъявите на то желание. На первую статью (о Торцове) Алмазов³ хочет отвечать в «Молве», в которой продолжают прения Крылова с Леонтьевым и К^о. Одевающихся à la Шаповалов я видел на днях каких-то еще двоих молодых людей, а между тем Погодин сбрил бороду, а А. Потехин был приглашен к обер-полицмейстеру по случаю бороды, который, однако, только просил его обриться⁴. На сцене у нас воспроизвели «Жизнь игрока». Самарин в роли Жоржа, Шумский — в Вернере и Баранова (бенефициантка) в роли Амалии были прекрасны и вызывали единодушный хохот... Пьеса была разыграна очень мило и с большим успехом могла заменить любой водевильчик. Болтают, что Горев⁵ осенью ставит комедию «Сплошь да рядом». Об Григорьеве и Эдельсоне писать вам нечего: первый все так же чудит, а последний писал к вам из С. Петербурга. Впрочем, Аполлон послал большую статью в «Современник» и получил от Панаева благодарственное за то письмо с извинением, что он до приезда Некрасова «больше 50-ти руб. за лист дать ему не может». Эдельсон едет завтра, т. е. 20 мая, на Тверь и оттуда на пароходе — вы, верно, с ним увидите. Позднейшее известие о Садовском: бенефис в денежном отношении прекрасный, как игралась пьеса — не знаю, а театр был, однако, не полон. Разовых в Петербурге Пров Михайлович получает по 25 руб. сер., говорят, на них останется и в Москве. Алексея вашего студент надеется непременно приготовить и очень доволен его занятиями. Полюбопытствуйте узнать от Евгения Николаевича о сборах его в дорогу, и если нужно вам каких-нибудь лекарств, обратитесь к нему: самые лучшие и в огромном количестве; две аптеки с собою везет: Никольскую и Никитскую!

Кажется, написал все... и ничего не забыл. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте душевно преданного вам

Ив. Шестакова

P.S. Гурию Николаевичу⁷ поклон и желание успеха в охоте, а вам доброго клева.

<Приписка Агафьи Ивановны:>

Письмо твое я получила, в котором ты пишешь об деньгах. Денег ни с кого не могу получить. Все каждое воскресенье обещаются отдать. Я тебе советую, чтоб ты на эти деньги не надеялся.

Ед. хр. 2555, № 67828.

На л. 1 надпись рукой Островского: «Пол(учено) в Щелькове 1 июня 1857».

¹ Островский в начале мая 1857 г. уехал в Ярославль для продолжения деятельности литературной экспедиции по верховьям Волги.

² О дебюте П. М. Садовского в Петербурге ролью Любима Торцова, помимо официальной прессы, см. еще письма к Островскому этого же периода Е. Н. Эдельсона, Е. Э. Дрянского и И. Ф. Горбунова («Неизданные письма», стр. 675, 116, 119, 664), а также Бурдина («Островский и Бурдин», стр. 4).

П. М. Садовский во время своих гастролей в Петербурге, с 23 апреля по 19 мая 1857 г., девять раз выступал в пьесах Островского: «Бедность не порок», «Не в свои сани не садись», «В чужом пиру похмелье» и «Картина семейного счастья», исполнив роли: Любима Торцова, Русакова, Тита Титыча Брускова и Пузатова.

³ Борис Николаевич Алмазов (1827—1876) — поэт, фельетонист, критик, член «молодой редакции» «Москвитинина».

⁴ О приказании обер-полицмейстера Беринга А. А. Потехину сбрить бороду — см. в письме Е. Э. Дрянского к Островскому: «Уехал в Кинешму все-таки в бороде» («Неизданные письма» стр. 116).

⁵ Дмитрий Андреевич Горев-Тарасенков (род. 1818) — провинциальный актер, посредственный драматург, сын разорившегося московского купца. В компании с врагами Островского пытался доказать свое соавторство в комедии «Свои люди —

сочтемся!» и других пьесах. См. письмо Бурдина к Островскому о провале в Театральном-литературном комитете пьесы Горева «Сплошь да рядом» («Неизданные письма», стр. 663).

⁶ Е. Н. Эдельсон.

⁷ Гурий Николаевич *Бурлаков* (умер в 1891 г.) — секретарь Островского во время литературной экспедиции по Волге в 1856—1857 гг. М. И. Семевский, в примечаниях к своим воспоминаниям об Островском, называет Бурлакова «важным помощником Островскому» и характеризует его так: «Бессловесный молодой человек, сын богатого купца, пламенно любящий литературу, благоговевший перед ее светилами, он добровольно служит Островскому в качестве его компаньона, литературного адъютанта, переписчика и, иногда, чуть не слуги <...>» («Островский в воспоминаниях современников», стр. 151).

А. И. ШУБЕРТ

Александра Ивановна *Шуберт* (урожд. Куликова, по первому мужу — Шуберт, по второму — Яновская, 1827—1909) — драматическая актриса, сестра драматурга-водевилиста и режиссера Александринского театра Н. И. Куликова и актрисы П. И. Орловой.

Некоторое время обучалась в Петербургском театральном училище; с 1842 г. проходила сценическую практику под руководством брата. В 1843 г. была принята в труппу Александринского театра; в 1845 — переведена в Малый театр; вскоре стала верной ученицей Щепкина, последовательницей и пропагандистской в провинции системы его игры. По рекомендации своего учителя была приглашена в 1847 г. в Одесский театр, где служила по 2 марта 1853 г. В 1853—1860 гг. Шуберт вновь работает в Александринском театре. В 1860—1863 гг. и 1865—1868 гг. она снова на московской сцене: в Малом театре среди ее ролей в пьесах Островского — Марья Андреевна («Бедная невеста», 3 октября 1860 г. в ее бенефис) и Василиса Перегриновна («Воспитанница», 1865); в западной классике — Агнесса («Школа женщин» Мольера, 1860) и Куикли («Виндзорские проказницы» Шекспира, 1866). В 1868 г. Шуберт уезжает в провинцию: работает в 1868—1871 гг. в Виленском театре (антрепренер М. И. Огарев), затем в 1871—1873 гг. в антрепризах П. М. Медведева (Саратов, Казань, Орел).

В юности несравненная юженку, Шуберт стала с годами отличной исполнительницей характерных ролей пожилых женщин и старух; одна из ее любимых ролей — Незабудкина («Бедная невеста»); игра ее отличалась исключительной простотой и естественностью. Она обладала также талантом педагога и своими советами способствовала развитию многих молодых актеров, служивших с ней в провинции, — в том числе В. Н. Давыдова, Савиной, Стрепетовой, Варламова.

В 1874—1876 гг. Шуберт играет на сцене московского Артистического кружка; в 1882 г. снова приглашена в Александринский театр; первой на петербургской сцене исполнила в пьесах Островского роли Аполлинии Антоновны («Красавец-мужчина», 1883) и Снафидиной («Не от мира сего», 1885).

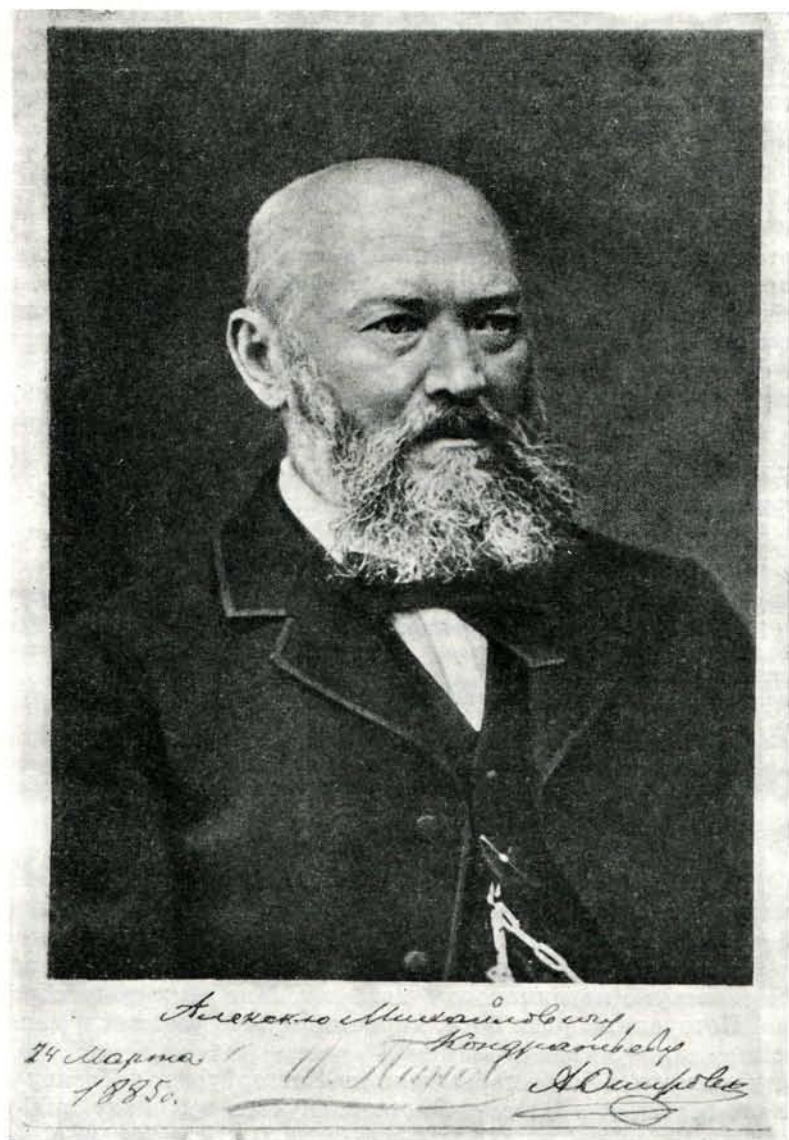
В последующие годы среди ее новых работ: Анна Львовна («Вакантное место» А. А. Потехина, 1886), Балкашева («Миллион» В. П. Мещерского, 1887), мать Клерхен («Эгмонт» Гёте, 1888); в 1889 г. сыграла свою старую роль — Василису Перегриновну («Воспитанница»). Оставила службу в Александринском театре с 1890 г.

Общалась с лучшими представителями русской литературы — Достоевским, Островским, Гончаровым. Автор воспоминаний «Моя жизнь». М.—Л., 1929.

1

⟨Петербург. 29 октября 1859 г.⟩

Не посмейтесь этим стихам¹, Александр Николаевич. Любя страстно театр не для себя, а для искусства и не имея ни сил, ни средств доказать этого на деле или вернее не умея в молодости направить свое дарованье на серьезное дело, — теперь в зрелых годах — я вижу, что ничего не сделала для искусства². Эти стихи вдруг пришли мне в голову, я в них услы-



ОСТРОВСКИЙ

Фотография М. Панова. Москва, 1885 г.

С дарственной надписью А. М. Кондратьеву:

«Алексей Михайлович Кондратьеву А. Островский 14 марта 1885 г.»

Центральный театральный музей, Москва

шала мою жизнь, и, мне кажется, они идут к этому грустному выражению лица.

Ради бога, не смейтесь!
Это скорбь моей души!..

Душевно преданная Александра Шуберт

1859 года октября 29.

Ед. хр. 2565, № 68297.

¹ Стихов при письме нет.

² В 1859 г. Шуберт работала в Александринском театре, где царили в эпоху владычества П. С. Федорова злейшие интриги и низкопоклонство; размах ее деятельности здесь значительно сократился, — это и послужило причиной ее пессимизма и отрицания своих творческих достижений.

2

⟨Москва. Середина сентября 1860 г.⟩

Александр Николаевич.

Кажется, мой бенефис сладился. «Бедная невеста» идет. Кавалерова¹ согласилась играть. Теперь все дело в самой бедной невесте, т. е. во мне².

Голубчик, помогите. В четверг вечером, т. е. после обеда, придите ко мне и почитайте со мной роль². Нелишним считаю вас известить, что сегодня вечером, т. е. в среду, я и Пров Михайлович у Плещеевых, не хотите ли приехать и вы для компании.

Искренне уважающая Александра Шуберт

Ед. хр. 2567, № 68298.

Датируется на основании ответного письма Островского 21 сентября 1860 г. (XIV, 87), а также по упоминанию о предстоящем в Малом театре бенефисе Шуберт и о подготовке к нему роли Марьи Андреевны в «Бедной невесте». Бенефис — 3 октября 1860 г.

¹ Елена Матвеевна Кавалерова (по мужу и артисту К. П. Кавалерову; урожд. Борисова, 1791—1863). Сценическая деятельность ее началась в 1806 г. в Российской труппе московского театра (впоследствии труппа Малого театра), работала здесь до 1835 г., затем в 1842—1863 гг.

Островский называл имя Кавалеровой в числе лучших артисток московской труппы.

² Шуберт овладевала с трудом драматической ролью Марьи Андреевны. Этот спектакль примечателен тем, что на московской сцене «Бедная невеста» впервые пошла с ролями Дуни и Паши, восстановленными драматической цензурой по особому ходатайству.

3

⟨Петербург. 4 мая 1886 г.⟩

Батюшка, Александр Николаевич, помогите высвободиться из Петербурга. Я подала в отставку по болезни с просьбой зачислить мне прослуженные мною года в пенсию. Из здешней Конторы послано за справками в московскую, но никакого ответа нет. Мне не к кому обратиться, кроме вас. Поторопите, ради бога, директор¹ скоро уезжает и меня задержат здесь.

На моей памяти я была переведена из Пет(ербурга) в Москву в 45 г. В 47 уехала в отпуск в Одессу. Вновь вернулась в Москву в 60-м. Пробыла до 63-го. Вновь поступила в 65-м и была выключена в 68-м. Эти прослуженные мною годы в Москве и последние четыре года в Петерб(урге) как раз пополняют вычтенный из пенсии одесский отпуск². Ради бога, поторопите, кого следует, высылкой справки в здешнюю контору.

Примите уверение в искреннем почтении и преданности

А. Шуберт

4 мая.

Ед. хр. 2566, № 68296.

Датируется на том основании, что в 1886 г. кончается четвертый год службы Шуберт в Петербурге. К этому времени относится переписка между Московской конторой императорских театров и Петербургской о годах службы Шуберт в Малом театре (ЦГАЛИ, ф. 659, Контора имп. моск. театров, оп. 4, ед. хр. 1048, д. А. И. Шуберт № 10, л. 69—73). Задержка была вызвана тем, что в деле артистки оказались незаписанными три года ее службы в Малом театре с 6 апреля 1865 г. по 6 апреля 1868 г. На выяснение недоразумения ушли месяцы март—май 1886 г.

¹ И. А. Всеволжский.

² С 22 июня 1847 г. по 2 марта 1853 г. Шуберт работала в труппе Одесского театра, куда была отпущена из Малого театра дирекцией императорских театров.